

"Третий лишний"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Зал гудел, как пчелиный улей. Деловой бомонд города энергично двигал челюстями, поглощая закуски, расставленные на четырех длинных столах в лучшем ресторане бизнес-центра. Официанты с молниеносной быстротой меняли подносы с пустыми бокалами а новые, радовавшие глаз золотистыми оттенками виски, гранатовым колоритом красного вина и прозрачной нежностью рейнского.

Гарольд в очередной раз крепко пожал чью-то протянутую руку и в очередной раз кивнул, благодаря за еще одно поздравление, кажется, двухсотое по счету в длинной череде хвалебных слов, сказанных в его адрес за сегодняшний день. Теперь, когда фуршет уже подходил к концу и напряжение спало, он вдруг ощутил усталость, нормальную, здоровую усталость человека, удовлетворенного результатами долгой и трудной работы, которую он завершил и от которой все вокруг пришли в полный восторг.

Гарольд в очередной раз крепко пожал чью-то протянутую руку и в очередной раз кивнул, благодаря за еще одно поздравление, кажется, двухсотое по счету в длинной череде хвалебных слов, сказанных в его адрес за сегодняшний день. Теперь, когда фуршет уже подходил к концу и напряжение спало, он вдруг ощутил усталость, нормальную, здоровую усталость человека, удовлетворенного результатами долгой и трудной работы, которую он завершил и от которой все вокруг пришли в полный восторг.

Между тем прошел только первый этап, правда чрезвычайно важный. Архитектору Гарольду Фарберу, недавнему лауреату престижного международного конкурса, отцы его родного Портленда предложили сделать проект переустройства центральной части города — небольшого старого района с великолепным сквером и прилегающими улицами, слишком узкими, чтобы отвечать современным требованиям и пропускать растущее число автомобилей, и слишком обветшавшими, чтобы представлять деловое и торговое лицо города. Роскошный фуршет, оплаченный фирмой Гарольда, оказался весьма кстати: проект реконструкции был принят на «ура» и отныне ему предстояло курировать строительство в качестве генерального подрядчика — а это, разумеется, означало для него как гарантированную стабильную прибыль, так и возможность потрудиться на благо родного города. Хотя поднять такой проект будет нелегко.

Но все усилия были еще впереди. А сейчас ему захотелось просто расслабиться и отдохнуть и, может быть, даже напиться, растворяясь в этом жужжащем, горячем, уже бестолковом, но сохраняющем респектабельность водовороте, среди восклицаний «Хелло, Билл!» или «Хелло, Джон!» и дружеских похлопываний, сопровождающихся новыми возлияниями. В конце концов Гарольд Фарбер заслужил пять минут тайм-аута после того, как полгода, буквально не вставая из-за стола, прокорпел над этим замечательным проектом, да и сегодня фактически всю ночь провел в дороге, чтобы добраться из головного офиса в Нью-Йорке в филиал компании в Портленде к началу рабочего дня.

— Хелло, Фарбер! — услышал он тут за своей спиной и обернулся.

— Тебе все равно понадобится подрядчик на сквер, — говорил кто-то рычащим басом, — так вот я привел тебя Крис Робине. Заключай договор сразу, лучше ты никого не найдешь.

Гарольд даже отпрянул от такого напора.

— Спасибо за заботу, — проговорил он, вежливо улыбаясь, причем почти в воздух, то есть так толком и не поняв, кто из полутора десятков человек, окружавших его сейчас плотной стеной, обращался к нему с такой бесцеремонностью. — Когда я приступлю к делу, обязательно поговорим. Однако, надеюсь, вы позволите мне сделать выбор самому.

И Гарольд повернулся, твердо намереваясь пробиться сквозь толпу к фуршетному столу, а также ухватить себе с подноса проходящего мимо официанта широкий стаканчик с золотистой крепкой жидкостью — виски наверняка привело бы его сейчас в чувство.

Он уже знал, что с нынешнего дня его многие начнут терзать просьбами, желая получить лакомый кусочек от его заказа — просто работу или просто денег на все подряд, от благотворительных вечеров до поддержки плана какого-нибудь местного гения запустить воздушный шар на Луну. В последнее время он стал хоть и маленькой, но знаменитостью, и все от него чего-то хотели, даже политики просили финансировать их компании. Ничего не поделаешь: такова цена успеха — или его издержки.

Но не успел Гарольд сделать и шагу, как кто-то крепко ухватил его за рукав и над его ухом рявкнул все тот же бас:

— Не будь дураком — чего там еще выбирать! Любой нормальный человек укажет тебе на Крис, и нечего кочевряжиться!

Обернувшись, Гарольд понял наконец, что за рукав его крепко держит обрюзгший, растолстевший, но как и в прежние времена веселый, нахальный и рыжий Вилли Гардифф, приятель по школе, с которым они когда-то года два или три были неразлучны. Вилли, пожалуй, трудно было узнать, но невозможно забыть. Именно Вилли, этот бесшабашный и любопытный мальчишка, был первым, кто посвятил Гарольда в вопросы секса, — он притаскивал ему порнооткрытки и порножурналы, заставлял их рассматривать и читать. Двенадцатилетний Гарольд порой заливался краской, точно девчонка, когда Вилли тыкал в картинку коротким толстым пальцем и выпаливал скабрезные комментарии.

Потом, в очередной раз приехав к матери на каникулы из университета, Гарольд узнал, что Вилли быстро женился, обожает свою жену и двух девочек, в поте лица зарабатывает деньги, вместо того чтобы продолжать образование, что он работает репортером в местной газете и на жизнь ему хватало бы вполне, если бы не дурная привычка писать, прикладываясь к бутылочке.

Воспоминание о семье кольнуло Гарольда в самое сердце — уже три года он был один, хотя женщины, во всяком случае многие из его знакомых, явно были не против поддержать отношения с высоким, красивым, преуспевающим архитектором тридцати лет.

Да и мать, и личная секретарша Фарбера, добрая пятидесятилетняя миссис Джексон, любившая его до самозабвения, не забывали в последний год намекать ему, что пора позаботиться о себе. Гарольд только усмехался их наивным, детски неуклюжим попыткам — он не находил в себе сил любить, тем более жениться.

Вилли вдруг отпустил его рукав и замахал кому-то с сумасшедшей энергией, только что не подпрыгивая:

— Крис! Ну где ты! Ну не робей же, смелее! Он уже готов любить тебя! Иди, иди — вряд ли кто-нибудь устоит против такой женщины!

Хотя Вилли говорил со своим обычным двусмысленным смешком, Гарольд на сей раз почему-то

не был шокирован — он был скорее удивлен: во-первых, Крис Робинс оказалась миловидной молодой женщиной, невысокой, с женственными формами, в синем брючном костюмчике, благодаря которому она вообще выглядела как школьница; а во-вторых, эта молодая женщина и сама была смущена шуткой Вилли чуть не до слез — во всяком случае, ее чудесные, выразительные карие глаза явно заволочла соленая влага, и она с отчаянием неловкости глянула на Фарбера, когда Вилли, ухватив ее за локоть, сквозь толпу потащил к хозяину приема. Гарольд в течение минуты наблюдал эту забавную сцену как замороженный, ощутив неожиданную теплоту.

— Извините, мистер Фарбер! — Крис с большим достоинством протянула ему руку для пожатия. — Я просто случайно сказала мистеру Тардиффу, что была бы счастлива работать с вами. Я очень высокого мнения о вас и вашей компании — я прочитала о вас все, что смогла найти. Мне показалось, что вы не только талантливый архитектор и преуспевающий бизнесмен, но еще... — Крис запнулась, видно было, что она безумно волнуется и изо всех сил старается этого не показать, но гладкая речь давалась ей с большим напряжением. — Еще, я думаю, вы тот редкий человек, которому не безразлично, какой смысл будет иметь ваша работа.

— Благодарю, — снисходительно усмехнувшись, отозвался Гарольд. Ему стало абсолютно ясно, что девица просто ищет работу. Пожалуй, он мог бы взять ее, раз уж она такая усердная и не пожалела времени проштудировать газеты, журналы, написавшие о нем, и, наверное, буклеты его фирмы. — Можете прийти ко мне в офис на собеседование.

Внимание, сколько бы его ни было, все-таки лестно, но Гарольд тоже постарался этого не показывать.

На Крис между тем его слова оказали самое неожиданное действие:

— Вы, наверное, сегодня уже и так выслушали слишком много комплиментов... Я говорила Вилли, что не стоит сейчас отвлекать вас.

Девушка явно отступала. Гарольд даже растерялся — неужели он сказал ей что-то обидное? Он совсем не хотел обидеть эту милую женщину с раскинутыми по плечам мягкими каштановыми волосами, с нежным овалом лица и удивительными карими глазами, в которых загорались то зеленоватые, то золотые искорки. Еще минуту назад эти глаза смотрели на него с выражением беспредельного восхищения, но после его слов стали сердитыми и даже холодными. В тоне ее тоже явственно прочитывалась сердитая ирония.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она, делая шаг прочь. — Всего лучшего...

— Ни за что!!! — завопил Вилли, снова хватая ее за локоть. — Ты просто не соображаешь, что говоришь, Фарбер! Это же Крис Робинс! Это «Робинс Бьюти Лэнд»! Да послушай же, Крис, дай этому олуху визитку.

На визитке Крис он действительно прочитал сказанное Вилли название: «Робине Бьюти Лэнд», а также имя Крис и слова «дизайнер», «владелец», «управляющий». Сквозь суматоху до Гарольда даже не сразу дошло, что это все о ней.

— Очень приятно, — спохватился Гарольд. — «Земля красоты» — это, вероятно, ваша фирма, так надо понимать? Поздравляю, вы придумали замечательное название.

— Оно точно соответствует тому, что я делаю. — В тоне Крис по-прежнему преобладали холодноватые нотки.

— Да она просто волшебница. Она сделала детский парк на окраине — весь город ездил посмотреть, хотя сначала никаких аттракционов там не было! — вступился Вилли.

Гарольду отчего-то вдруг стало неприятно горячее участие Вилли в этой девушке. В каких они, интересно, отношениях — старые друзья, партнеры, может быть, любовники? Что это он так старается для нее?

Тут Вилли, не замечавший, кажется, никого, кроме себя, и топтавшийся между ними, как слон в посудной лавке, словно вдруг угадал вопросы, возникшие у Гарольда, и дал исчерпывающий ответ:

— Я делал репортаж о парке Крис и за интервью с ней получил самый большой в своей жизни гонорар плюс тысячи писем благодарных читателей. Меня тогда не уволили, хотя шли большие сокращения. А теперь совсем другое дело — я стал шефом отдела и от меня тоже кое-что зависит. Мы с Крис большие друзья.

— Рад познакомиться. — Гарольд вежливо поклонился мисс Робине. — Могу вам чем-то помочь? Давайте отыщем место и спокойно побеседуем.

Виски в очередной раз проплыли на подносе мимо Гарольда, от стола с закусками тоже пришлось отойти подальше, но он успел позабыть о желании расслабиться и выпить.

Поддерживая Крис под локоть, он повел ее к окну, куда сквозь толпу как таран прокладывал путь Вилли. Оказавшись на столь близком расстоянии от девушки, Гарольд невольно обратил внимание на запах ее духов — что-то нежное и притягивающее, словно напоминание о теплых краях. На мгновение Гарольд забыл обо всем на свете, вдыхая этот чудесный аромат. «Запах женщины», — пронеслось в голове.

Остановившись у окна, они могли теперь говорить нормально — голоса здесь не заглушал общий гул. Но Вилли с его рычащим басом ораторствовал все так же громко, расписывая таланты Крис и достоинства ее фирмы — то ли по инерции, то ли от большого энтузиазма, то ли он слишком хорошо подогрелся. Из его спича легко можно было понять, что Крис работает уже пять лет в своей небольшой фирме — и весьма успешно.

Гарольд медленно, почти лениво рассматривал лицо Крис: ресницы темные и густые, выразительные карие глаза, маленький, чуть вздернутый носик, пухлые чувственные губы...

Смущенная взглядом Гарольда, Крис отвела глаза и попробовала остановить красноречие Вилли:

— Я очень люблю этот город, мистер Фарбер. И хочу, чтобы он был красивым, чтобы людям в нем было хорошо жить. Мне показалось, что и вы этого хотите! В ваших интервью всегда говорилось о честности и приверженности старым добрым ценностям.

В тоне Крис звучало что-то похожее на вызов. Она будто хотела сказать: «Я так думала, но вы мне дали повод в этом сомневаться». Гарольд был задет: он совсем не пытался представить себя святым, но и никого не обманывал.

— Я ничего не имею и против того, чтобы делать деньги, — резко парировал он.

— Я тоже. Более того, не вижу в этом ничего плохого, — спокойно согласилась Крис.

— Она неплохо зарабатывает, — прогудел Вилли, — Лучше, чем кто-либо другой в таком

бизнесе!

— Тогда к чему этот разговор о ценностях? — холодно отозвался Гарольд.

Крис прикусила губу, оставив на зубе след абрикосового цвета помады. Глаза ее сузились. Может, ей и нужно что-то от Гарольда Фарбера, но это еще не значит, что она позволит так обращаться с собой. Ноздри девушки слегка раздулись.

— Не вижу необходимости хамить, мистер Фарбер.

— Вам никто не мешает уйти, — невозмутимо заявил Гарольд.

— И потом терзаться сожалениями из-за того, что сдалась слишком быстро? Нет уж, благодарю покорно.

— Ближе к делу, ребята! — снова встрял Вилли, допивая последний глоток спиртного. — Говорю же тебе: не сейчас, так потом ты придешь именно к ней. Лучше сразу ударьте по рукам.

— Мистер Фарбер, — Крис так волновалась, что на щеках у нее выступил жаркий румянец, — если вы отдадите сквер мне, я сама обеспечу проект, растения и работы и вам не придется его финансировать.

Гарольд удивленно поднял брови.

— Какое великодушие! Могу я поинтересоваться, из каких побуждений?

— А что, если я это делаю, мистер Фарбер, из альтруистических побуждений? Или такой мотив вас не устраивает?

— Не устраивает, — заявил он. — Я считаю, что альтруизма просто не существует.

— Ну, я бы сказала, это спорное утверждение, — парировала Крис с дерзкой улыбкой. — А как насчет просвещенной заинтересованности? Это вам больше подходит?

— Уже лучше.

— А я вообще способная ученица. Что же касается моих побуждений, то я просто получаю удовольствие, видя, как заброшенные участки земли становятся красивыми и нарядными. Ну, как теперь?

— Впечатляет. Но это выльется в кругленькую сумму.

— Я могу себе такое позволить.

— Не знал, что благоустройство парков и декоративное садоводство так прибыльно. Но, может, дело не в альтруизме — ведь эта работа будет отличной рекламой вашей фирме.

Тут Гарольд увидел, что его слова по-настоящему обидели девушку, и пожалел об этом.

— Да какая там реклама, одна морока! — махнул рыжей лапой Вилли как нельзя кстати, — Так ты берешь ее, Фарбер?

— Мне нужна соответствующая документация, прежде чем я приму решение.

— Вы ее получите. — Крис судорожно сглотнула, чувствуя, как растет напряжение. — Вы хотите сказать, что готовы рассмотреть мое предложение?

— Завтра между десятью и половиной двенадцатого у меня ничего не запланировано, этого времени хватит на то, чтобы посмотреть ваши прежние объекты.

— У меня завтра в девять встреча, но я могу заехать за вами в половине одиннадцатого.

Гарольд улыбнулся.

— Договорились. И захватите свои планы. Крис снова протянула руку.

— Рада была познакомиться, мистер Фарбер.

— Взаимно, мисс Робине. — Гарольд взял протянутую теплую ладонь, и от этого прикосновения его словно током пробило. Они стояли близко друг к другу. В ее глазах мелькали золотые искорки. Он снова ощутил аромат ее духов. Уже давно он столь остро не ощущал присутствие женщины, замечая все до мельчайших подробностей... очень давно.

— До завтра, — еще раз попрощалась она. Гарольда неожиданно разозлил ее ровный, ничего не выражающий тон.

— Полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что я проверю состояние ваших дел и периодически буду повторять эти проверки.

— Другого я и не ожидала.

Раздраженный до крайности, Гарольд поспешил отвернуться первым и легко позволил Вилли увлечь себя к столу, где веселье было уже на исходе. Больше всего ему хотелось выбросить из головы этот разговор, одновременно заинтриговавший и разозливший его. Однако картинка расплывалась. Он не слушал излияний Вилли, двигался как сомнамбула и как во сне прощался с гостями презентации. Он отказался продолжить вечер в ночном клубе и с трудом понял, что его приглашают выступить в теленовостях.

Успех сейчас не волновал его. Он все еще как будто ощущал легкий ускользающий запах женщины, насмешливо напоминавший о том, чего не хватало в его жизни.

Мелани, мать Гарольда, вышла замуж вторично, после того как его отец умер от сердечного приступа. Гарольд всегда считал, что для человека, у которого, похоже, и не было сердца, в смерти от сердечного приступа была некая ирония. Об отце он помнил лишь то, что тот вечно отсутствовал, был холоден и держался на расстоянии — типичный военный, панически страшившийся любого проявления чувств.

Поэтому Гарольд был очень рад, когда мать вышла замуж за Джеффри Смиттера, известного в городе торговца антикварными книгами, любившего поэзию и садоводство. За одиннадцать лет брака с Джеффри Мелани расцвела, и Гарольд по-настоящему горевал, когда тот умер, по иронии судьбы, тоже от сердечного приступа.

В наследство от Смиттера его жена получила собственность — пятьдесят акров земли в часе с лишним езды от центра, и всего две недели назад она сдала ее в аренду профессору университета с семьей, а себе купила небольшой, но уютный коттедж в городе.

Поскольку она только еще устраивалась на новом месте, Гарольд решил остановиться в гостинице, но вечером навестить мать.

Мелани открыла дверь и впустила сына.

— У тебя усталый вид, — заметила она.

Гарольд взглянул в огромное антикварное зеркало, занимавшее весь узкий коридор. Темные, чуть волнистые волосы, серые глаза, решительный подбородок — все это он видел уже тысячу раз и никогда не понимал, что такого неотразимого находят в нем женщины — секретарши, светские дамы, молоденькие девушки, все подряд.

— Надо бы побриться, — пробормотал он.

— Не побриться, а как следует отдохнуть, — сурово заметила мать. — Ты слишком много работаешь.

Это они обсуждали уже не раз.

— Да, мама, — отозвался Гарольд, целуя ее в щеку. — Ты бы продала это зеркало — здесь оно совершенно не к месту.

— Зато это место меня устраивает, так что и зеркало останется здесь. Дефри его очень любил...

Не спрашивая, Мелани налила сыну виски с содовой. Гарольд сделал сразу большой глоток и решил затронуть деликатный вопрос, который не давал ему покоя с тех пор, как он прибыл в Портленд.

— Тебе следовало купить дом побольше, мама. Ты ведь даже не притронулась к счету, который я открыл на твое имя.

Мелани щедро подлила кока-колы в небольшую порцию черного рома. Она обычно шутила, что ром — лучший предлог, чтобы выпить коки. Пригладив пушистые седые волосы, мать ответила:

— Ну, ты же меня знаешь, я слишком себе на уме, чтобы от кого-то зависеть. Я уже слишком стара, чтобы перемениться.

— Надеюсь, твое решение перебраться сюда не было слишком поспешным.

— Я хотела сделать это до того, как мне заставят обстоятельства, Гарольд. Чтобы сохранить некое подобие возможности выбирать. В этом доме нет лестниц, я живу рядом с библиотекой, книжным магазином и деликатесами. И могу взять такси, чтобы поехать в театр или в филармонию. — Мелани подняла бокал, словно произнося тост. — Мне здесь, правда, очень хорошо. Съешь немного чипсов.

Гарольд взял пригоршню чипсов и, почувствовав себя рядом с ней почти ребенком, ласково улыбнулся матери, в который раз подумав, что ей всегда удавалось дарить ему любовь за двоих — за себя и отца.

— Тебе придется что-то делать с садом.

— Я его засею.

— То есть как?

— Травой, Гарольд, травой. Никакой тебе возни, никакой грязи.

— Но у тебя был такой чудесный сад в Сивью!

— Сущность жизни составляют перемены, — тоном школьного учителя произнесла Мелани. — Кто-то недавно мне сказал, что старость — это не для неженков.

— Да тебя никто в жизни не назовет неженкой, — запротестовал Гарольд, и внезапно ему вспомнились дерзкие золотые искры в карих глазах Крис Робине. Эту тоже не назовешь неженкой. Матери бы она понравилась, в этом можно не сомневаться.

Но вряд ли они когда-нибудь встретятся.

— Все это глупости про золотые годы! — между тем продолжала Мелани. — Я лично не вижу ничего золотого в артрите и в том, что твои

Друзья начинают понемногу вымирать. Чувшь собачья. — Мать посмотрела на сына поверх очков и неожиданно заколебалась. — Наверное, мне не следовало бы это говорить... но мне хотелось бы стать бабушкой, пока не поздно.

— Мама, не надо!

— Но ведь прошло уже три года.

— Да... — Гарольд сжался, как животное, которое неожиданно ударил человек, пользовавшийся его полным доверием. — Но у меня все еще такое ощущение, что это случилось вчера.

— Не можешь же ты вечно прятаться за свою работу.

— Наверное, нет. — Гарольд выдавил улыбку. — Если я кого-нибудь встречу, ты узнаешь об этом первая.

— Никого ты не встретишь, если не снимешь свой дурацкий щит. Это ясно как... как зеркало в прихожей. А теперь я умолкаю — терпеть не могу мамаш, которые везде суют свой нос. Ты не мог бы помочь мне передвинуть бюро из красного дерева в мою комнату?

— Конечно, помогу, — с готовностью откликнулся Гарольд и залпом осушил свой стакан.

Через час, когда бюро было водворено на место, карнизы для штор повешены, а часть книг распакована, Гарольд отправился в гостиницу. Он осторожно ехал по мокрой, скользкой дороге. Странно, но до сегодняшнего дня мать ни разу не упоминала о том, что ей не хватает внуков. Жаль, что она не удержалась и сказала об этом. Не хватало только, чтобы еще и это на него давило.

Чувствуя себя совершенно выбитым из колеи, Гарольд решил заглянуть в теннисный клуб в надежде, что найдет себе партнера.

Перед тем как идти переодеваться, он изучил расписание игр на доске. Сегодня играли Виктор Брюс и Тим Кейн — с этими ребятами ему уже доводилось встречаться на корте. И тут в глаза бросилось еще одно имя. Крис Робинс. Она была записана на семь утра следующего дня с каким-то парнем по имени Боб Фул.

Гарольду сразу вспомнилось лицо девушки, такое переменчивое и удивительно живое. Почему-то его не удивило, что она увлекается теннисом, который требует молниеносной реакции, умения полностью сосредоточиться и прекрасной физической формы. Кроме того, она жила неподалеку — это он выяснил, проверяя данные о ее компании перед уходом из офиса. Кстати, его даже не очень удивило, что ее бизнес оказался вполне процветающим.

Нахмурившись, Гарольд отправился переодеваться.

На следующее утро в половине восьмого по пути в контору Гарольд подъехал к стоянке перед теннисным клубом. Он очень плохо спал. И сны его были откровенно эротическими. Проснувшись в шесть утра, он отчетливо помнил женщину, умело и страстно занимавшуюся с ним во сне любовью на персиковых атласных простынях. Крис Робинс. Обнаженная, прекрасная и на редкость искушенная.

Гарольд мог держать под контролем большую часть своей жизни. Однако контролировать сны он не умел.

Он со стуком захлопнул дверцу машины и помчался по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Затем направился в галерею, откуда открывался вид на корты. Подойдя к самому дальнему корту, Гарольд отступил к стене, чтобы его не было видно.

Парочка резвилась вовсю, оба игрока носились по твердому покрытию корта с бешеной скоростью, удары отбивали очень точно, и мячик летел туда и обратно со скоростью звука.

Крис загнала партнера к задней стенке, рванулась вперед и мягко послала мяч в угол. Мужчина взвыл от разочарования, а Крис звонко и торжествующе рассмеялась.

— Моя подача, — объявила она, подбрасывая мяч в воздух.

Девушка была одета в белые шорты и тенниску, волосы забраны в хвост, очень задорный. Когда она потянулась вверх, отбивая мяч, Гарольд увидел, как напряглась ее грудь, заметил струйки пота, стекавшие по шее. Ноги ее были длинными, стройными, их ничуть не портили крепкие мускулы. Вообще на корте она выглядела изящной, но совсем не такой уж хрупкой, какой показалась на приеме. Гарольд ощутил, как невольно напряглось его тело.

Выругавшись, он перевел взгляд на ее партнера. Боб Фоул был выше Крис, с роскошной гривой кудрявых черных волос, и вообще он был на редкость красивым парнем. Кроме того, он был на несколько лет моложе Гарольда и, судя по всему, в гораздо лучшей физической форме. Фоул ему не понравился с первого взгляда.

Игра возобновилась. Партнеры были примерно равны по классу, ибо Крис восполняла недостаток физической силы ловкостью и сообразительностью. Когда счет застрял почти на пять минут, Гарольд исчез так же незаметно, как появился.

Да, эта женщина играла на победу. Но она умела и получать удовольствие от игры. И на корте она была не менее соблазнительна, чем в его эротических видениях.

Гарольд рванул со стоянки и помчался в офис, сердито стиснув зубы. Самым разумным будет отказаться. Нет, и все. Тогда ему не придется с ней больше встречаться. Хотеть женщину, которая явно связана с другим мужчиной, — для полного счастья ему только этого не хватало. Особенно если речь шла о такой яркой, умелой и поразительно красивой, как Крис Робинс.

Приехав в офис, Гарольд включил кофеварку и разложил перед собой план центрального района в попытке сосредоточиться. На выручку пришла многолетняя самодисциплина: когда секретарша постучала в дверь, чтобы сообщить, что уже десять двадцать пять, Гарольд как раз подвел итог сложного расчета и убедился в правильности недавно придуманного им оригинального решения площадки под парковку автомобилей. Весьма довольный собой, он помчался вниз, чтобы встретиться с Крис.

Снег растаял, и бледное солнце согревало улицы своим неярким светом. Сейчас он скажет Крис, что у него уже есть подрядчик на примете и им не придется тратить время и силы на то, чтобы осматривать ее работу. А через неделю он все равно уедет в Нью-Йорк и там вряд ли вспомнит о ней.

Десять тридцать. Десять тридцать пять, десять сорок. Гарольда охватило раздражение, а потом тревога — шестое чувство подсказало ему, что Крис не из тех, кто вечно опаздывает. Наконец в десять сорок три между машинами проскользнул небольшой зеленый грузовичок с надписью золотом по борту «Робине Бьюти Лэнд» и резко затормозил у бордюра. Крис наклонилась и открыла дверь. Когда Гарольд взялся за ручку, она с чувством произнесла:

— Мне ужасно неловко, что я опоздала. Я ведь никогда не опаздываю. У моей матери был пунктик на почве пунктуальности, так что у меня это в крови. Терпеть не могу заставлять людей ждать. Ради Бога, извините меня, мистер Фарбер.

Гарольд намеревался произнести свою гневную речь, не сходя с тротуара, а затем вернуться в офис. Однако он вдруг обнаружил, что забирается в машину и садится рядом с ней. Крис была бледной и расстроенной, совсем непохожей на полную жизни женщину, за которой он наблюдал в клубе всего три часа назад.

Наблюдал? Шпионил, если уж выражаться точнее.

— Что случилось? — решительно поинтересовался Гарольд.

— Ничего! Я же сказала, что не люблю опаздывать.

— Что случилось, Крис! — не отступил он. Впервые он назвал ее по имени. И не было никаких сомнений в том, что он ждет от нее настоящего, а не формального ответа. Крис залилась краской:

— Я опоздала, потому что моя лучшая подруга утром родила ребенка. Мне сообщили об этом, когда я приехала на работу, я помчалась в больницу и в результате опоздала сюда, — она слабо улыбнулась, — а вы, кажется, по части пунктуальности можете дать сто очков вперед моей матери.

— А как ваша подруга? Все прошло благополучно?

— Да! Да, слава Богу.

— Вы за нее как будто не слишком рады. Крис вздернула подбородок. Он чересчур пронизателен, этот мужчина с холодными серыми глазами. Стараясь подавить бурю эмоций, бушевавшую в ее груди с той минуты, как она увидела Вивьен в больнице, Крис отрезала:

— Разумеется, я очень рада за нее.

— Вот как? Ни за что бы не подумал. Крис возразила, так что голос ее дрогнул;

— Я очень-очень рада. У нее чудесный мальчик, весит три треста.

Она бросила сердитый взгляд в зеркало заднего вида и решительно тронулась с места, буквально расталкивая попадавшие на пути машины.

Гарольд никак не мог взять в толк, что происходит, он видел лишь, что Крис, будто вулкан, готова вот-вот взорваться. Он мягко произнес:

— Знаете, я ведь отлично чувствую, что вы говорите мне не правду.

— Мистер Фарбер...

— Гарольд, если можно.

Крис лихорадочно пыталась сообразить, как бы дать ему понять поддипломатичнее, чтобы отвязался. Она не могла объяснить своих противоречивых чувств, ибо сама не могла в них толком разобраться. Спокойные слова не шли в голову — оставалось лишь сухо отрезать:

— Моя личная жизнь — это мое дело. Я ни за что не стала бы рассказывать вам про Вивьен, если бы не опоздала.

Крис лишь констатировала факт, под которым Гарольд готов был подписаться двумя руками. Бизнес есть бизнес, и смешивать его с личными эмоциями — большая ошибка. В этом Гарольд убедился еще на заре своей карьеры. Так откуда же у него такое ощущение, словно ему дали пощечину? И что вообще он делает в этом грузовике, когда весь его разум восстает, требуя, чтобы он немедленно прервал с ней всякую связь?

Крис свернула в боковую улицу и остановилась на углу рядом с маленьким сквером возле кинотеатра.

— Я предпочитаю сажать как можно больше хвойных деревьев, — с энтузиазмом принялась объяснять девушка, — так чтобы сад красиво смотрелся и зимой. Зато взгляните, сколько тени дают летом клены.

Гарольд огляделся.

— А как у нас тут с вандализмом?

— Об этом я специально подумала, — живо отозвалась Крис. — Вместо клумб с яркими цветами, которые могут вызвать желание испортить и потоптать их, сажаю кустарники. Еще что-нибудь вроде папоротников. Низкорастущие можжевельники — вот как те, очень красивого голубого оттенка. Небольшие тисы и цветущие кустарники плюс три-четыре хорошо размещенные гранитные глыбы — добавим немного японского, как в каменных садах. Я даже достаю иногда краснолистные японские клены — растут они медленно, зато прекрасно смотрятся в сочетании с вечнозелеными кустарниками.

Гарольд даже без комментариев уже оценил ее работу, превратившую обычный дворик в оазис покоя и гармонии посреди городской суеты. Они снова залезли в грузовичок, и Гарольд предложил двигаться в центр, к той части города, которую предстояло реконструировать. По пути Гарольд просмотрел чертежи и рисунки, захваченные Крис. Забавно: как бы он ни был погружен в изучение документации, он буквально кожей чувствовал волнение Крис и взгляды, которые она искоса бросала на его лицо, пытаясь угадать его реакцию на предложения «Робине Бьюти Лэнд».

Закончив, он одобрительно кивнул.

— А как насчет фонтанов?

Крис откликнулась с энтузиазмом:

— Это было бы замечательно, хотя очень дорого.

— У меня есть друг, проектирующий фонтаны. Они у него красивые и хорошо защищены от вандалов, — негромко произнес Гарольд. — Шум воды действует очень умиротворяюще. Кстати, ваша идея насчет сочетания хвойных и лиственных деревьев просто блестящая.

Крис залилась краской от удовольствия — этот преуспевающий архитектор не станет попусту расточать комплименты.

— Птицам фонтан тоже понравится, — уклончиво отозвалась она.

— Порадуем людей и голубей? Крис расхохоталась.

— Вот именно!

Оба невольно огляделись, словно уже сейчас можно было увидеть то, что им только предстояло сделать вместе из старого уголка родного города. Улица между тем представляла взгляду заброшенной, как какой-нибудь пустырь. Ледяной морской ветер кружил в воздухе обертку от печенья, а бледное солнце отбрасывало отблески на валявшиеся возле огромного мусорного бака осколки битого стекла.

— Все, что я прошу у вас, — сказала Крис тихо, — это землю и возможность сделать ее красивой. Вчера я прочитала о вас еще пару статей, в частности, о ваших проектах в Неваде, когда вы еще только изучали архитектуру. У вас не все получилось. Но, по крайней мере, вы что-то пытались сделать. — Она заправила за ухо развевавшуюся на ветру прядку волос. — Я тоже хочу попытаться украсить свой город.

— Вам это небезразлично. Глубоко небезразлично. — Гарольд просто констатировал очевидное.

— Да.

— Считайте, что вы уже главный подрядчик по всей зоне насаждений, — услышал он собственный голос, удививший его неожиданной хрипотцой. — Это центральный сквер, площадки возле торгового центра, бизнес-центра и маленький парк у порта.

— Вы серьезно? — Голос Крис сорвался чуть ли не на писк.

Со странным чувством обреченности Гарольд кивнул: он редко менял свои решения.

— О, Гарольд! Спасибо! Я просто счастлива! — Схватив Гарольда за руки, Крис запрыгала от радости, ее лицо осветилось восторгом.

Гарольду так отчаянно захотелось поцеловать Крис, что пришлось напрячь всю волю, чтобы высвободить руки и отступить на шаг.

— Контракт будет проплачен на обычных основаниях, что не мешает вам привлекать другие средства, — официальным тоном заявил он. — Не попросите ли ваших адвокатов подготовить

документы?

— А вас разве все это не волнует?

Волнует, подумал Гарольд, и еще как. Физически. Это не тот ответ, какой вам хотелось бы услышать, мисс Крис Робинс.

— Ну разумеется. Просто я старше вас и лучше умею скрывать волнение.

— Вам ведь всего тридцать четыре! — Крис протянула руку. — Значит, мы партнеры?

— Ее пожатие было крепким, пальцы — холодными.

— Вам следовало бы надеть перчатки.

Ради всего святого, Гарольд, ты говоришь, словно ты ее папаша, спохватился он.

— А я вечно их забываю. Видели бы вы мои руки летом — модные журналы такие фотографировать не возьмутся. Каждый год я покупаю садовые рукавицы и каждый год теряю их, стоит только надеть — в первый же день. Обожаю лепить куличики из грязи. — Крис сморщила носик; она все еще была очень взволнована, и возбуждение развязало ей язык.

Гарольд развеселился:

— Разве вам в детстве не разрешали лепить куличики из грязи?

— Что вы, у меня были исключительно строгие родители. Туго накрахмаленные платья и никакой грязи. Наверное, следующим этапом будет то, что я начну работать в каком-нибудь оздоровительном комплексе и обмазывать людей лечебными грязями в свое удовольствие.

— Кстати, ваши глаза, — сделал неожиданный комплимент Гарольд, — по цвету точь-в-точь черная патока: редкое сочетание черного

и коричневого цветов. И в них удивительные искорки.

Е-Должна признаться, меня никогда еще не сравнивали с патокой. Сладкая и липучая — неужели вам в голову не пришло ничего получше? — Тут девушка задорно рассмеялась. — Знаете что? А ваши глаза совсем как сланец. Серые с потрясающим голубым оттенком.

Гарольд с удовольствием включился в игру:

— Мой дед когда-то занимался разведением пионов — у вас сейчас щеки точно такого же цвета.

Крис вдруг смущенно сообразила, что они все еще держатся за руки. Она поспешно высвободила пальцы и, запинаясь, пробормотала:

— Вам пора ехать, а то опоздаете.

— Если удастся уладить все юридические формальности до моего отъезда в Нью-Йорк, приглашаю вас со мной пообедать. Чтобы отметить это событие.

Эти слова вырвались у Гарольда невольно, но было уже поздно, и он смирился все с тем же чувством обреченности.

— Я... пожалуй, я согласна.

Когда они доехали до офиса, Гарольд уже опаздывал. Тем не менее, он стоял у кромки тротуара, пока Крис не уехала. Ну и где благие намерения — не смешивать бизнес с личными делами? Кто-то ведь собирался сказать «нет». Но плевать на последствия!

Спустя неделю в половине восьмого вечера Гарольд стоял в вестибюле ресторана, который считал лучшим в городе. Крис не захотела, чтобы

Он заехал за ней домой, и они договорились встретиться здесь.

Гарольд надел свой лучший темно-серый костюм и новый шелковый галстук. Волосы ему кое-как удалось привести в порядок, а ботинки были начищены в лучших традициях военной братии, так что даже его строгий отец мог бы ими гордиться. Гарольд нервничал.

За последнюю неделю он несколько раз говорил с Крис по телефону, обсуждая детали их контракта, но ни разу не столкнулся с ней в теннисном клубе, и в офис к нему она не приходила. Тем не менее, Гарольд постоянно думал о ней, а эротические сны, где Крис Робине играла главную роль, приводили его в полное смятение. Поневоле пришлось себе признаться: он хочет лечь с ней в постель. Сегодня он спросит, замужем она или свободна, — это будет первым шагом.

Шагом к чему? Еще неизвестно — может, она покажется ему не такой прелестной и полной жизни, какой он запомнил ее.

В семь тридцать одну дверь ресторана распахнулась, и вошла Крис. Сердце Гарольда бешено заколотилось. Слегка коснувшись губами ее прохладной щеки, он снова ощутил волнующий аромат духов. Нарочито небрежным тоном он произнес:

— Вы сегодня вовремя.

— У меня больше нет подруг, которым приспичило рожать, — жизнерадостно отозвалась Крис, снимая пальто. А про себя раздраженно подумала: кой черт тебя дернул так пренебрежительно об этом говорить?

Да просто новорожденные младенцы не шли у нее из головы, вот и все. Из-за малыша Вивьен в душе Крис все буквально перевернулось, и сейчас, несмотря на внешнее спокойствие, она была как на иголках — ни дать, ни взять девица, явившаяся на первое свидание. За неделю она трижды навещала Вивьен в больнице — в конце концов, это же ее лучшая подруга. Но навещать Вивьен означало навещать и маленького Мэта.

Держа ребенка на руках, Крис испытывала невероятное чувство. Она и не подозревала, что нежность подчас так переплетается с болью. Стыдно было признаться даже самой себе, что она отчаянно завидует подруге — ведь у той уже двое детей, а Крис... Последние две ночи она даже засыпала в слезах. Сегодняшний сногшибательный наряд и макияж были лишь отчаянной попыткой скрыть ее состояние от не в меру проницательных серых глаз Гарольда Фарбера.

Крис почувствовала, что Гарольд внимательно оглядел ее с головы до ног. Темно-синяя облегающая юбка с разрезом сбоку, кремовая шелковая блуза с глубоким узким вырезом и мягко обвивавшее шею ожерелье из розового жемчуга практически того же оттенка, что и блузка. Крис на сей раз руководствовалась принципом, что «лучший способ защиты — это

нападение». Блестящие волосы были схвачены в узел на затылке, и Крис очень надеялась, что прическа не развалится.

У Гарольда даже в горле пересохло.

— Вы выглядите просто потрясающе!

Подошел метрдотель, чтобы проводить их к столику, стоявшему в углу зала у стены, увешанной старыми картинами с изображением сцен охоты. В ожидании коктейлей они снова говорили о парках, садах и фонтанах, а также других деталях будущего проекта.

Затем Гарольд поднял бокал:

— За парки и сады — расти им и цвести много-много лет!

Потом они легко перешли на общие темы — обсуждали меню, изменения в составе городского совета и даже падение курса доллара. На закуску заказали мидии, копченую лососину и белое вино. Когда все это было успешно съедено, Гарольд предложил потанцевать.

Играли что-то из нового репертуара. Быструю мелодию, позволяющую партнерам держаться на вполне безопасном расстоянии друг от друга, и Крис танцевала в свое удовольствие. Она всегда любила двигаться под музыку, и ей, естественно, не приходила в голову мысль, что неумная энергия и явное удовольствие, которое она получала от танца, могут быть не менее соблазнительны, чем самое крепкое объятие. К тому же откуда ей было знать, что некоторые ее движения в точности повторяют сны ее партнера. Под заключительный аккорд она весело сказала:

— Замечательно! Спасибо, Гарольд. Фарбер лишь кивнул, стиснув зубы, и повел ее назад к столику. Ужин пошел своим чередом, и вина в бутылке сильно поубавилось. Небольшой оркестр заиграл вальс. Гарольд встал и снова пригласил ее танцевать.

Обычно Крис избегала «контактных», как она выражалась, танцев. Но сегодня она уже довольно много выпила, да и с Гарольдом оказалось на редкость легко и приятно, за вечер он не раз смешил ее до слез. И она храбро зашагала между столиков к танцевальной площадке.

«Контактный» танец диктовал свои условия: Гарольд обнял свою партнершу. Крис была на высоких каблуках и подбородком доставала до его плеча. Чуть опустив голову, он прижался щекой к ее щеке. Рука его обвилась вокруг талии Крис, и он прижал ее к себе, несмотря на легкое сопротивление.

Мечты и реальность для него смешались: он держал в объятиях ту самую женщину, что преследовала его во сне восемь ночей подряд.

Музыка заставляла их двигаться в плавном, тягучем ритме. И от неожиданной близости Гарольда у Крис закружилась голова. Она ощущала исходящий от него чудесный запах: к запаху чистой мужской кожи примешивался легкий лимонный аромат. В его объятиях она чувствовала себя покойно, как сад, защищенный от бурь и ветров, и одновременно задыхалась, как растение, завернутое в полиэтилен. Крис казалось, что ей перекрыли все жизненно важные токи, и она прерывисто и неровно дышала.

Крис внезапно словно протрезвела и испугалась. Машинально подчиняясь его движениям, она испытывала самые противоречивые чувства. Она уже давно дала себе молчаливую клятву держаться подальше от мужчин — в буквальном смысле слова. Странное чувство страха,

возникавшее у Крис в объятиях мужчин, оказалось одним из многих печальных последствий ее грустной истории с Дэнном.

Между тем рука, обвивавшая ее талию, скользнула ниже, легла на бедро и еще крепче прижала ее к мужскому телу. Крис ощутила, как напряглась плоть Гарольда — безошибочно распознаваемый знак того, что он хочет ее. Крис охватила паника. Она остановилась довольно резко и подняла голову.

— Гарольд, я не...

Кляня себя на чем свет стоит за то, что не смог сдержаться, Гарольд прижал палец к нежным губам девушки и отстранился.

— Не получилось у меня скрыть, да? Извини. Я действительно хочу тебя, и очень сильно. Но ты зря волнуешься, тебе ничего не грозит.

Крис высвободилась из его объятий, но даже в ресторанном полумраке Гарольд увидел, что лицо ее искажено страхом. Отвернувшись, Крис поспешно направилась к столику, уселась и спряталась за десертным меню. Гарольд сел напротив.

— Но послушайте, Крис... Мы ведь живем в двадцатом веке, и я наверняка не первый мужчина, назначивший вам свидание. Так что можете рассматривать мое поведение как комплимент.

— Хорошо, будем считать, что вы сделали мне комплимент, — сухо отозвалась Крис. — Мне что-то уже не хочется десерта. Пожалуй, ограничусь кофе.

Слегка ошарашенный тем, что Крис вела себя скорее как девица викторианской эпохи, а не как деловая и уверенная в себе женщина, которую он до сих пор видел перед собой, Гарольд одним глотком осушил свой бокал.

— Не будем притворяться, что ничего не произошло. Предпочитаю сказать откровенно, что мне очень хотелось заняться с вами любовью несколько минут назад.

Меню выскользнуло из пальцев Крис. Пару секунд она смотрела на собеседника, словно видела его впервые. Заняться любовью! Эти слова вдруг необыкновенно взволновали ее. На нее разом нахлынули все переживания прошедшей недели, и в голове стала формироваться идея настолько невероятная, что Крис сама была ошарашена собственным решением.

— Так что же все-таки случилось?

Чтобы скрыть смущение, Крис схватила свой бокал, залпом опрокинула его содержимое и выпалила:

— Вы женаты, Гарольд? Помолвлены? Или, может быть, с кем-нибудь живете?

— Нет, нет и нет. А вы?

Крис почти не слышала его ответа. И вопрос пропустила мимо ушей. Нет, это совершенно безумная мысль. Полный бред. И как только такое могло прийти ей в голову?

— Вино просто великолепное, правда? — запинаясь, пробормотала она. — Чуть-чуть терпкое, и такой прекрасный рубиновый цвет.

Гарольд наклонился вперед, пытаясь поймать ее взгляд.

— Почему вас интересует мое семейное положение?

— Просто спросила, — слабым голосом отозвалась она, — вот и все.

— Вы совершенно не умеете лгать. И вам это не идет.

— Мама запирала меня в шкаф, когда я врала, — наверное, поэтому. Вы правы, у меня появилась одна мысль. Но это совершенно безумная идея, и я хочу забыть об этом — ну, пожалуйста. Давайте говорить о чем угодно, только не об этом. Может быть, я даже съем десерт. Ужасно люблю лимонный пирог.

Трогательный образ девочки с каштановыми волосами, запертой в полной темноте, не разжалобил Гарольда, напротив, попытка Крис сменить тему заставила его сильнее настаивать.

— Расскажите, какая у вас возникла мысль. Это ведь как-то связано со мной, не так ли?

— О да, — сердито отозвалась Крис, — связано напрямую.

— Тогда вы просто обязаны сказать мне, в чем дело.

— Я ничего не обязана, — заупрямилась она. — И вообще не скажу, и все тут.

— Сейчас еще только половина одиннадцатого. Я могу и подождать. Могу даже заказать еще бутылку вина. — Гарольд обезоруживающе улыбнулся. — Мне доставит удовольствие вынести вас отсюда на руках.

С него станется, подумала Крис. И, пожалуй, лучше сказать, иначе ничего не сдвинется с места,

С ощущением, что ступает на очень шаткий мостик над страшно глубокой пропастью, Крис произнесла:

— Ну, так и быть, скажу.

Кто знает, решила она про себя, вдруг он согласится?

Крис протянула бокал, чтобы Гарольд наполнил его. Свеча на столике мягко освещала ее лицо.

— Я хочу ребенка, — услышала она собственный голос, доносившийся словно издалека. — Хочу, чтобы вы стали его отцом. Но я не хочу выходить за вас замуж, жить с вами и вообще не хочу вас больше видеть после того, как забеременею.

На мгновение воцарилось молчание, такое тяжелое, что Крис отчаянно пожалела о том, что не смогла сдержать язык за зубами. Потом Гарольд произнес единственное слово — как отрубил:

— Нет!

В его голосе прозвучало неприкрытое страдание, и Крис увидела, как вино плеснуло через край бокала.

Пятно на скатерти было похоже на кровь. Суеверно вздрогнув, она подняла глаза. На лицо Гарольда легли страдальческие складки, в глазах застыло выражение человека, прошедшего через ад. У Крис возникло такое чувство, словно она грубой рукой сорвала повязку с еще

незажившей раны. Но ведь она понятия ни о чем не имела, по его виду ничего не скажешь!

Потрясенная, она прошептала:

— Ради Бога, простите, Гарольд.

Он на мгновение закрыл глаза, понимая, что выдал самое сокровенное. Усилием воли он взял себя в руки. Промокнув салфеткой пятно на скатерти, Гарольд произнес нарочито ровным голосом:

— Вы застали меня врасплох, только и всего.

— Только и всего? Не правда! Вы, конечно, не обязаны докладывать мне, в чем дело, но хотя бы не притворяйтесь. Я же не слепая и не глухая.

Смерив ее тяжелым взглядом, Гарольд процедил:

— Не лезьте не в свое дело.

— Готова поспорить, — огрызнулась Крис, — что вас не так уж часто удается застать врасплох, Гарольд Фарбер. Особенно женщинам.

Страдание на лице Гарольда сменилось гневом:

— Но вы очень ловко расставляете сети — по крайней мере, я в них попался.

— И грубить тоже незачем.

— А что мне еще остается делать?

— Я же сказала, это была дурацкая идея!

— Дурацкая — не то слово. Напрасно рассчитываете: мой ответ — действительно «нет».

Это Крис поняла по выражению его лица, когда Гарольд только заговорил. На щеках ее вспыхнули красные пятна, но она сдержалась.

— Что ж, нет так нет. И давайте забудем об этом. Не хотите заказать шоколадный крем? Тогда бы я тоже попробовала.

Но Гарольд слишком разозлился, чтобы сразу успокоиться.

— Ничего себе! Сначала вы взрываете бомбу, а потом мирно обсуждаете со мной десерт?

— Вы мне уже ответили, так что больше обсуждать нечего!

— Это вы так считаете.

Крис разбередила старую рану, но Гарольда уже обуревали другие эмоции, которые ему, мягко говоря, не нравились.

— Если вы не хотите потом иметь со мной дело, какая разница — женат я или холост?

Крис задела его самолюбие. Она готова была хладнокровно выбросить его из жизни, словно его и не было. Гарольд почувствовал, что уязвлен и даже очень.

Слегка удивленная его вопросом — ведь ответ был совершенно очевиден, Крис пожалала плечами:

— Но ведь это аморально. Я имею в виду — изменять жене с другой женщиной.

— А родить ребенка без отца — не аморально?

Тут Крис тоже начала злиться:

— По-моему, я ясно дала понять — я не хочу больше говорить об этом.

— Нет уж, мы будем об этом говорить, хотите вы того или нет. — Гарольд стукнул ладонью по столу. — Скольких мужчин вы об этом уже просили?

— Ни одного!

Как ни странно, он ей сразу поверил.

— Тогда почему я? Почему вы не попросили своего партнера по теннису? Вы ведь должны его знать гораздо лучше, чем меня.

— Боб? — Крис нахмурилась. — Откуда вы знаете про Боба?

— У меня гостевой пропуск в тот же клуб, куда ходите вы.

Крис это совсем не понравилось. Она призвала на помощь улыбку и посмотрела на него сквозь ресницы.

— Ну, мне не очень удобно просить об этом Боба. Вдруг его девушка станет возражать., .

— О! — только и смог выговорить он.

За последние пять минут Крис ошарашила его дважды. Может, эта женщина — как раз то, что ему нужно? И ведь она права — уже давным-давно он не позволял женщинам выбить себя из колеи.

— Так все-таки почему я? У вас наверняка полно знакомых мужчин.

— Они все живут в Портленде. И я не хочу потом постоянно на них наткаться. А вы из Нью-Йорка — хотя я бы лично предпочла, чтобы вы жили в Лондоне. Или где-нибудь в Монголии.

Стараясь не встречаться взглядом с Гарольдом, Крис принялась перечислять по пальцам:

— Вы красивый, здоровый, умный — иными словами, у вас хорошие гены. Вы не живете здесь, и, что для меня особенно важно, у вас есть принципы, и вы их придерживаетесь. И, кроме того, как я выяснила на танцплощадке, вы ко мне равнодушны.

Крис перечисляла его достоинства, а у Фарбера возникало такое ощущение, словно его оскорбили:

— Я ведь не призовой жеребец, черт возьми! Крис вздернула подбородок.

— Этот разговор — пустая трата времени. Вы забыли, что уже отказались? — Она подала знак официанту, и когда тот подошел, заказала лимонный пирог и кофе.

— Шоколадный крем и кофе, — добавил Гарольд.

Когда официант отошел, он заговорил более спокойным тоном:

— Меня разбирает любопытство. Вы еще молоды — откуда такая страсть к продолжению рода?

— Наверное, оттого, что я слишком много занимаюсь садоводством, — беспечно отозвалась Крис. — Знаете, пчелы, птички, семена, которые весной дают всходы. Короче, плодитесь и размножайтесь.

— Очень остроумно. А истинная причина?

— Я могла бы, в свою очередь, попросить вас не совать нос не в свое дело.

— Могли бы. И на вполне законном основании. Но я все же хотел бы знать.

Крис так долго смотрела на свой бокал, где вино играло рубиновыми отблесками в пламени свечи, что Гарольду показалось — она забыла

И о его присутствии, и о том, что он задал ей вопрос. Потом она почти прошептала:

— Не так уж я и молода. В октябре мне исполнился тридцать один год. И я уже давно мечтаю о ребенке. Я всегда знала, материнство принесет мне гораздо больше счастья, чем любая работа. Однако я не сидела бы здесь и не вела с вами эти странные беседы, если бы Вивьен на прошлой неделе не родила ребенка. Она моя лучшая подруга, а малыш — это такое чудо.

В глазах Крис блеснули слезы, и Гарольд с трудом подавил желание взять ее за руку. Несколько минут назад Гарольд был страшно зол на Крис, но теперь злость растаяла, испарилась, словно дым.

— Вы же умная и красивая женщина. Выходите замуж, и у вас будет куча детишек.

Он все-таки коснулся мягкой, теплой руки и сразу ощутил, как напряглись ее пальцы. Кожа у Крис была гладкой, а пальцы — одновременно хрупкими и сильными.

Не хочу, чтобы она вышла замуж за кого-то другого! — вдруг с полной ясностью осознал он. Что за глупая мысль? Сам жениться на ней он тоже не готов.

Недавний гнев Гарольда привел ее в смятение и рассердил. Теперь же от ласковых ноток в его голосе Крис захотелось плакать. Она посмотрела на его гибкие ухоженные пальцы, на сильное запястье, выглядывавшее из манжеты, и неожиданно резко вырвала руку.

— Я не хочу выходить замуж! Простите, Гарольд, мне не следовало заводить об этом речь, это была ужасная глупость. Пожалуйста, давайте сменим тему.

Вид у нее был совсем несчастный. На языке у Гарольда вертелось множество вопросов. Но какой смысл задавать их? Он уже отказался, и без всяких там оговорок. Так что она права. Давно пора сменить тему и больше не приглашать ее танцевать.

Принесли десерт, и когда официант удалился, Гарольд миролюбиво сказал:

— Можете попробовать одну ложечку моего шоколадного крема.

Крис улыбнулась сквозь слезы:

— Только одну?

— Всему должен быть предел, — отозвался Гарольд с нарочитой строгостью.

Он зачерпнул кофейной ложечкой щедрую порцию крема и протянул ее Крис через стол. С улыбкой, уже более похожей на настоящую, она наклонилась, закрыла глаза и начисто слизнула крем.

— Божественно, — искренне восхитилась она. Ее шея была такой же гладкой и кремовой, как блузка, волосы выбились из узла и спадали по плечам шелковистыми прядями. Я по-прежнему хочу ее, — подумал Гарольд. Неважно, что она делает или говорит, это ничего не меняет. Я хочу ее до боли.

И что теперь с этим делать, черт побери?

Крис открыла глаза и улыбнулась ему. На лице Гарольда было написано откровенное желание, и в эту минуту он показался таким незащищенным и ранимым, что в ее душе шевельнулось давно забытое чувство. В течение нескольких секунд они смотрели в глаза друг другу, и между ними зарождалась какая-то удивительно трепетная близость. Затем ресницы Крис опустились, и она спросила чуть дрогнувшим голосом:

— Не хотите попробовать мой лимонный пирог?

— Нет, спасибо, — хрипло отказался Гарольд. — Крис, я так же не хочу ни с кем связывать свою жизнь, как и вы.

— Вот и не будем, — отозвалась она. — Все очень просто.

Так ли просто? Гарольд вовсе не был уверен...

Остаток вечера он и провел в этих сомнениях. Он расспрашивал Крис про ее бизнес в «Робине Бьюти Лэнд» и про ее прежние занятия; узнал, что она училась на курсах администраторов, потом, в девятнадцать лет, стала работать в туристическом агентстве, специализировалась на организации туров для женщин, путешествующих в одиночку, и попала в струю; стала менеджером агентства, потом его выкупила и через три года продала с немалой выгодой; прошла курс декоративного садоводства, а затем открыла собственную фирму. Как можно дальше от Дэна, прибавила про себя Крис, повествуя об этом.

Крис сама оплатила свою часть счета за ужин и извинилась, что не может подвезти Гарольда:

— Я приехала на грузовичке, а пассажирское сиденье занято образцами почвы.

В действительности Крис вовсе не жалела о том, что не может подвезти его. Плохо было уже то, что она попросила его стать отцом ее ребенка. Не хватало еще достойно завершить вечер, пригласив его выпить рюмочку на ночь к себе домой.

Нет уж, чем раньше она от него отделается, тем лучше.

Крис неожиданно поняла, что совершенно измучена. Она вышла на улицу, кутаясь в пальто.

— Когда же наконец потеплеет? — сказала она. — Я оставила машину в двух кварталах отсюда.

Гарольд взял Крис под руку. Из бара неподалеку доносилась музыка, мигали красным и

зеленым светофоры, на тротуаре резвилась компания подростков.

Крис шагала быстро, стуча каблучками по асфальту. Единственное, о чем она мечтала, — это поскорее остаться одной в своем маленьком домике. Сегодня она выставила себя круглой душой. Ну просто законченной идиоткой.

Они подошли к грузовику. Неловкими движениями она открыла дверь и забралась внутрь. А потом резко захлопнула дверцу, и грузовичок с ревом умчался прочь.

Гарольд отправился в отель пешком: он был слишком взвинчен, чтобы сразу лечь в постель и заснуть.

Он сделал открытие; Крис Робинс так же равнодушна к нему, как и он к ней.

Впрочем, это не имело никакого значения, ибо он твердо намеревался выбросить ее из головы.

Прошло два дня. У Гарольда были серьезные встречи с мэром и в городском совете, он занимался тысячей дел, но в редкие часы отдыха думал только о Крис Робине. И о безумной идее стать отцом ее ребенка.

Почему она так не хочет выходить замуж? Разведена или, может быть, вдова? Почему она так застыла в его объятиях на танцплощадке и так нервно отреагировала на его близость? Почему выбрала именно его? И какого черта он думает об этом день и ночь?

На последний вопрос ответить было легче всего. Начать с того, что если он согласится, у него будет возможность заняться с ней любовью. Утолить свой ненасытный голод, терзавший его с тех пор, как он встретил Крис. Может быть, тогда он сумеет забыть ее, и она перестанет являться ему во сне, как случалось каждый день, стоило ему коснуться головой подушки.

Но была и другая причина, в которой Гарольд боялся признаться даже самому себе. Если Крис забеременеет, на свет появится его ребенок. Его плоть и кровь. Живой ребенок, который будет расти и учиться жить.

Гарольд был на сто с лишним процентов уверен, что Крис будет отличной матерью. А вся роль Гарольда сведется к зачатию. Ему не нужно будет любить этого ребенка. Он его даже не увидит. Он останется свободным и, значит, ему ничто не грозит.

Эти мысли вертелись в голове Гарольда, и ему никак не удавалось от них избавиться. У него было ощущение, словно его загнали в ловушку.

Выходные Гарольд провел с матерью, помогая ей устроиться. Развешивал картины, носил ящики из подвала, покрасил вторую спальню. В воскресенье они отправились в мебельный салон, где Мелани приобрела себе прелестный старинный шкаф. Гарольд притащил его в заново отделанную комнату и отполировал лимонным маслом.

До конца недели он собирался вернуться в Нью-Йорк.

Во вторник вечером, раздраженный, в дурном настроении, он отправился в клуб играть в теннис, заказав корт на час: этого времени ему вполне хватило бы, чтобы как следует загонять себя и, по крайней мере, за игрой не думать о Крис. Риск встретиться с ней тоже был минимальным: Гарольд уже выяснил, что она всегда играет рано утром.

Гарольд играл как одержимый. Он боролся за такие мячи, которые в обычное время и не подумал бы брать, бил рискованно и, к его удивлению и на горе партнеру, чаще всего попадал. Гарольд не обратил никакого внимания на небольшую группу зрителей, собравшихся на галерее и внимательно следивших за игрой. И уж тем более не заметил среди них Крис.

Она стояла в глубине, у стены, прижав к груди ракетку. Для крупного мужчины Гарольд двигался на удивление легко, он был стремителен, словно молния, вытаскивал самые немислимые мячи, постоянно был в атаке и лишь изредка уходил в оборону. Глядя на то, как человек играет, можно узнать о нем очень многое. Гарольд играл, как показалось зачарованно наблюдавшей за ним Крис, так, словно на плече у него сидела сотня демонов.

Потом Крис спохватилась, выскользнула из толпы зрителей и побежала в женскую раздевалку.

Гарольд, узнав он о размышлениях Крис, согласился бы с ней насчет демонов. Однако и у его партнера тоже, видно, был на редкость неудачный день, и он тоже дал волю своей злости. К окончанию часа Гарольду все же удалось выиграть, но лишь с минимальным перевесом. Партнеры, смеясь, пожали друг другу руки, и Гарольд отправился по узкому коридору в раздевалку, вытирая полотенцем влажные волосы и все еще

Переживая острые моменты игры. И вдруг со всего размаху Гарольд налетел на женщину, бежавшую на корт по коридору. Его локоть скользнул по мягкой груди, а рука машинально обхватила талию женщины, и ее ракетка вонзилась ему в ребра. Женщина резко оттолкнула его, и Гарольд увидел, что это Крис. На ней были шорты и белая трикотажная майка, волосы перехвачены повязкой. Гарольд не подумав брякнул:

— Вы же ходите сюда только по утрам.

— Боб уехал, и я сегодня играю с подругой, — холодно пояснила она.

Тенниска Гарольда взмокла от пота и прилипла к груди, так что хорошо были видны темные завитки, покрывавшие грудь и спускавшиеся вдоль живота. Он все еще не мог отдышаться после игры.

Крис сама едва могла дышать от смущения.

— Сейчас ко мне противно приближаться на километр, — озабоченно пробормотал Гарольд; ему тоже явно было неловко.

Чтобы этот мужчина стал отцом ее ребенка? Упаси Господь! Крис немного ободрилась и разрядила ситуацию.

— Я какое-то время наблюдала за вами и поняла, что никогда не захочу выйти с вами на корт. Из меня вы через пять минут сделаете котлету. Вы что, всегда так играете?

Гарольд словно и не слышал вопроса.

— Крис, вы не придете после игры в «Хэролдз Паб»? Мы могли бы перекусить и выпить пива. Я тут размышлял над вашей идеей...

Крис вспыхнула.

— Я не желаю снова открывать эту дискуссию.

— Жаль, а то я ведь мог бы согласиться. Она покраснела еще сильнее.

— Вы не шутите?

— Ну, на определенных условиях. Во всяком случае, мы могли бы обсудить это поподробнее.

В глазах Крис появилось какое-то затравленное выражение, и она торопливо произнесла:

— Мне пора, а то я уже опаздываю. Хорошо, я приду примерно через час.

Гарольд снова вытер потное лицо полотенцем и отправился в душевую. Открывая шкафчик, он убеждал себя, что всего лишь открыл путь к переговорам.

К тому времени, когда она вошла в паб, Гарольд успел расправиться с целой тарелкой тостов, политых острым соусом, и выпить две кружки пива. Мужчины в пабе оценивающе осмотрели Крис, и в Гарольде вдруг проснулся собственник. Он встал и помахал ей рукой. Она улыбнулась и пошла к нему навстречу, лавируя между столиками. В джинсах и коричневом кожаном жакете она смотрелась очень стройной и изящной. Фарбер обнял ее за плечи и поцеловал, уже не удивляясь, что при этом Крис напряглась и вздрогнула.

— Вы поразительная женщина, — сказал он открыто. — Я целый час играл до полного изнеможения и все равно ужасно хочу прямо здесь бросить вас на пол и заняться с вами любовью.

Крис застенчиво улыбнулась.

— Хозяин бара этого не одобрит.

— Да и ковер здесь не мешало бы почистить. Они заказали гамбургеры и бочковое пиво, затем Гарольд поинтересовался:

— Как сыграли?

— Проиграла — никак не могла сосредоточиться. — Крис колебалась:

— Я думала, вы уже вернулись в Нью-Йорк.

— Собираюсь в пятницу вечером.

Принесли пиво, Гарольд расплатился, подождал, пока бармен отойдет, а потом откинулся на спинку стула и, повернувшись всем корпусом к ней, взглянул Крис прямо в лицо.

— Впрочем, я мог бы отложить отлет до воскресенья, И мы смогли бы вместе провести выходные. А за это время я бы сделал все, что в моих силах, чтобы вы забеременели.

— Гарольд, я... вы меня не правильно поняли...

Можно подумать, она сама знала, о чем говорит.¹ У Крис на этот счет были лишь смутные представления, вычитанные из популярных журналов:

— Все это можно проделать искусственным путем. Существуют специальные клиники.

— Что вы сказали? — Гарольд снова был ошарашен. — Искусственным путем?!!

— Но ведь у нас с вами вся ситуация искусственная! Мы ведь едва знаем друг друга и совсем не влюблены — как же мы сможем заниматься любовью?

— Могу вас заверить — без всяких проблем. Люди постоянно это проделывают.

— Я не «все люди». Я — это я,

— В таком случае мы оба теряем время. Я не собираюсь производить ребенка на свет подобным образом, Крис. Поищите для своих целей кого-нибудь другого.

Но Крис даже помыслить не могла о том, чтобы заговорить на эту тему с кем-нибудь другим.

Гарольд мрачно уставился в свой стакан, а она тем временем потихоньку рассматривала его. И словно в первый раз увидела строгий овал его лица, сеточку морщин-«смешинок», разбегавшуюся вокруг глаз, четко очерченный рот и решительный подбородок. Сейчас он казался старше своих лет. Он ведь тоже страдал, покаянно подумала Крис, вспомнив, какое страдальческое лицо было у него в ресторане. И ровным голосом произнесла:

— Я не хочу просить никого другого. Гарольд поднял глаза, но его лицо было непроницаемо.

— Вы ведь хотите, чтобы я исчез, как только вы забеременеете.

— Правильно. Я буду матерью-одиночкой.

— Почему вы так настроены против брака?

— Я независимая и финансово обеспеченная женщина. Восемьдесят процентов мужчин я просто отпугиваю. А остальные двадцать процентов уже заняли женщины более расторопные, чем я.

— Не сомневаюсь, в ваших словах есть доля истины. Но это еще не причина, чтобы вы реагировали, как перепуганный кролик, стоит мне произнести слово «брак». Почему вы не хотите замуж?

Крис пожала плечами.

— Это дело прошлое.

— У вас есть дурная манера давать легкомысленные ответы на серьезные вопросы. Хороший способ держать людей на расстоянии, — мрачно заметил Гарольд,

Крис только бровью повела.

— С большинством мужчин это срабатывает.

— Я — это не «большинство мужчин».

— И это святая истина.

Крис помолчала, словно раздумывая, что ему можно сказать.

— Я уже была замужем и не хочу больше повторять этот опыт. И не желаю об этом дальше говорить. Потому что, готова спорить, вы сами не собираетесь сообщать, с чего это вы вдруг передумали. Я имею в виду мою идею.

— Вы правы, не собираюсь.

— И дело не в том, чтобы вступать с кем-то в близкие отношения. Дело в ребенке.

Она попала в самую точку. Конечно, он хотел с ней спать, очень хотел, но соглашался на все ее условия, бесспорно, не из-за внезапно охватившей его сексуальной мании. При этом прямота Крис покорила его. Он уклончиво отозвался:

— У меня со здоровьем все в порядке. А у вас?

— У меня тоже. — Крис иронически усмехнулась. — Никаких проблем.

— На какую финансовую поддержку с моей стороны вы рассчитываете?

Крис замерла, не донеся вилку до рта.

— Ни на какую! Речь о деньгах вообще не идет.

Гарольд подозревал, что именно этот ответ и получит.

— Как только выясните, беременны вы или нет, я хочу, чтобы вы дали мне знать.

— У меня нет желания, чтобы вы меня контролировали.

— Но ведь если вы не забеременеете с первого раза, то, вероятно, решитесь попробовать еще раз. Разве нет?

И что, спрашивается, на это можно ответить?! С пылающими щеками Крис заявила:

— Противный какой-то получается разговор... слишком утилитарный.

— То же самое касается рождения ребенка — я хочу знать, когда это произойдет.

— Я подумаю об этом, — сухо отозвалась она.

— Я уже сказал, что у меня есть определенные условия. Во-первых, если вам когда-либо понадобится помощь, вы должны со мной связаться — я говорю это серьезно. Во-вторых, раз в год я сам буду связываться с вами, чтобы узнать, как у вас дела. И, в-третьих, как только я узнаю, что вы беременны, я изменю свое завещание в пользу вас и ребенка.

Крис уже перестала делать вид, что ест.

— Знаете, что я сейчас чувствую? Я словно муха, попавшая в паутину. Сначала застревает только одна лапка. Но чем больше муха барахтается, тем сильнее запутывается.

— Послушайте, мы говорим не о какой-нибудь ерунде вроде игры в теннис, — сурово отозвался Гарольд. — Вы собираетесь произвести на свет ребенка. К этому нельзя отнестись легкомысленно. Вы сами уверяли, что выбрали меня за то, что у меня есть принципы, не думаете же вы, что я поступлюсь ими ради вашей прихоти.

Самое печальное заключалось в том, что он был прав.

— Может быть, лучше все-таки отказаться от этой затеи? Слишком уж становится сложно. — Крис неожиданно взорвалась. — Ну что плохого в том, что я хочу ребенка? Я знаю, сначала

полагается выйти замуж, а потом уже заводить детей.

Но я уже была замужем, и это был настоящий кошмар! По-моему, с тех пор у меня выработался иммунитет к любовным приключениям. Я не хочу влюбляться. Я просто хочу ребенка.

Было очевидно, что она говорила не ради красного словца — она ждала ответа. Однако обращалась явно не к тому человеку, У Гарольда давно выработался иммунитет и к браку, и к детям. И он отозвался, осторожно выбирая слова:

— Быть матерью-одиночкой не так-то просто. Если к тому же еще и работать.

— Но я уже учусь перекладывать часть работы на своих сотрудников. Том-моя правая рука — сможет управлять фирмой пару лет.

Гарольд ощутил легкий укол — неужели ревности?

— Тогда почему бы вам не попросить его стать отцом вашего ребенка?

Крис звонко расхохоталась.

— Ну нет, только не его. У него тяжелый случай — этакие не в меру резвые гормоны. Женщины его интересуют, и даже слишком. Когда он только пришел ко мне работать, мне пришлось в первую же неделю поставить его на место, и теперь мы просто хорошие друзья.

Тут Крис посерьезнела.

— У меня отложено немного денег: то, что осталось от агентства, и наследство, доставшееся мне от тети. И я знаю, Вивьен отдаст мне детские вещишки, колыбельку и всякое такое... — Крис посмотрела Гарольду прямо в глаза и сказала с обезоруживающей прямоотой:

— Во мне столько нерастроченной любви. Я буду хорошей матерью, это я знаю точно.

— Если бы я не был уверен, что из вас выйдет отличная мать, я бы вообще здесь не сидел. — Гарольд подчеркнул каждое слово.

Глаза Крис наполнились слезами. Две слезинки упали и покатались по щекам, и Гарольд ласково вытер их.

— Не знаю, отчего я плачу, — прошептала она.

Гарольд и сам расчувствовался, а ведь он вовсе не собирался разводить с ней нежности.

— По-моему, вам лучше поехать домой и поразмыслить над моими условиями. Может быть, они вас не устроят, в таком случае сделка отменится. — Он постарался говорить как можно спокойнее и вообще взять себя в руки.

Крис вздернула подбородок, сразу откликнувшись на его изменившийся тон.

— Вы хотите сказать, что, если я принимаю ваши условия, сделка вступает в силу?

— Да... пожалуй, именно это я и хочу сказать. Крис зачем-то принялась солить гамбургер.

— Вместо того чтобы чувствовать себя возбужденной и счастливой, я почему-то в полном

ужасе, — призналась она.

Гарольд и сам не мог разобраться в своих чувствах.

— Я позвоню вам завтра вечером, и вы сообщите мне о своем решении.

Тут она с отвращением посмотрела на остатки гамбургера.

— Что-то мне больше не хочется есть. Вы не против, если я поеду домой прямо сейчас? У меня такое ощущение, словно я двое суток провела на ногах.

Пока Крис пробиралась к двери, он вдруг осознал, что, вполне возможно, в последующие два дня они окажутся вместе в постели. И уж тут-то Гарольд отлично знал, что чувствует.

Вечером следующего дня Гарольд взял напрокат машину и отправился к дому Крис. Он ехал под предлогом того, что не хочет выслушивать важное решение по телефону, в действительности же он просто хотел посмотреть, где и как она живет. Сегодня целый день светило солнышко, и его настроение было на подъеме. После работы он отправился бегать трусцой в парк, потом принял душ, побрился, натянул любимые джинсы и хлопчатобумажную рубашку, а поверх накинул кожаный пиджак — апрельский ветерок был довольно прохладным. Насвистывая, он вел машину по засаженным деревьями улицам.

Дом оказался обычным для этих мест небольшим коттеджем, выкрашенным светло-серой краской, с голубыми ставнями. Вокруг сада шла ограда из кедров, но даже в тусклом свете уличных фонарей сад радовал глаз. Вечнозеленые кустарники были расположены так, что архитектор в Фарбере просто возликовал. Рядом с кустами были разбросаны клумбы подснежников и желтых примул. У южной стены уже начинали цвести пурпурные и розовато-лиловые крокусы.

В дальнем конце сада Гарольд разглядел шпалеры с розами и клумбы нарциссов, окружавших прелестную бронзовую ванночку для птиц. Круглую лужайку окружал многолетний кустарник. Как, должно быть, приятно сидеть здесь летним вечером, подумал Гарольд.

Впрочем, ему-то это как раз не грозит. Он прошел по дорожке, ведущей к дому, и решительно позвонил в дверь.

Крис только что вернулась после встречи с энергичной молодой супружеской четой — счастливыми родителями еще более энергичных двухлетних близнецов. Их участок выходил на океан и был украшен великолепными дубами и соснами. Молодой паре требовалась детская площадка, лесной парк, огород и традиционный сад из многолетних кустарников. У Крис при такой перспективе немедленно разыгралось воображение, и она засиделась с клиентами надолго, а потом сделала несколько набросков, произвела предварительные замеры.

Если Крис работала допоздна, вернувшись домой, она всегда подолгу отмокала в ванне, а затем надевала на себя что-нибудь легкое и удобное. Поэтому, когда в холле зазвенел звонок, она только-только влезла в любимое домашнее трикотажное платье с длинными рукавами, широкой юбкой, доходившей до щиколоток, и корсажем, плотно облегающим грудь. Крис поспешно провела по волосам расческой. Должно быть, пришел почтальон — накануне, засидевшись с Гарольдом в пабе, она его пропустила.

Одной из причин, почему она вырядилась в это платье, покаянно признавалась себе Крис, было то, что ей требовалось набраться храбрости перед звонком Гарольда. Платье он, понятно, не

увидит. Зато она будет знать, что выглядит наилучшим образом, и это придаст ей уверенности.

Она распахнула дверь.

— Ой, это вы! — Других слов Крис просто не нашла.

Гарольд замер, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Нефритово-зеленое платье и волна медных волос — она выглядела просто неотразимо. Крис была босиком, и Гарольд был готов поспорить на что угодно, что под облегающим фигуру платьем на ней ничего не было. Он с трудом проглотил застрявший в горле комок.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против, но решение, которое мы с вами собираемся принять, показалось мне слишком важным, чтобы обсуждать его по телефону.

— Да... да, конечно, — неуверенно пробормотала она. — Входите.

Она посторонилась, давая гостю пройти.

— Я как раз собиралась затопить камин, — сообщила она. — Выпьете что-нибудь?

— Черный кофе, если можно, — отозвался Гарольд. — А камином я могу заняться и сам.

Крис поспешно ретировалась в кухню. Несмотря на страстное желание иметь ребенка, сейчас она готова была отдать все на свете за то, чтобы повторить тот обед с Гарольдом, только без всяких разговоров про детей. Она умудрилась рассыпать кофе, едва не уронила на пол стеклянный кувшин и вообще двигалась как во сне. Из гостиной донесся скрип — это Гарольд поднял крышку ящика с дровами.

Нет, она явно окончательно спятила.

Вода в чайнике закипела. Крис поставила на поднос чашки и выложила в вазочку купленное в булочной по соседству печенье. В это время в кухню вошел Гарольд.

— У вас здесь симпатично, — одобрительно заметил он, оглядывая сосновые ставни, деревянные шкафчики с бронзовой отделкой и яркие вязаные коврики на выложенном терракотовой плиткой полу. На сосновом столе стоял горшочек с крокусами. — Я не смог найти спички.

— Они под раковиной, — пробормотала Крис.

Оба ухитрились наклониться одновременно. Их лица оказались слишком близко: Крис даже разглядела крохотную царапину там, где Гарольд порезался при бритье. Ноги у нее стали ватными, к лицу прилила краска.

Не в силах сдержаться, Гарольд погладил волну шелковистых волос, падавших ей на плечи.

— В первый раз вижу тебя с распущенными волосами, — хрипло прошептал он. — Какие они у тебя красивые — как пламя. Ты должна всегда носить их распущенными.

— Они мешают мне во время работы, — тоже шепотом отозвалась Крис.

В этот раз, когда он наклонился поцеловать ее, она уже не сопротивлялась. Его губы были теплыми, двигались с ласковой уверенностью, от которой Крис вся затрепетала. Может быть, все будет не так уж и плохо, подумала она. Фарбер ведь не Дэн, в конце концов. Надо только

постоянно напоминать себе об этом.

Когда они наконец оторвались друг от друга. Крис так и не могла разобраться, рада она или сожалеет о случившемся.

— Спички, — пробормотала она. — Они с твоей стороны шкафа.

Гарольд спросил неожиданно настойчиво:

— Может быть, сейчас и начнем, Крис?

— Я... пожалуйста, Гарольд, пойдем в гостиную. Я не могу думать, когда ты так близко.

— Это хорошо. — Гарольд неожиданно улыбнулся такой задорной мальчишеской улыбкой, что нервозность Крис сразу куда-то исчезла.

— Иди разжигай камин, — тоном, не терпящим возражений, велела она.

К тому времени, когда кофе был готов, Крис уже слышала, как в камине весело потрескивают дрова. Она вошла в гостиную и сразу заметила, что Гарольд опустил шторы и притушил свет. Отблески пламени играли на потолке. Крис уселась в кресло по одну сторону камина, а Гарольд устроился по другую сторону. Она передала ему кофе и печенье и начала:

— Не понимаю, зачем тебе понадобилось связываться со мной раз в году.

— Просто чтобы убедиться, что у вас все хорошо. Я не верю, что ты позвонишь мне, если вдруг будет нужда, — слишком уж ты независима.

Это уж точно, подумала Крис.

— А что, если я кого-нибудь встречу? И выйду замуж? Ты так и будешь мне звонить?

У Гарольда было такое ощущение, словно его ударили в солнечное сплетение.

— Ну, наверное, мы и этот вопрос решим, когда придет время.

— Чего я действительно хочу, так это чтобы ты вернулся в Нью-Йорк и оставил меня в покое. — Крис и сама почувствовала, что ее голос звучал преувеличенно сердито.

Гарольд даже себе самому ни за что бы не признался, что злится от этих слов, что от них ему больно.

Но Крис ведь хотела, чтобы отец ее ребенка был человеком принципиальным. И цена этому — условия Гарольда. Выпрямившись в кресле, она решительно объявила:

— Хорошо, я принимаю твои условия.

Гарольд поставил чашку. Лицо его было непроницаемо. В камине весело потрескивали поленья. Он поднялся, взял ее за локти и поднял на ноги.

— Стало быть, пора начинать.

Он снова наклонился поцеловать ее. И деваться было некуда — она уже дала слово. Крис закрыла глаза, остро ощущая, каким настойчивым стал его поцелуй, словно Гарольд заявлял

права на нее. Но ведь именно это он и делал, разве нет? И она сама дала ему на это право. Господи, что же она натворила!

— Расслабься, — прошептал он, не отрываясь от губ Крис. — Может, поднимемся наверх?

— Прямо сейчас?

— А почему бы и нет?

— Я... я думала, мы договорились на уик-энд.

— Я перенесу отлет на воскресенье вечером. И у нас будет время с сегодняшнего дня до конца недели.

— Но...

Гарольд отстранился.

— Так ты хочешь забеременеть или нет?

— Да... да, конечно. Наверное, это оттого, что я думала — мы поедем к тебе в отель.

— У меня такое ощущение, что твой дом — это центр твоей жизни. Разве не лучше здесь?

Для Крис дом был лучшим местом, где она могла расслабиться, отключиться от всего на свете и быть самой собой.

— Тебе что, неприятно, что я здесь? — резко спросил Гарольд.

Крис постаралась не отводить глаз.

— Не в этом дело. Просто я никогда не пускала мужчин в мою постель в этом доме.

— Ты боишься, — констатировал он. Это было слишком мягко сказано.

— Боюсь, — призналась Крис. — Ведь я тебя в сущности совсем не знаю.

— Тогда давай поправим дело. — Голос Гарольда снова звучал хрипло и возбужденно. — Потому что самый лучший способ узнать человека — это заняться с ним любовью.

Если таким образом он собирался подбодрить ее, то выбрал совершенно неверный путь. У Крис не было ни малейшего желания раскрываться перед таким чутким к чужим переживаниям человеком, как Гарольд.

Она должна это сделать, уговаривала себя Крис, прижав кулаки к бокам. Иначе она окончательно струсит и бросит всю затею. Потому что ей ни за что не хватит смелости снова так далеко зайти. С другим мужчиной она точно не сможет.

— Не стоит оставлять огонь в камине. — Голос Крис немного дрожал.

— Я закрою его экраном, — спокойно отозвался Гарольд, — ничего не случится.

Он поставил экран и протянул ей руку, чтобы идти наверх, в спальню. Пальцы Крис совсем застыли, рука безвольно лежала в его ладони.

— Крис, — с нажимом произнес он, — мы, конечно, не влюблены друг в друга, но ты мне небезразлична, и я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы тебе было хорошо со мной. Не бойся.

Легко тебе говорить, подумала Крис, а вслух тихо сказала:

— Моя спальня сразу за лестницей.

И пошла впереди. В спальне был скошенный потолок и в нем — два окна, сквозь которые он увидел звездное небо. Большая старомодная кровать была накрыта ярким покрывалом ручной работы. Рядом стояло старинное бюро, а поверх мягкого бежевого ковра был брошен небольшой вязанный коврик. Гарольд пришел в восторг.

— Эта комната очень похожа на тебя.

Он уселся на край кровати и стал снимать носки. Крис поспешно ретировалась в другой конец комнаты, чтобы задернуть тяжелые бархатные шторы. Ну, и что дальше? — в ужасе спрашивала она себя. Носков на ней нет. На ней нет вообще ничего, кроме этого несчастного платья. И она не может заставить себя снять его!

Гарольд тем временем бросил носки на стул в дальнем конце комнаты, снял рубашку и отправил ее вслед за носками. Встал, расстегнул ремень и уже взялся за молнию на джинсах, как вдруг до него дошло, что в спальне царит какая-то уж очень странная тишина. Гарольд поднял глаза. У женщины, стоявшей по другую сторону кровати, вид был совершенно затравленный. Если бы она просто нервничала, это было бы понятно. Но страх, приковавший Крис к коврику, не шел ни в какое сравнение с обычной нервозностью.

Гарольд обошел кровать, откинул покрывало и взял руки Крис в свои. Он стал осторожно согревать застывшие пальчики, а потом тихонько предложил:

— Давай ляжем.

Она промолчала, однако, когда Гарольд мягко потянул ее на кровать, не стала сопротивляться. И все же он ощущал, что она всем существом восстает против их близости. Гарольд обвил руками ее тело, стараясь успокоить ее. Он прикасался щекой к волне ее шелковистых волос, ее груди были прижаты к его телу, и его желание стало невыносимым. Ты не должен торопить ее, Гарольд, сурово напомнил он себе. Это было бы преступлением, ни в коем случае нельзя этого делать. И он усилием воли подавил нарастающую страсть.

Женщина, лежавшая в его объятиях, была напряжена до предела. Гарольд начал осторожно и ласково поглаживать ее по спине, скользя рукой от застывших плеч по позвоночнику и ниже — к соблазнительному изгибу бедер. Одновременно он покрывал легкими поцелуями ее лоб и волосы, лаская и успокаивая. Почему-то совсем не к месту ему вспомнилось, как когда-то он вот так же пытался приручить полудикую бродячую собаку. Впрочем, как после выяснилось, это оказался самый лучший пес, какой у него когда-либо был.

Руки Крис, сжатые в кулаки и упиравшиеся в грудь Гарольда, постепенно потеплели, пальцы разжались, словно лепестки, раскрывающиеся навстречу солнцу. Он скользнул Тубами по ее щеке, затем стал покрывать ее рот теми же легкими поцелуями, нежными и нетребовательными. Постепенно Крис расслабилась, дыхание ее стало глубже, тело прижалось к нему бессознательно соблазняющим движением. Не в силах больше сдерживаться, Гарольд отодвинулся и зарылся пальцами в ее волосы.

— Когда мне было двенадцать лет, я подобрал бродячую собаку, — заговорил он. — Ее шерсть была такого же цвета, как твои волосы...

Нарочно понизив голос, он стал рассказывать, как нашел собаку и как подружился с ней, а в это время его пальцы тихонько скользили по талии и бедрам Крис, и он снова и снова легонько целовал ее.

Она слушала, и расширенные зрачки ее глаз казались совсем черными в тусклом свете, просачивавшемся с улицы. Гарольд стал ласкать ее грудь под нефритовым платьем, и глаза Крис расширились от удовольствия. Больше всего на свете ему сейчас хотелось сорвать с нее платье. Собрав все силы, чтобы удержаться от этого, он стал осторожно поглаживать ее грудь, пока сосок не набух под его пальцами.

— Гарольд... — прошептала Крис, и он увидел, как дрожат ее губы.

Он снова поцеловал ее, в этот раз более страстно, пока ее губы не раскрылись в ответ на его зов. Помедленнее, не спеша, уговаривал он себя, чувствуя, как от напряжения вибрируют его мышцы. Она отозвалась на поцелуй, очень робко, несмело, и если бы он не знал, что Крис уже была замужем, то решил бы, что она совсем неопытна. «У меня иммунитет к любовным приключениям» — так, кажется, она сказала?

Несмотря на желание, Гарольд почувствовал, как в его душе растет злость на этого неизвестного мужа, из-за которого Крис стала бояться физической близости. Ему захотелось защитить ее, и он вдруг перестал бороться сам с собой. На смену бешеному желанию пришло стремление доставить ей наслаждение, полное удовлетворение от акта любви, исцелить ее. Гарольд осторожно прижался губами к ее нежной шее.

Крис лежала в его объятиях совершенно неподвижно. Однако было видно, что она уже успокоилась и больше не трясется от страха. Гарольд осторожно спустил с плеч платье и с неподдельным удовольствием зарылся губами в ложбинку между ее плечом и шеей. При этом он продолжал поглаживать ей грудь в ровном гипнотизирующем ритме, отчего щеки ее запылали.

И тут Крис впервые заговорила. Преодолев смущение, она тихонько попросила:

— Гарольд, ты не смог бы помочь мне снять платье?

— Боюсь, для этого потребуются наши совместные усилия, ~ поддразнил ее Гарольд. — Придется снимать через голову.

Губы Крис тронула едва заметная улыбка — но все-таки она улыбалась.

— В кино все это происходит совсем не так, — тихонько сказала она.

Где-то на середине платье застряло. Крис захихикала и пробормотала из-под складок ткани:

— Должно быть, я поправилась... Ой, осторожно, не порви.

Наконец ему удалось высвободить руки Крис из узких рукавов. Затем из складок юбки показалось ее порозовевшее личико и грива спутанных волос. Гарольд уронил платье на пол, и что-то в выражении его лица, когда он увидел обнаженное тело Крис во всей красе, заставило ее шепнуть:

— Гарольд, очнись, это всего лишь я.

Он не ответил, ибо сам уже плохо понимал, что происходит. Осторожным и одновременно очень чувственным движением Гарольд обхватил ладонями ее талию и приподнял Крис так, чтобы груди смотрели вверх. Он стал покрывать поцелуями тело Крис, упиваясь нежной белизной ее кожи. Затем стал целовать одну за другой ее груди, чувствуя, как под его губами колотится маленькое сердце. Наконец он протянул руку к молнии на джинсах.

Отодвинувшись от нее, чтобы полностью раздеться, Гарольд увидел, что во взгляде Крис снова отразился панический страх.

— Не бойся, Крис, — хрипло прошептал он. — У нас сколько угодно времени, и единственное, чего я хочу, — это чтобы тебе было хорошо. Клянусь, я не причиню тебе боли.

Он говорил чистую правду. Выражение лица Крис изменилось, неожиданно она решительным движением, тронувшим Гарольда до глубины души, притянула его к себе и изо всех сил прижалась к нему. Для этого ей пришлось собрать все свое мужество. А мужества у нее было гораздо больше, чем он мог подозревать — да он бы так и не узнал об этом, если бы не уговорил ее лечь с ним в постель.

Ноги Крис переплелись с ногами Гарольда, и желание вспыхнуло в нем с новой силой. Слишком долго ему пришлось терпеть, ведь он хотел ее с первой встречи.

Цепляясь за жалкие остатки самоконтроля, он снова поцеловал Крис, и на этот раз она отозвалась со всей страстью. Неловким от страсти движением он коленом раздвинул бедра Крис и кончиками пальцев дотронулся до сокровенного места. Оно было влажным и жарким — стало быть, Крис ждала его...

Он сгорал от желания, которое могла утолить только Крис, и знал, что стоит ему войти в нее, и он уже не сможет больше себя контролировать. Не сводя глаз с лица Крис, он стал поглаживать ее, словно художник, добавляющий последние мазки к своему произведению, ведя его к полному завершению. И был вознагражден тихими стонами, вырвавшимися из ее груди, легким трепетом ее губ, учащенным дыханием. А потом она вдруг выдохнула его имя, и Гарольд, доверившись своему чутью, вошел в ее жаркое тело.

Ногти Крис впились в его плечи, ее лицо было искажено той же страстью, что сжигала Гарольда. Он продолжал ритмично двигаться, пока не ощутил, как затрепетало тело Крис, приближаясь к экстазу. Она снова и снова, всхлипывая, повторяла его имя, все крепче прижимаясь к нему. И только тогда Гарольд позволил себе полностью отдаться страсти, уносившей его выше и выше... И вот он услышал свой долгий стон, в котором смешались радость и удовлетворение.

Гарольд без сил рухнул на Крис и, задыхаясь, прижался лицом к впадине между ее плечом и шеей. Понемногу его дыхание успокоилось, и тут он обнаружил, что Крис тихонько плачет. Слезы скатывались на его лицо, словно холодные капли дождя. Гарольд отвел ее волосы и испуганно спросил:

— Крис, в чем дело? Мне показалось... Крис прижала пальчики к его губам и покачала головой.

— Я так боялась, — прошептала она. — А бояться было нечего. С тобой все было так, как я не смела мечтать. Не знаю, как благодарить тебя.

Сейчас было явно не время расспрашивать ее о причинах страха, и Гарольд, обняв ее, только и сказал:

— Ты — чудо. — И мягко поцеловал ее милый, немного детский лобик.

Крис поудобнее устроилась в кольце его рук. Она улыбалась сквозь слезы, но ресницы ее уже опустились, а дыхание стало ровным. Через несколько секунд она спала крепким сном совершенно измученного человека.

Приподнявшись на локте, Гарольд внимательно изучал ее лицо. Его терзали сомнения. В течение всего их знакомства он стремился только к одному — обладать ею физически. А получилось так, что он стал ставить ее желания превыше собственных. А что это, как не одно из многоликих проявлений любви?

Он уже однажды любил женщину, и эта любовь завершилась самой страшной трагедией в его жизни. Поэтому в Крис влюбляться он не собирался. Однако приходилось признать, что после их близости он стал хотеть ее еще сильнее.

Крис проснулась до рассвета. В первую минуту она никак не могла сообразить, где находится. Ее щека покоилась на плече мужчины, пальцы вплетались в завитки волос на его груди, медленное, тяжелое биение его сердца отдавалось в голове Крис. Ее охватил ужас, словно привидевшийся во сне кошмар оказался реальностью. Испуганно вскрикнув: «Дэн!», Крис оттолкнула от себя мужчину.

И услышала голос Гарольда:

— Дэн был твоим мужем? Громкий вздох облегчения невольно вырвался из ее груди. На подушке покоилась темная голова Гарольда, а не белокурая Дана. Гарольда, который накануне доставил ей такое непередаваемое наслаждение от близости.

— Прости, пожалуйста, — смущенно пробормотала Крис. — Это самая большая бестактность, которую может допустить женщина по отношению к мужчине. — И она с грустной улыбкой прибавила:

— Да, он был моим мужем, и я никогда ни с кем не спала, кроме него. Поэтому для меня не очень привычно, проснувшись, обнаружить в своей постели мужчину.

— Причем мужчину, готового тебя бессовестно изнасиловать, — отозвался Гарольд и притянул ее к себе. Можно было сейчас спросить ее про Дэна — момент был подходящий. Но Гарольду вовсе не хотелось стирать улыбку с губ Крис. А может быть, он испугался слишком глубоко вникать в ее жизнь и тем самым привязывать себя к ней еще крепче?

Завитки на его груди щекотали грудь Крис. Его губы были такими же страстными, а руки — такими же искусными, как прошлой ночью. Но в этот раз она уже не испытывала панического страха — ее поглотили совсем иные чувства. Прикосновение его губ к ее груди обжигало. Ощувив его возбуждение, Крис ответила на поцелуй, вложив в него всю страсть.

Гарольд прошептал:

— Потрогай меня, Крис, — здесь и здесь.

Сначала нерешительно, а потом все более уверенно пальцы Крис стали исследовать его

широкую грудь, скользя по гладким мышцам. Затем рука двинулась ниже, и Крис со смешанным чувством собственной власти и гордости услышала, как он застонал от наслаждения. Она совсем расхрабрилась, и тело мужчины жарко отзывалось на ее прикосновения. Окончательно потеряв голову от желания, Крис изогнулась, впуская его в себя, и, не сводя глаз с его лица, прошептала:

— Возьми меня, Гарольд, прошу тебя, возьми немедленно!..

Ее крик наслаждения прорезал неясные отблески рассвета. Гарольд вдруг понял, что никогда прежде не испытывал такого ощущения — полного слияния с женским телом. Казалось, все барьеры, стоявшие между ним и Крис, рухнули в одну минуту. Прижав ее к себе, Гарольд закрыл глаза.

За окном уже светило солнце. Крис знала, что скоро придется вставать: у нее на девять утра была назначена встреча. Но вставать ей совсем не хотелось. Она готова была весь день провести с Гарольдом в постели. Хотя с прошедшей ночи она уже проделала большой путь, Крис знала, что впереди еще много неизведанных тропинок, суливших ей раскрепощенность, какой она никогда не знала, и удивительное наслаждение.

Как она могла так измениться всего за двенадцать часов? И сколь многим она обязана Гарольду!

До этой ночи предстоящий уик-энд казался Крис кошмаром. А теперь она вовсе не была уверена, что им хватит этих трех дней. Возможно, Гарольд переедет из отеля к ней домой. Так они смогут провести вместе все оставшееся от работы время.

Кончиком пальца Крис осторожно провела по лицу Гарольда. На его подбородке уже пробивалась щетина. Какой решительный подбородок, подумала она, легко, как лепестком, скользя пальчиками по его губам. Он мой, подумала Крис с неожиданно проснувшимся чувством собственности. Он принадлежит мне.

А потом, внезапно похолодев, Крис вспомнила, почему этот мужчина оказался в ее постели. Ребенок. Ее беременность. Как же она могла об этом забыть? И почему до сих пор даже не подумала о том, удалось ли им задуманное?

Потому что ее совершенно покорило то, как Гарольд с ней обращался, это удивительное сочетание чувственности и сдержанности. Крис не настолько была поглощена своими страхами, чтобы не суметь это оценить. Он поставил ее желания превыше собственных. И это не имело никакого отношения к их решению зачать ребенка.

Крис, однако, совсем не понравилось то, какое направление приняли ее мысли, и она протянула руку, чтобы выключить будильник. Гарольд пошевелился и прошептал:

— Иди ко мне, женщина.

Крис удалось непринужденно рассмеяться.

— Мне пора вставать. У меня с утра встреча. Гарольд застонал.

— А я жду срочного звонка по поводу контракта с Чикаго, так что мне опаздывать тоже нельзя.

— Кто первым пойдет в душ? — улыбаясь, спросила Крис.

Гарольд открыл один глаз.

— Я. Ну потом — если, конечно, у тебя в хозяйстве имеется бритва, ты можешь принять душ, пока я буду бриться.

— О, — только и выговорила Крис. И мысленно обругала себя. Надо же, после всего, что между ними было, она вдруг смутилась.

Гарольд неожиданно расхохотался. Его искренний, веселый смех был так заразителен, что Крис рассмеялась вместе с ним. Затем он вылез из кровати и встал, лениво потягиваясь. Его мышцы были гибкими, как у огромной кошки, и Крис подумала: какое у него красивое тело. Гарольд наклонился и поцеловал ее с нескрываемой нежностью, затем решительно направился в ванную.

Крис медленно поднялась и, открыв шкаф, стала рассматривать свое обнаженное тело в большом зеркале, прикрепленном к дверце.

С некоторым смятием она увидела в зеркале сияющую женщину. Такой бывает женщина после того, как она долго и к своему полному удовлетворению занималась любовью с мужчиной, желавшим ее и заботившимся о том, чтобы доставить ей наслаждение.

И все это никак не было связано с ее желанием забеременеть.

Крис откровенно призналась себе, что сейчас ее нисколько не заботит, получилось задуманное или нет. Ибо Гарольд дал ей нечто гораздо более ценное. Он вернул ей ту часть ее существа, о которой она не вспоминала много лет. Но сказать ему об этом она не могла — это не входило в условий их сделки.

Крис сникла. Стараясь подальше запрятать душевную боль, появившуюся неожиданно и совершенно не к месту, она отвернулась от зеркала и принялась застилать постель. Затем достала из шкафа чистую рабочую одежду, накинула халатик и побежала вниз ставить кофе. Вернувшись, она услышала голос Гарольда:

— Крис, душ в твоем распоряжении. Нерешительно открыв дверь ванной, она увидела, что Гарольд, укутанный лишь в белый пар, стоит у раковины. Мокрые волосы торчали смешным ежиком, что придавало ему мальчишески беззаботный вид. И счастливый, добавила про себя Крис, расслабленный и удовлетворенный. Еще накануне вечером он был совсем другим.

— А бритва? — спросил он тоном избалованного маменькиного сынка.

Крис выдвинула один из ящичков и достала электробритву.

— Вообще-то она предназначена для моих ног, а не для твоей щетины, — заметила она. — Но попробуй.

Гарольд засмеялся, легко прикоснулся губами к ее носу, щекам и губам, затем развязал пояс халатика и распахнул его, чтобы еще раз полюбоваться ее телом.

— Гарольд! — слабо запротестовала Крис.

— Ты такая красивая, — глухим голосом произнес Гарольд, и она вздрогнула от наслаждения, ощутив прикосновение его мокрых волос к своей коже и теплых губ к своей груди. Он поднял голову.

— Когда ты сегодня заканчиваешь работу? Крис на мгновение задумалась.

— Где-то около шести.

— Я свожу тебя куда-нибудь поужинать, — объявил он и после секундной паузы спросил; — Как ты смотришь на то, чтобы я перебрался сюда из отеля?

В его глазах была неуверенность, и это растрогало Крис.

— Я буду рада, — просто сказала она.

— Ты об этом уже думала?

— Да. Но спросить тебя у меня бы смелости не хватило.

Улыбка сошла с лица Гарольда.

— Крис, — очень серьезно сказал он. — Тебе незачем сомневаться в своей храбрости. Не знаю, что там кроется за твоими страхами, мне понятно только то, что это связано с Дэном. Но вчера ты вела себя очень мужественно.

— По-моему, я сейчас снова расплачусь, — пробормотала Крис.

Гарольд лишь что-то промычал в ответ нечленораздельное, с силой прижав ее к себе и поцеловав. Крис ощутила его тело, и ее охватило какое-то первобытное возбуждение при мысли о том, что сегодня вечером они снова будут заниматься любовью.

— Мы можем встретиться здесь перед ужином, — шепнула она.

— Аперитив?

— Да, я их очень люблю.

— Договорились. — Гарольд легонько шлепнул Крис пониже спины и подтолкнул к душе, — Иди скорее. А иначе знаешь, где мы сейчас окажемся?

— Под холодным душем? — невинным тоном спросила Крис.

— Вот-вот. Только вдвоем, — усмехнулся он. Неожиданно Крис сказала:

— Мне нравится, как ты смеешься. Я правильно поняла, что тебе нечасто приходилось смеяться в последнее время?

— Правильно. А теперь иди в душ. Крис поняла, что не следует больше задавать вопросов. Она послушно убрала волосы под пластиковый чепчик и встала под обжигающие струи горячей воды. Напевая, она принялась намыливаться. Когда, свежая и бодрая, Крис вышла из душа, Гарольд уже побрился, натянул джинсы и пытался с помощью расчески привести свои волосы в божеский вид.

Крис сняла чепчик и потянулась за полотенцем. Все это выглядит так по-домашнему, словно они давно женаты, подумалось ей.

Этого она никак не ожидала, и страх снова охватил Крис.

— Что случилось? — резко спросил Гарольд, словно читая ее мысли.

— Ничего! Я... просто я подумала, что еще две недели назад даже не была с тобой знакома.

— Почитай Эйнштейна и узнаешь, что все на свете относительно, — сухо отозвался Гарольд, но, увидев ее испуганный взгляд, подошел к ней, приподнял пушистую массу волос и поцеловал ее таким долгим и нежным поцелуем, что Крис снова почувствовала себя единственной и самой желанной женщиной на свете.

Но стоило Гарольду отпустить ее, как Крис, не подумав, ляпнула:

— Что общего у этого поцелуя с нашей сделкой?

На мгновение Гарольд утратил дар речи — это он-то, всегда гордившийся умением найти нужные слова в трудной ситуации. У него было такое ощущение, что Крис вдруг незаслуженно влепила ему пощечину.

Крис тут же пожалела о своих необдуманных словах, она готова была отдать все на свете, лишь бы они не сорвались у нее с языка.

— Гарольд, ради Бога, прости! Мне не следовало это говорить.

Но Гарольд опять замкнулся, и Крис поняла, что теперь до него не достучаться.

— На кухне кофе стынет. — Она пыталась ухватиться за соломинку. — Еще раз прости, Гарольд.

— Я подожду тебя внизу.

То есть поцелуев больше не будет — вот что он хотел сказать.

Крис поспешно оделась, боясь, что он уйдет, не попрощавшись. Когда она спустилась в кухню, Гарольд споласкивал свою кофейную чашку в раковине.

— Прекрасный кофе, — с бесцветной улыбкой сказал он. — Я закажу ресторан на семь и заеду за тобой без четверти, договорились?

Стало быть, и любовью перед ужином они заниматься не будут. Крис холодно заявила:

— Не люблю односторонних решений там, где это затрагивает интересы двоих.

В голосе Гарольда зазвучала вкрадчивая угроза:

Ты ведь уже приняла одно решение за нас двоих — ты хочешь, чтобы я исчез из твоей жизни после этого уик-энда. Или ты забыла об этом?

Поигрывая в руке ключами от машины, Гарольд прошел мимо Крис и вынул из шкафа в холле пиджак. Надев пиджак, он отпер входную дверь.

И тут Крис, забыв все приличия, выпалила:

— Я так зла на тебя, что мне хочется выцарапать тебе глаза!

Он обернулся и с усмешкой приподнял брови.

— Полагаю, твои родители, если они были такими строгими, как ты рассказываешь, вряд ли одобрили бы подобный способ прощания с любовником.

— Они давно уже умерли, а кроме того, их бы шокировал уже сам факт, что я завела себе любовника, остальное по сравнению с этим показалось бы им просто детской шалостью.

— Да ты просто мечешь громы и молнии. — Гарольд откровенно забавлялся, заглядывая в ее глаза, сверкавшие золотыми искрами.

— Но в то же время, — совершенно серьезно продолжала Крис, — я очень благодарна тебе за вчерашнее. Спасибо тебе огромное.

В бежевых брюках и аккуратной рубашке, с волосами, заплетенными в косу, Крис была совершенно не похожа на женщину, стонавшую в его объятиях сегодня ночью. Гарольд страшно разозлился из-за ее замечания насчет поцелуя по одной простой причине. Она была права. Все, что он делал этой ночью, не имело отношения к их сделке — это было намного глубже. И он был растерян.

Это выходило за рамки правила игры. — Увидимся вечером, — бросил он и закрыл за собой дверь.

Крис отвернулась. На мгновение она задержалась в гостиной, отметив про себя, что в камине осталась лишь холодная серая зола. Огонь погас.

Какой же огонь зажгли они с Гарольдом этой ночью? И как теперь она сможет его погасить?

Гарольду пришлось заехать в отель переодеться, так что в офис он прибыл с опозданием. Миссис Джексон, верная секретарша, с любопытством оглядела взъерошенные волосы шефа и сообщила:

— Вам пришла срочная телеграмма, мистер Фарбер. Я оставила ее на вашем столе.

Поль Мастере, президент международного концерна, с которым Гарольд собирался вести дела, намеревался встретиться с ним сегодня на обеде у главы сенатской комиссии, рассматривавшей вопрос о порте Портленда.

Гарольд торопливо порылся в телефонной книге, разыскивая номер «Робине Бьюти Лэнд». К телефону подошел мужчина. Наверное, Том, подумал он. Ее «правая рука с резвыми гормонами». А вдруг теперь, когда он избавил Крис от страха перед физической близостью, она влюбится в Тома?

— Могу я поговорить с Крис Робинс? — официальным тоном осведомился Гарольд.

— Она уехала по делам и вернется примерно около одиннадцати, — протянул мужчина.

Но Гарольд не мог позвонить Крис посередине встречи, чтобы сообщить, что уезжает и в ближайшее время не вернется. У Мастера была репутация человека-машины, так что нынешний уик-энд отпадает, это точно. А на следующей неделе он должен быть в Ванкувере.

— Передайте Крис, чтобы она позвонила Гарольду Фаберу, как только вернется, — попросил он и продиктовал свой номер телефона.

— Хорошо, передам, — отозвался Том. Гарольд выбрал самый ранний рейс и в последующие два

часа решал вопросы, оставшиеся

У него в Портленде. Потом зазвонил телефон на столе Гарольда.

— Гарольд? Это я, Крис.

При звуках ее голоса образ Крис встал перед глазами Гарольда как живой, и он на мгновение замер.

— Гарольд? — повторила Крис.

— Да, это я. Крис, мне очень жаль, но после обеда я уезжаю. — Он коротко объяснил, в чем дело. — Беда в том, что всю следующую неделю я должен сидеть в Ванкувере, а потом, вероятнее всего, улечу в Гонконг.

— О, — отозвалась она. — Все понятно.

— Я работал как проклятый, чтобы получить этот контракт с Монреалем, иначе послал бы их всех к черту.

— По-моему, тебе не следует этого делать.

— Какая вежливость! Неужели ты несколько не разочарована?

— Ну конечно, разочарована, — произнесла Крис. Но голос ее звучал совершенно равнодушно.

— Ты же знаешь, как я хотел провести этот уик-энд с тобой.

Крис в ответ ограничилась неопределенным междометием, не означавшим ни «да», ни «нет». Окончательно разозлившись Гарольд взорвался:

— Иногда я просто ненавижу проклятый телефон! У меня ведь даже нет времени, чтобы с тобой пообедать, Крис, через полчаса за мной приедет машина.

— У меня все равно днем назначена встреча, — ровным голосом отозвалась она. Гарольд стукнул кулаком по столу.

— Сейчас пошлю телеграмму и сообщу, что не смогу быть у него раньше завтрашнего дня.

— Нет! Не надо этого делать!

Впервые за весь разговор в голосе Крис появилось какое-то живое чувство, и это явно был страх.

— Тебе ведь все равно, правда? — совсем злым тоном спросил Гарольд. — В конце концов, все говорит за то, что ты добилась чего хотела. Я тебе теперь уже не нужен.

— Гарольд, не в этом дело...

Слишком обиженный, чтобы слушать дальше, он прорычал:

— Я понял твой намек. Позвоню через месяц — узнать, беременна ты или нет. Для нас обоих было бы лучше, если ты забеременела, потому что я не собираюсь больше раздражать тебя своим присутствием.

— Ты ведешь себя, как капризный ребенок, — вспыхнула Крис.

— Ночью ты так не считала!

В дверь осторожно постучала миссис Джексон.

— Мне пора ехать. Позвоню через месяц. Пока!

Он бросил трубку на рычаг.

Все, сказал он себе. Это даже хорошо, что он уезжает. Крис Робинс была для него по-настоящему опасна. Ее тело пьянило, а сама она вызывала в нем такую бурю чувств, что лучше бежать от нее куда глаза глядят.

Крис повесила трубку. Надо было как-то объяснить Гарольду, что в двух шагах от нее стоял Том и при нем ей было неловко разговаривать, тоскливо подумала она. Но известие об отъезде Гарольда и сознание, что она его не увидит, повергли ее в полное оцепенение. Нью-Йорк, Чикаго, Монреаль, Ванкувер, Гонконг. Встречи с президентами международных корпораций. Нет, она ему явно не пара.

Впрочем, она ведь сама хотела, чтобы он исчез из ее жизни. Тогда почему же она так расстроена тем, что он уезжает?

За тонкой перегородкой, отделявшей склад от ее крошечного кабинета, нарочито громко загремели цветочные горшки, а затем в дверь просунулась голова Тома:

— Крис, тебе нужны эти?.. Что с тобой? У Тома Крафтсмана были небесно-голубые глаза, волнистые белокурые волосы и загорелое лицо с ослепительно белыми зубами. Имея такую неотразимую внешность, он пользовался чрезмерным успехом у женщин, и это избаловало его. Впрочем, он был славным парнем, когда добрые дела не требовали от него излишних усилий, и к тому же отличался исключительным трудолюбием. Уже это последнее давало Крис повод считать, что ей повезло с Томми. Откинув волосы со лба, она произнесла:

— Со мной все в порядке. Просто у одного моего знакомого изменились планы, вот и все.

— Он твой приятель?

— В общем, да.

— Подумаешь, мужиков вокруг пруд пруди-найдутся другие, — рассудительно объявил Томми. — А у тебя через час деловая встреча.

Крис закрыла дверь кабинета. У нее в запасе было еще полчаса. Полчаса, чтобы избавиться от тупой боли и тоски, поселившейся где-то в груди и упорно не желавшей ее отпускать.

Следующие четыре недели Гарольд пребывал в самом странном состоянии и на собственном опыте убедился, как справедлива теория относительности. Он получил контракт у Мастера, и при других обстоятельствах молодой честолюбец был бы в радостном возбуждении, предвкушая новые перспективы, которые поставили бы его компанию в ряд ведущих. Даже перелеты говорили о серьезном размахе дела. В Ванкувере непрерывно шел дождь, а поездка в Гонконг запомнилась ему чередой сменявших друг друга небоскребов, деловых встреч и долгим перелетом. Нью-Йорк, когда Гарольд вернулся домой, уже купался в лучах первого

весеннего тепла.

Все эти четыре недели Гарольд работал, как никогда в жизни, а в редкие минуты ходил в кино с друзьями, а чаще всего один. И смотрел все подряд: мелодрамы и боевики, голливудские фильмы и зарубежные — с единственной целью отделаться от сверливших мозг мыслей о Крис. Кроме того, он играл в теннис и бегал трусцой в надежде изнурить себя физически, чтобы заснуть.

Несмотря на занятость, время тянулось убийственно медленно. Крис не шла у него из головы, и спал Гарольд плохо. В последнее время он привык жить без женщины. И вдруг в его жизнь ворвалась Крис со своими каштановыми волосами и безумными идеями, и все тщательно возведенные барьеры рухнули в одночасье. Самым печальным было то, что за время, прошедшее после отъезда из Портленда, Гарольд понял, что восстановить эти барьеры ему не удастся.

Наверное, он совсем лишился рассудка, когда решил заняться любовью с едва знакомой женщиной.

Да уж, сердито думал Гарольд, совсем потерял голову от похоти. Но только ли от похоти?.. Хуже всего ему приходилось по ночам. Лежа в одиночестве в своей широкой кровати, Гарольд был совершенно беззащитен перед воспоминаниями о Крис и ее чудесном теле. Какой же он дурак — решил, что, один раз овладев ею, сумеет выбросить ее из головы. Тридцать четыре года, и ничего умнее не придумал!

Но еще больше, чем физическая неудовлетворенность и воспоминания о Крис, Гарольда донимали собственные мысли. По несколько раз за ночь Гарольд просыпался в холодном поту от отчаяния, терзаемый желаниями и сомнениями.

Вполне возможно, за несколько часов, проведенных вместе, они зачали новую жизнь. Но как он мог поступить столь легкомысленно? Так глупо и аморально? Гарольд зарывался головой в подушку, ужасаясь тому, что натворил. Хотя, может быть, Крис и не забеременела.

Если нет, мрачно думал он, то повторять эксперимент он не собирается. Это Гарольд решил твердо. Один раз сваял дурака, но больше ошибок делать нельзя.

Воображение постоянно играло с ним злые шутки: перед глазами воочию вставали картины их близости с Крис, я это было мучительно. Гарольд понял, что воздержание уже не для него. Однако единственной, кто мог удовлетворить его страсть, была она, Крис. Гарольд понимал это

Настолько отчетливо, что даже не пытался назначать свидания другим женщинам.

Плохо было и то, что он ни с кем не мог поделиться. Ни с друзьями, ни тем более с матерью. В первый раз, когда он звонил ей после возвращения в Нью-Йорк, каждое слово казалось Гарольду насквозь фальшивым. Ведь мама сказала, что ей очень хотелось бы иметь внука.

Четыре недели сумасшедшей работы — первая стадия проекта — оказались удачными. Мастер сделал Гарольду комплимент: мол, вы, Фабер, точно соблюдаете сроки контракта. Месяц, подумал Гарольд. Он сказал Крис, что позвонит через месяц. Осталось всего два дня.

Весь день он терзался сомнениями и вернулся в свою квартиру около девяти часов вечера, с трудом досмотрев до конца фильм, считавшийся самой лучшей комедией сезона. За весь фильм он ни разу не засмеялся.

Чтобы заставить его смеяться по-настоящему, Гарольду нужна была Крис.

Поднимаясь в квартиру, он неожиданно открыл для себя истину, смотревшую ему в лицо на протяжении последних двадцати восьми дней: тупое безразличие и пустота, царившие в его жизни уже три года, бесследно исчезли. Он чувствовал себя живым, способным переживать боль и радость. И это Гарольду отнюдь не нравилось.

В этот день в квартире побывала уборщица. Комнаты сверкали чистотой, и все казалось неестественным, как театральная декорация. Гарольда словно магнитом потянуло к телефону. Ждать он был больше не в силах. Он должен знать правду.

Искать телефон Крис не было необходимости — он намертво запечатлелся в памяти. Гарольд быстро набрал номер и с замиранием сердца стал ждать ответа. Телефон стоял у Крис в кухне — в этом прелестном уголке, где, казалось, даже посреди ночи светило солнце. Второй аппарат стоял у кровати — это Гарольд тоже запомнил.

Два звонка. Три. Двадцать три...

Он бросил трубку на рычаг и нервно провел рукой по волосам. В Портленде было десять вечера. Куда она подевалась? И с кем она?

В этот вечер Крис отправилась навестить Вивьен и ее малыша. Весна наконец взяла свои права, и в саду, спроектированном Крис для Вивьен и ее мужа Филиппа, рядом с примулами проглядывали тюльпаны. Где-то за домом распевала малиновка.

Филипп уехал по делам за город, двое детишек были уложены спать. Крис только об этом и мечтала-ей надо было поговорить с подругой наедине. Сделав глубокий вдох, она позвонила в дверь.

Вивьен несказанно обрадовалась.

— Как хорошо, что ты приехала! После целого дня возни с моими маленькими чудовищами мне просто необходимо пообщаться со взрослым человеком.

Сейчас тебе будет серьезный разговор, грустно подумала Крис, а вслух произнесла:

— Прекрасно выглядишь, Вив. Роды пошли тебе на пользу.

Вивьен тряхнула гривкой коротких черных кудрей. Хотя под голубыми глазами у нее залегли тени, она выглядела счастливой женщиной, которая знает, что счастлива.

Вивьен принесла чай в гостиную. Детские игрушки, книги, модели старых самолетов, которыми увлекался Филипп, и деревянные резные вещицы Вивьен создавали уютный беспорядок, который был Крис очень по душе. Вивьен разливала чай, весело болтая о том, что случилось за день. Затем, спохватившись, рассмеялась:

— Извини, Фила нет дома со вчерашнего дня, так что я на тебе отыгрываюсь. Теперь твоя очередь — выкладывай новости.

Крис собиралась начать разговор издали, не из-за Вивьен, а больше из-за себя — она все еще не верила до конца тому, что ей сегодня сообщили. Но тут вдруг выпалила:

— Я беременна.

— Что?!

— Я сегодня была у врача... Ребенок должен родиться в конце декабря.

На лице Вивьен отразилась целая гамма чувств, главным среди которых было, конечно, искреннее удивление: «Господи неужели?!», но через секунду, внимательно поглядев на подругу, она осторожно спросила:

— Ты этому рада?

Крис смущенно улыбнулась.

— Безумно!

Вивьен порывисто поднялась и крепко обняла подругу.

— Тогда и я рада за тебя. Но, Крис, кто же отец? Я даже не знала, что ты с кем-то встречаешься...

Вот, началось самое трудное. И почему у нее такое ощущение, словно она в чем-то предает Гарольда? Бессмыслица какая-то!

— Ты же меня знаешь лучше всех, — поспешно заговорила Крис. — Ты ведь знаешь, я не хочу выходить замуж. Но ведь я всегда хотела иметь ребенка. С Дэном у меня ничего не вышло, ну и не надо. А в прошлом месяце я встретила одного человека... он нездешний, и он согласился... переспать со мной. А потом, если я забеременею, оставить меня в покое и позволить воспитывать ребенка самой. Ну, вот, — Крис замялась, — теперь я беременна.

— Но он же будет тебе помогать! — убежденно воскликнула Вивьен, выслушав ее. — Я имею в виду финансовую поддержку.

— Нет, я этого не хочу.

— Разве?.. Ты хочешь сказать, что никогда больше его не увидишь?

— Вот именно.

— Он тебе понравился?

— Да. — Крис закусила губу. — Он красивый, умный, нежный... поэтому я его и выбрала. Но замуж за него я не собираюсь.

— Он тебе предлагает выйти замуж?

— Нет! Это была просто связь на одну ночь. И зачем она произносит эти банальности — ведь Гарольд подарил ей самую прекрасную ночь в ее жизни!

Вивьен нахмурилась.

— Значит, он женат?

Крис отрицательно покачала головой.

— Он знает, что ты беременна?

— Нет еще. Я сама только сегодня днем узнала. Вив, я не хочу о нем говорить! Я жду ребенка — вот что самое важное.

Вивьен поставила чашку.

— Мы никогда об этом не говорили, и это, конечно, не мое дело, но у меня всегда было такое ощущение, что тебя секс не интересует. Наверное, из-за Дэна. — Вивьен помолчала, а затем осторожно спросила:

— А как было с этим человеком?

Крис вдруг захотелось плакать.

— Восхитительно, — дрожащим голосом призналась она. — Ну и что?

— По-моему, ты должна хорошенько подумать насчет серьезных с ним отношений. Быть матерью — тяжкий труд, и я бы уже давно на стенку полезла, если бы у меня не было Фила. Он замечательный отец, я знала с самого начала, что так и будет, и это одна из причин, почему я вышла за него замуж. — Вивьен лукаво улыбнулась. — Хотя, честно говоря, он до сих пор очень волнует меня как мужчина.

— Но я...

— Подожди, — перебила Вивьен. — Случись нужда, я, конечно, смогла бы вырастить Эми и Мэта одна, Я знаю, что справилась бы. Но это было бы трудно, и я бы чувствовала себя ужасно одинокой. К тому же Эми обожает отца-когда он приходит с работы, она просто проходу ему не дает.

Крис с жаром запротестовала:

— Ты хочешь сказать, что матери-одиночки никуда не годятся только потому, что они одиночки?

— Да нет же, — сердито возразила Вив, — я вовсе не это имела в виду. Но ведь у тебя есть выбор, Крис, если он — хороший человек, ты должна серьезно подумать о том, что делаешь.

— Я ни за что больше не выйду замуж! Ненавижу брак!

— Не все мужчины такие, как Дэн. Взять, к примеру, Фила.

Действительно, между Дэном и Филиппом была всегда не просто разница — бездна. Крис не могла этого отрицать.

— А все твои беды — из-за Дэна, — Вивьен даже пристукнула ладошкой по колену, — и брак как таковой здесь ни при чем.

Жизнь с Дэном встала перед мысленным взором Крис так, словно это было только вчера: она постоянно мучилась оттого, что он все время маячил перед глазами, не давая покоя: ей казалось-она попала в ловушку и связана по рукам и ногам. Потом ей просто стало страшно, потому что она хотела, чтобы он ушел, а Дэн не желал этого делать. Дэн даже позволил себе поднять на нее руку — эта обида жгла ее и после их развода.

Всерьез расстроенная, Вивьен взмолилась:

— Я не собираюсь на тебя давить, я желаю тебе только добра.

— Самое лучшее в жизни для меня — этот ребенок. Поверь мне, Вив.

Крис постаралась сказать это как можно убедительнее, чтобы сразу отрезать все пути к дальнейшим обсуждениям болезненной темы.

— Ну и хватит для начала, — деликатно отступила Вивьен. — Могу дать тебе кучу книжек. А в декабре Мэту уже будет не нужна его коляска. Да из многих своих вещей он вырастет. Вообще-то кое из чего он уже вырос. Пойдем поищем. Ой, Крис, нам будет так здорово, вот увидишь.

Пять минут спустя Крис стояла у дверей в детскую, держа в руках три детские курточки и две пары ползунков, казавшиеся невероятно крохотными. По щекам ее катились слезы, и она смущенно извинилась:

— Глупо плакать, когда ты так счастлива, правда?

Крис вернулась домой в половине двенадцатого, прижимая к груди детские вещички, как какое-нибудь сокровище. Положив сверток на стол в кухне, она заметила упавший у входных дверей белый листок — телеграмма: Гарольд просил ее позвонить.

Суеверно вздрогнув, Крис ухватилась за край стола — прикосновение к гладкой деревянной поверхности помогло ей восстановить ощущение реальности. Ее реальностью была знакомая кухня, общение с Вивьен, удивительные изменения, происходившие в ее теле. Но никак не Гарольд и не эта могучая волна желаний, накатившая с такой силой, что у нее задрожали колени.

Такое с ней бывало уже не раз за последние недели. Одна короткая ночь, проведенная в объятиях мужчины, пробудила ее к жизни настолько, что она уже не могла подавлять своих желаний. Впервые за все время в душе Крис шевельнулось нечто вроде сочувствия к Тому с его повышенной сексуальностью. По крайней мере, она стала немного лучше его понимать. Правда, Тому для полного счастья необходимо было сразу много женщин, а Крис и не мыслила, что сможет заниматься любовью с кем-то еще, кроме Гарольда.

Она позвонит Гарольду прямо сейчас и скажет, что беременна. Тогда ей уже не придется общаться с ним до появления на свет младенца. Поспешно, пока не передумала, Крис списала номер телефона и стала набирать его. После третьего звонка трубку сняли.

— Гарольд Фарбер, — рявкнул голос. Она сглотнула комок, застрявший в горле.

— Это Крис. Я получила твою телеграмму. Несколько секунд молчание нарушалось только тяжелым сопением Гарольда.

Крис вежливо поинтересовалась:

— Как у тебя дела?

— Последние четыре недели тянулись целую вечность, — отозвался Гарольд и сразу перешел к делу:

— Ты беременна?

— Да.

В трубке снова воцарилось напряженное молчание.

— И сообщать об этом мне ты, конечно, не собиралась.

— Я сама только сегодня узнала.

— Понятно. И когда у тебя срок?

— После Рождества.

— Как ты себя чувствуешь?

В данный момент — так, словно иду ко дну, подумала она, а вслух произнесла:

— Прекрасно.

— Такой ответ все равно что чистый лист бумаги — ни о чем не говорит.

— А ты как себя чувствуешь, Гарольд?

— Так, словно меня рвут на части. Зря я вообще согласился лечь с тобой в постель. Такого дурака сваял!

И за этого грубияна, по мнению Вив, она должна выйти замуж!

— Ну, сейчас уже ничего не изменишь, — отозвалась Крис. И поспешно прибавила:

— Обещаю, что дам тебе знать, когда родится ребенок.

— И это все? — во вкрадчивой интонации Гарольда прозвучала скрытая угроза.

— Кажется, мы ведь так договорились.

— Ну и бесчувственная же ты! — сквозь зубы

Прошипел он.

— Гарольд, я не собираюсь ругаться с тобой по телефону! Если ты не в состоянии сказать ничего позитивного, давай на этом закончим.

— Закончим?! — воскликнул он на том конце провода. — Ошибаешься, это только начало! В трубке раздался щелчок, и связь прервалась.

— Ох! — воскликнула она, в сердцах швыряя трубку на рычаг. — Я буду счастлива, если никогда больше тебя не увижу!

Схватив со стола пачку салфеток, ибо во второй раз за день из ее глаз потоком хлынули слезы, Крис отправилась в спальню.

На следующий день она сообщила Тому о своей беременности — все равно он рано или поздно узнает, ведь они видятся каждый день.

У Тома отвисла челюсть.

— Ты это серьезно? А я и не знал, что ты с кем-то встречаешься.

— Я и не встречаюсь. Я собираюсь стать матерью-одиночкой, а тебе рассказываю только потому, что скоро не смогу таскать тяжести.

— Ну разумеется, — тут же откликнулся Том, испуганно глядя на Крис, словно она вот-вот родит на его глазах. — Кстати, в тот день, когда ты была так расстроена, — это из-за того парня?

Одним из достоинств Тома, делавших его бесценным сотрудником, была редкая память на всякие мелочи.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал имя отца ребенка, — заявила Крис.

— Но это же несправедливо — что он все свалил на тебя одну!

— Меня это вполне устраивает, Том. Тома это не убедило.

— Ты собираешься продолжать вести дела?

— Ну конечно. До декабря еще далеко...

— Ну ты все-таки побереги себя, — с сомнением в голосе заметил Том.

— Хорошо, — отозвалась Крис, а про себя отметила, что не нашлось пока ни одного человека, кто бы просто порадовался за нее без всяких «но». Всех пугали слова «мать-одиночка».

Шли дни, весна сменилась летом, Вивьен с Филиппом изо всех сил старались поддержать Крис, а Том не позволял ей брать в руки ничего тяжелее цветочного горшка и вообще обращался с ней, как с хрустальной вазой.

От Гарольда не было никаких вестей, и Крис убеждала себя в том, что это к лучшему. Однако он слишком часто снился ей, и это мешало сохранять душевное равновесие. Нередко, просыпаясь по ночам, она невольно мечтала, чтобы он оказался рядом, сжигаемая страстным желанием, Крис наивно полагала, что с беременностью всякое физическое желание пропадает, но вскоре поняла, что это не так.

Еще одной неприятностью оказалась так называемая утренняя тошнота, которая, вопреки своему названию, накатывала на нее после обеда. Крис старалась все встречи назначать на утро, а днем заниматься дизайном и заказами, не выходя из квартиры.

Поэтому в доме некой миссис Мелани Смиттер в начале июня Крис оказалась в половине двенадцатого дня. Домик миссис Смиттер был небольшим, но очень милым, а вот сад почти отсутствовал — постройку окружала заросшая сорняками лужайка.

У женщины, открывшей дверь, были пронизательные серые глаза, и по лицу было видно, что она с характером. Корона пушистых седых волос придавала ей удивительно утонченный вид.

— Пройдемте прямо в сад, хорошо? — предложила хозяйка. — Хотя он едва ли заслуживает такого громкого названия. — Дама вздохнула. — Напоминает мне кладбище в ожидании первого обитателя. А поскольку сама я пока еще не собираюсь отправляться на тот свет, вот и решила придать ему хоть какой-то вид. Мой дорогой муж был страстным садоводом, и когда он умер, я так по нему тосковала, что у меня просто не хватило душевных сил сажать что-то,

кроме фиалок. Но мне кажется, он хотел бы, чтобы у меня был сад. Надеюсь, вы возьмете все заботы на себя, дорогая.

— Я вам спроектирую и посажу, а за ежемесячную плату буду помогать вам за ним ухаживать.

— Вот и чудесно! Завтра у меня день рождения, так что как раз вовремя... Лучшего подарка я себе и пожелать не могу.

— Что ж, отлично, — улыбнулась Крис — Расскажите, пожалуйста, каким был ваш прежний сад.

Рассказ был живой, пронизанный трогательными воспоминаниями, иной раз забавными, иной раз вызывавшими чуть ли не слезы на глазах у Крис. Это неожиданно сблизило их с миссис Смиттер.

Она достала из машины — на грузовике сегодня уехал Том — моток оранжевой ленты и разложила ее на земле, намечая клумбы. Затем принялась втыкать в траву палочки там, где следовало посадить небольшие деревца и кусты.

Неожиданно миссис Смиттер подняла голову от этих разметок.

— Кажется, звонят в дверь. Я сейчас вернусь, дорогая. Наверное, это почтальон — я жду посылку из Нью-Йорка.

Крис осталась в саду, продолжая размечать посадки и делая пометки в записной книжке. Она как раз прикидывала, сколько тени будут давать деревья, когда из дома раздались голоса — хриловатый мужской смешивался с мягкими тонами старой дамы.

— Я так рада видеть тебя, милый. Какой приятный сюрприз ко дню рождения. Я, кстати, тоже решила сделать себе подарок и привести в порядок сад.

— Вот и отлично! Давно пора.

Крис в ужасе замерла — она узнала этот голос. Он принадлежал Гарольду. Но ведь это невозможно: Гарольд в Нью-Йорке.

Крис буквально приросла к месту, сердце ее бешено заколотилось. В следующую секунду миссис Смиттер вышла из дома, и Крис сделала отчаянную попытку придать своему лицу некое подобие выражения вежливого интереса.

— Как раз сегодня, — говорила миссис Смиттер, — я пригласила чудесного специалиста... Гарольд, это Крис Робинс она дизайнер по садам и паркам. Крис, познакомьтесь — это мой сын Гарольд Фарбер.

«Мой сын Гарольд Фарбер»... Чувствуя себя стоящей на краю разверстой пропасти, Крис хрипло пробормотала:

— Как поживаете, мистер Фарбер? Гарольд стоял позади матери, бледный от ярости — ярости столь бешеной, что Крис невольно попятилась. Зачем нечеловеческим усилием воли ему удалось справиться с собой, и он произнес почти спокойно:

— Рад познакомиться.

Миссис Смиттер радостно сообщила;

— В следующий раз, когда приедешь, ты этот сад не узнаешь. Ты не можешь себе представить, какие у Крис замечательные идеи.

Крис внутренне застонала — надо же было Мелани так удачно выбрать слова. Гарольд саркастически отозвался:

— Вот уж действительно не представляю.

Мать с недоумением посмотрела на сына через плечо, затем перевела взгляд на молодую женщину, застывшую под молодой березкой.

— Вы что, знакомы? — спросила она.

— Нет! — воскликнула Крис.

— Откуда нам знать друг друга! — резко отозвался Гарольд.

Крис добавила, балансируя на грани между правдой и ложью:

— В первую минуту ваш сын напомнил мне человека, которого я когда-то знала, миссис Смиттер, и знала довольно хорошо.

— Ах вот как! — Мелани повернулась к сыну. — Расскажите, пожалуйста, Гарольду о ваших планах. Я с удовольствием послушаю еще раз.

Запинаясь и двигаясь скованно, как марионетка, Крис принялась описывать кустарники и мхи, которые сделают сад красивым и одновременно

не будут требовать большого ухода. Она была уверена, что до Гарольда все равно не дошло ни одного слова — так он был ошарашен встречей. Завершив рассказ, она добавила:

— Миссис Смиттер, я составлю план, рассчитаю стоимость и завезу вам бумаги завтра после обеда.

— Вот и чудесно. И не забудьте, пожалуйста, про скамеечку в тени, хорошо? И еще я хотела бы ванночку для птиц и место для кормушки зимой.

— Некоторые растения будут специально посажены для привлечения птиц, — как во сне пообещала Крис. — И, пожалуйста, если у вас будут еще предложения или вопросы, звоните мне в любое время. На этой стадии внести изменения гораздо проще, чем потом.

— Спасибо вам большое. — Старая дама одарила Крис самой теплой улыбкой.

Крис с трудом выдавила из себя ответную улыбку, чуть кивнула Гарольду и поспешно ретировалась. Машина была припаркована неподалеку. Крис бегом пересекла улицу и буквально упала на водительское сиденье.

Дома она заперла дверь, словно воин, готовый обороняться в одиночку против целой армии, и тяжело осела на стул. Стало быть, мать Гарольда живет в Портленде. Она, Крис, носит под сердцем внука женщины, с которой познакомилась только сегодня, причем сразу прониклась к ней симпатией. К тому же, похоже, миссис Смиттер станет постоянным клиентом «Робине Бьюти Лэнд».

Это не входило в условия сделки. Скорее наоборот — ведь Крис на то и рассчитывала, что

Гарольд и его родные живут далеко. Ну почему он ей ничего не сказал?!

И тут Крис вдруг сообразила, что Гарольд приехал в Портленд навестить мать. И не сообщил ей, Крис, о своем приезде.

Шок постепенно проходил, уступая место, как ни странно, гневу и обиде.

Съев сандвич и выпив стакан обезжиренного молока, она поднялась в спальню. Сначала она сделает план для миссис Смиттер. Покончит с этим, и тогда, может быть, ей удастся выбросить из головы всю эту нелепую ситуацию.

Звонок в дверь раздался, не успела она сделать и четверти работы. Звонок был долгим и решительным, словно кому-то не терпелось попасть внутрь.

Крис бросила чертеж и поплелась вниз, чувствуя себя Марией Стюарт на пути к эшафоту. И нисколько не удивилась, увидев на пороге Гарольда.

— Заходи, — холодно произнесла она, — Я так и знала, что это ты.

Гарольд свирепо захлопнул дверь и набросился на Крис:

— Какого черта тебе понадобилось заполучить мою мать в клиентки? Ты что, совсем рехнулась?

— Я понятия не имела, что она твоя мать!

— Да брось ты! Раз уж ты, как говоришь, тщательно изучала мою биографию, ты не могла не знать ее имени.

Глаза Крис возмущенно засверкали. — Ты хочешь сказать, что я лгу? — Я просто не верю в совпадения, — бросил Гарольд.

— Но это действительно было совпадение! Да и с какой стати мне искать знакомства с твоей матерью?

— Откуда я знаю, на что ты рассчитывала...

— О, вот это уже замечательно, — взорвалась Крис. — Отец моего ребенка считает меня расчетливой двуличной лгуньей. И ты еще удивляешься, почему я не желаю выходить замуж? Всею виной такие мужики, как ты!

— Не смей ставить меня в один ряд с твоим...

— Пока ты не вошел в этот сад, — яростно перебила Крис, — миссис Мелани Смиттер была для меня просто потенциальной клиенткой, которая позвонила мне пару дней назад и попросила помочь. И раз уж ты смеешь меня обвинять, объясни, почему ты сам не сказал, что у тебя мать живет в Портленде? Я же ношу под сердцем ее... ее внука, Гарольд, подумай об этом!

И тут, как нарочно, Крис, к своему полному ужасу, обнаружила, что ее затошнило. Она смятенно ахнула и помчалась в ванную, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Оставшись один, Гарольд сделал попытку хоть как-то собраться с мыслями в первый раз после того, как вошел в освещенный солнцем сад в доме матери и увидел стоявшую под березкой

Крис. Это был удар ниже пояса. Красота Крис, которую Гарольд и без того никак не мог забыть, ножом полоснула его по сердцу. Единственное, что пришло ему в голову, — это то, что она каким-то образом подстроила их встречу, используя его мать в своих целях.

А сейчас — где она? Что случилось?

Гарольд вышел в холл, окликая Крис по имени. Почему она вдруг побледнела как мел и умчалась от него, словно за ней гналась стая бешеных псов?

— Крис! — снова позвал Гарольд.

Из ванной доносился звук льющейся воды. Гарольд постучал в дверь.

— С тобой все в порядке?

— Нет! Уходи!

— В чем дело?

— Гарольд, — задыхаясь, отозвалась Крис. — Сделай милость, уйди, пожалуйста.

Гарольд решительно толкнул дверь. Крис согнулась над раковиной. Она была бледна как полотно. Под глазами у нее залегли синеватые тени, и лицо было таким несчастным!

— В чем все-таки дело?

Крис плеснула холодной водой в лицо.

— Утренняя дурнота. С той разницей, что у меня она начинается после обеда и продолжается до вечера...

Гарольд чувствовал совершенную растерянность. Лора, его жена, в свое время тщательно избегала даже упоминания о неудобствах, связанных с беременностью, — во всем, что касалось ее тела, она была просто патологически скрытной. Чувствуя себя совершенно беспомощным, Гарольд неловко спросил:

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Уходи! — взмолилась Крис и снова согнулась над раковиной.

Волосы упали ей на лицо, открыв затылок.

С удивившей его самой робкой нежностью Гарольд взял ее за плечи. Ему показалось, что за эти два месяца она похудела, стала как будто прозрачной. Новый приступ тошноты сотряс тело Крис, и Гарольд крепче обнял ее, шепча мягкие слова утешения. Когда Крис наконец обмякла в его объятиях, он смочил в воде полотенце, развернул ее к себе и протер лицо, залитое невольно выступившими слезами. Крис слабо улыбнулась.

— Да уж, достается тебе, — сказал он.

— Знаешь, вся беда в том, что, даже когда тошнит, у меня появляются дурацкие прихоти — то хочется вишневого мороженого, то маринованной свеклы, — по-детски пожаловалась Крис.

Гарольд негромко рассмеялся и прижал ее к груди, радуясь уже тому, что может просто обнять

ее.

— Ты похудела.

— Ну, это ненадолго, — тоже улыбнулась Крис и поспешно прибавила:

— Но я правильно питаюсь и пью много молока.

— Крис, — отозвался Гарольд, — я на сто процентов уверен, что ты сделаешь все возможное для ребенка.

Этот мягкий голос и выражение лица! Крис неожиданно ощутила странный толчок в сердце — смесь боли и желания.

— Мне надо почистить зубы, — пробормотала она и высвободилась из объятий Гарольда.

Она так яростно работала щеткой, словно хотела навсегда стереть не налет с зубов, а все свои чувства к стоящему рядом с ней мужчине. Когда она наконец подняла голову, Гарольд встретился с ней глазами в зеркале.

— Ты ведь и вправду не знала, что она моя мать?

— Нет. Я ведь уже объясняла тебе — у меня пунктик на почве правдивости.

Маленькая девочка, запертая в шкафу.

— огда я должен извиниться перед тобой. Прости меня. — Гарольд тряхнул головой и решительно прибавил:

— Поверь, я вовсе не считаю тебя расчетливой и двуличной.

Крис закусил губу.

— Жаль, что ты не рассказал мне о матери. Я бы ни за что не взяла ее в клиентки.

— Когда мама переехала сюда, она говорила, что не станет возиться с садом. Мне и в голову не пришло, что вы можете встретиться.

— Не волнуйся... Когда станет уже заметно, я буду посылать вместо себя Тома.

Взгляд Гарольда невольно перешел на фигуру Крис — на ее все еще тонкую талию.

— Я по-прежнему хочу тебя, — хрипло признался он. — Ничего не изменилось.

А я — тебя.

На мгновение Крис показалось, что она произнесла эти слова вслух. Но в словах и не было нужды — глаза Гарольда отразили понимание. Не успела Крис придумать ответ, как он сжал ее лицо в ладонях и страстно прижался к ее губам.

Крис почувствовала себя снежинкой, тающей под первыми лучами солнца, увядающим цветком, жадно пьющим воду после долгой засухи. Она обвила шею Гарольда руками и ответила на его поцелуй, не в силах больше противиться собственному желанию.

Он подхватил ее на руки и понес в спальню. Пока он нес ее по ступенькам, Крис расстегнула пуговицы его рубашки и запустила пальцы в густые завитки волос на его груди. Где-то на полпути Гарольд остановился и снова поцеловал ее долгим поцелуем, от которого у него самого бешено заколотилось сердце. У него мелькнула мысль, что сейчас он несет на руках весь мир — женщину и ребенка. И оба они принадлежали ему.

Гарольд отлично помнил дорогу в спальню. Он внес Крис, уложил ее на постель. В полном молчании они сбросили с себя одежду. Грудь Крис была полнее, чем он запомнил, а кожа приобрела прозрачность, вызывавшую в нем властное двойственное чувство: владеть ею и оберегать. Стремление оберегать — это что-то новое!

А Крис казалось невероятным, что когда-то она могла его бояться.

— У тебя такое чудесное тело, — я, кажется, запомнила его до мельчайшей черточки, — шептала она, страстно отдаваясь его ласкам. — Да, да, пожалуйста, еще — здесь и здесь.

— Ты не представляешь, как я тосковал по тебе, — шептал Гарольд, скользя руками по ее телу. — Ночь за ночью я просыпался, мечтая о тебе.

Воспламененный ее смелостью, Гарольд притянул ее к себе, наслаждаясь ощущением ее тела, купаясь в сиянии глаз, в нежном прикосновении чуть припухших губ. А она прижалась к нему, двигаясь вдоль его чресел, и в этом было столько искушенности и одновременно невинности, растрогавших Гарольда до глубины души.

Когда он вошел в нее, Крис уже была готова принять его. Он все глубже и глубже вонзался в ее тело, глядя, как темнеют ее глаза, в ожидании ее страстного крика, прежде чем он сам достигнет пика наслаждения. А потом, когда они лежали, обнявшись, уставшие, но счастливые, Крис сонно улыбнулась ему.

— Я чувствую себя сейчас просто великолепно, И это в сто раз лучше вишневого мороженого.

— Да и маринованной свеклы, правда? Крис провела пальчиком по его щеке.

— У тебя усталый вид. И ты тоже похудел. Ни за какие блага в мире Гарольд не признался бы даже самому близкому человеку, что с тех пор, как узнал о ее беременности, к нему снова вернулись старые кошмары, терзавшие его после аварии.

— Я занимаюсь спортом и играю в теннис, — откликнулся он. — Говорят, это помогает избавиться от сексуальных желаний.

— Ты хочешь сказать, что тебе это не помогает? — удивилась Крис.

— А разве ты сама не поняла?

Крис как-то замерла в его объятиях, но не откликнулась. Спустя несколько минут она уже крепко спала в его объятиях. Вот оно, счастье, думал Гарольд: рука Крис лежала на его груди, ее головка уютно устроилась у него на плече.

Через час Гарольда разбудил резкий звонок телефона, стоявшего у кровати. Крис села в постели, протирая глаза, и схватила трубку.

— Алло! Том, что случилось? Что? Целый день? Вот идиоты — у них что, совсем в голове пусто? Хорошо, я буду через пятнадцать минут. Вскочив с кровати, она объяснила:

— Прибыл специальный заказ — декоративные травы из Онтарио, и их оставили на целый день жариться на солнце. Мне придется поехать и помочь Тому. Бог мой, ну где же мой второй носок?

Гарольд приподнялся на локте, наблюдая, как подпрыгивают груди Крис, пока она натягивает шорты.

— Я бы тоже мог помочь.

Крис не собиралась подпускать Гарольда к Тому и на пять километров: Том не скрывал, что, по его мнению, отец ребенка должен денно и ночью нести вахту рядом с будущей мамашей, и объяснять ему что-либо было бесполезно — да у Крис, собственно, и не было таких намерений. Поспешно натянув рубашку, каким-то образом ухитрившись застегнуть пуговицы, Крис обнаружила наконец второй носок — он спокойно лежал на письменном столе, напоминая о том, как поспешно они с Гарольдом раздевались, ослепленные страстью.

Тело Гарольда было до бедер прикрыто простыней. У Крис просто сердце замирало, когда она смотрела на темные завитки волос, сбегавшие к пупку. Я люблю все его тело, искренне призналась она себе, а вслух выпалила:

— Интересно, как мы здесь оказались?

— Потому что оба безумно хотели друг друга. С этим трудно было поспорить.

— Так не должно было случиться, — твердо заявила Крис. — Это не входит в наши планы.

— Крис, — жестко произнес Гарольд, — если тебя что-то пугает, смущает или расстраивает, скажи об этом прямо. Но не надо принижать нашу близость, это было так... — Он запнулся, подыскивая слова, способные хоть отдаленно передать их удивительное слияние,

— Стихийно, — тихонько подсказала Крис. Их глаза встретились, и Гарольд сердито сказал:

— Иди-ка займись делом, Крис. А не то все твои декоративные травы так и погибнут.

Крис смущенно повела плечами.

— Когда я сегодня утром встала, мне и в голову не приходило, что сегодня между нами произойдет нечто подобное.

И я бы с удовольствием повторила, честно призналась она себе. Причем прямо сейчас. А ведь близость с Дэном была настоящей пыткой.

— Гарольд, — взмолилась она, вконец смущенная, — мне правда надо бежать. Ты закроешь за собой дверь? Просто захлопни, и все.

— Хорошо, — отозвался он и прибавил будничным тоном:

— Ты там поосторожнее.

Ни один из них словом не обмолвился о следующей встрече. Однако, когда Крис вернулась домой, после того как растения были спасены, она обнаружила у входной двери бумажный пакет. Внутри оказалась банка маринованной свеклы.

Гарольд любил и ценил свою мать, они были добрыми друзьями, что встречается не так уж часто. Сегодня за обедом и потом, когда они отправились гулять по тенистым улочкам Портленда, в его памяти снова и снова всплывали слова Крис: «Я ношу под сердцем ее внука», — сказала она. Внука, которого так хотела его мать.

Мелани была гордым и тактичным человеком — скорее всего она больше вообще не станет затрагивать эту болезненную тему. Но Гарольд знал, что хотя горе после кончины любимого второго мужа Мелани переносит стойчески и с достоинством, жизнь ее все больше кажется пустой и грустной. Как он может лишиться ее такой радости — долгожданного внука?

И тем не менее не хотел ничего менять.

Гарольд рано ушел к себе в комнату. Бросившись на широкую двуспальную кровать, он долго не мог заснуть. Что сейчас делает Крис? Тоже легла в кровать? В ту самую кровать, где солнечным летним днем он испытал такое удовлетворение и восторг, о каком не мог даже мечтать.

Лора, как ни старался Гарольд быть с ней нежным, как ни скрывал потребности своего тела, всегда немного побаивалась его, а может быть, ей просто чужд был сам акт любви. Ни разу за восемь лет совместной жизни она не обняла его так страстно, как Крис, ни разу не засмеялась так радостно и открыто. И Гарольд никогда не вел себя с женой так свободно и раскованно, как сегодня с Крис.

Наверное, сам того не желая, он обижал Лору чем-то... И от этого ему было очень больно, а к боли добавилось еще чувство вины, не оставлявшее Гарольда с того дня, когда Лора и Ребекка погибли.

Ребекка... его дочь.

Гарольд с силой ударил кулаком по подушке, погасил настольную лампу и, как ни странно, наконец, заснул. Но в два часа ночи проснулся от собственного хриплого крика, с бешено колотившимся сердцем. Его снова мучили жуткие образы, навеки врезавшиеся в сознание.

Он совершил тогда ошибку, поехав на место аварии, и теперь искореженный металл и осколки стекла стали частью всех его кошмаров. Но хуже всего были крики — Лоры и Ребекки, страшные звуки, от которых сердце его разрывалось от боли, а глаза застилала слезы.

Гарольд сел в постели и нервно взъерошил волосы. Он уже по опыту знал, что бесполезно пытаться снова заснуть, пока не успокоится. Дома, в своей квартире, он обычно вставал и принимался за работу или включал телевизор. Но здесь, даже зная, что у матери сон очень крепкий, Гарольд не хотел рисковать, чтобы не разбудить ее.

Гарольд пытался унять нервную дрожь, но это не удавалось. Совершенно ясно, что означает этот сон, мрачно думал он, уставившись в стену. Он не готов идти на риск и снова вступать в брак. С потерей Ребекки у него словно сердце вырвали из груди...

И вот теперь эта близость с Крис, и это отчетливое чувство, что не все в их близости чистая физиология.

Надо убираться отсюда немедленно, пока еще не поздно, предупреждал внутренний голос.

Праздновать день рождения Мелани начали с самого утра — Гарольд порадовал мать

подарками, привезенными из разных стран. Днем к обеду пришли ее друзья, а потом, когда мать предавалась отдыху, гордо именуемому ею «сиестой» (ибо только древние старухи спят после обеда), сын попытался занять себя чтением нового бестселлера. В три тридцать позвонили в дверь.

Крис со своими планами, подумал Гарольд, отправляясь открывать. Сердце у него заколотилось. Однако на пороге стоял молодой человек. Он

Был одет в бежевые брюки и рубашку со знакомым логотипом «Бьюти Лэнд». Горькое разочарование, которое почувствовал Гарольд, совсем не соответствовало его намерению решительно порвать с Крис. Молодой человек обладал исключительно привлекательной внешностью — этакий сексапильный голубоглазый блондин. Том, подумал Гарольд. Она прислала вместо себя Тома.

Женщины, наверное, проходу не дают этому красавчику.

Между тем Том протянул Гарольду конверт.

— Вас не затруднит передать это миссис Смиттер? Это план сада, разработанный Крис Робинс, а я ее ассистент.

Гарольду решительно не понравилось, как Том произнес имя Крис, — слишком интимно это прозвучало, что ли. Но он тут же рассердился на себя и вслух вежливо произнес:

— Кажется, она собиралась сама завезти планы?

— Во второй половине дня Крис обычно работает дома, — уклончиво отозвался Том. — Если будут вопросы, звоните ей домой — телефон указан на прейскуранте.

— Понятно. Я передам это миссис Смиттер, спасибо.

Том удалился с видом столь независимым, что это сделало бы честь любому ковбою. А Гарольд вернулся в дом и принялся писать письмо Крис. Перепробовав несколько версий, он скомкал испорченные листки, отнес их в подвал и засунул поглубже в мусорный бак, а письмо запечатал в конверт.

Он тщательно старался скрыть свои чувства, поэтому письмо получилось холодным и сухим. Боясь передумать, он поспешно вышел из дома, сел в машину матери и поехал к дому Крис.

Какой же ты трус, Гарольд Фарбер, упрекал он сам себя, подходя к порогу. Ему пришлось постучать дважды, прежде чем дверь отворилась.

Крис была бледна как привидение, под глазами залегли темные круги.

— Гарольд! — простонала она и прижалась щекой к его груди.

Теперь она понимала, что имела в виду Вивьен, когда говорила ей об одиночестве. Гарольд сейчас казался надежным как скала — и он ей был просто необходим.

Гарольд слегка покачнулся, но сразу обрел равновесие и обнял ее.

— Дневная тошнота? — спросил он участливо.

Крис застонала:

— Я выжата как лимон. И очень рада, что ты пришел.

Он тоже был рад. Более того, его переполняла нежность. Но справившись с собой, Гарольд коротко произнес:

— Я приехал поговорить.

Крис подняла глаза. Что-то в его голосе ей не понравилось.

— Тогда лучше зайти в дом, — предложила она, отстраняясь. Ощущение надежности тут же пропало.

В гостиной она повернулась к Гарольду. Глаза ее смотрели настороженно. Нарочно вызвав в памяти ужас, испытанный им прошлой ночью, Гарольд произнес:

— Ты была права, Крис, нам лучше не встречаться. И давай будем честными до конца — нам не следует заниматься любовью так, как это было вчера. Мы заключили сделку. Причем у каждого из нас были свои интересы, так что давай придерживаться условий этой сделки. В следующий раз, когда я приеду сюда, то тебе об этом сообщать не буду. — Он нахмурился. — Но мне все же хотелось бы, чтобы ты дала мне знать, когда родится ребенок.

Крис как будто хотела именно этого — чтобы ее оставили в покое. Тогда почему же у нее такое ощущение, словно ее неожиданно ударили в самое больное место? Сдерживая подступающую тошноту, она сухо отозвалась:

— Ты, конечно, прав. — И только тут заметила белый конверт в руках Гарольда, — А это что?

— Я написал записку на случай, если тебя не окажется дома.

Ни за что на свете Гарольд не отдал бы ей сейчас это письмо — вид у нее и без того был ужасный. Надо поскорее уносить отсюда ноги, решил он.

— Собственно, это все, что я хотел сказать. Да, еще — береги себя, Крис.

— Не волнуйся, — с бесцветной улыбкой отозвалась Крис и пошла провожать его к двери.

Гарольд знал, что, если поцелует ее на прощание, от его решимости не останется и следа, и тогда он — конченный человек. Поэтому он молча вышел и зашагал к машине, ни разу не обернувшись.

Крис заперла дверь и прижалась лбом к прохладному дереву. Ей было слишком больно, чтобы плакать: Крис поняла, что они расстались

Навсегда.

Три месяца спустя, в начале сентября, Гарольд снова прилетел в Портленд. Когда под крылом самолета открылась панорама города, ему отчаянно захотелось крикнуть, чтобы пилот повернул назад в Нью-Йорк. Ведь здесь, совсем близко, была Крис. И его будущий ребенок.

Со времени своего последнего визита в июне он не получал от Крис никаких вестей. Впрочем, он и не рассчитывал на это и сам тоже не делал никаких попыток связаться с ней.

Мать очень просила, чтобы сын приехал летом и посмотрел ее сад, однако у Гарольда все

время находились отговорки. Но больше он уже не мог тянуть: важные дела требовали его присутствия, реконструкция центра должна была начаться не позднее октября. Что ж, выхода нет, он расхвалит сад, как полагается, и через пару дней улетит домой.

Самолет совершил посадку, и через час Гарольд уже подъезжал к дому матери. И не успел он войти, как выяснилось, что Мелани взяла билеты на симфонический концерт с участием знаменитого скрипача, приехавшего на гастроли. Гарольд был в смятении — он понимал, что на концерте может встретить Крис, но матери так хотелось идти именно с ним — ведь это было для нее целое событие.

— Ты ведь не имеешь ничего против, Гарольд? — спросила Мелани робко. — Наверное, мне следовало тебя предупредить, но я надеялась сделать тебе приятный сюрприз.

Да уж, куда приятнее! Гарольд с величайшим трудом выдавил непринужденную улыбку.

— Все прекрасно, мама. Удивляюсь, как им удалось заполучить скрипача такого масштаба.

Без пятнадцати восемь Гарольд усадил мать в кресло в концертном зале и сел рядом. В воздухе витало возбуждение, обычно сопровождающее приезд большого артиста. В программе стоял скрипичный концерт Мендельсона-один из самых любимых концертов Гарольда. Мать завела разговор с сидевшей рядом женщиной, а он принялся потихоньку рассматривать публику в зале. Нервы у него вибрировали, как струны настроивавшегося оркестра.

Публика все прибывала, но довольно долго он не видел знакомых лиц и уже стал понемногу успокаиваться, как вдруг впереди мелькнула каштановая головка, и сердце его бешено забилося. Она, конечно, она.

С ней был мужчина, которого Гарольд не знал. Рука Крис лежала у него на рукаве, и мужчина наклонился, чтобы лучше расслышать слова Крис, затем весело рассмеялся. Похоже, им хорошо друг с другом, и, кроме того, они явно не первый день знакомы.

У нее было три месяца, чтобы завязать знакомство. И все же это было странно, потому что беременность Крис уже бросалась в глаза.

Крис между тем наконец пробралась к своему креслу. На ней было свободного покроя платье цвета морской волны, которое ей очень шло. Оба сели и о чем-то заговорили, сблизив головы.

— Гарольд, это Нэнси Уайт, кузина Уэнделла... Гарольд, ты меня слышишь?

— Извините, — пробормотал Гарольд, пожимая руку дамы, имени которой так и не услышал. Каким-то чудом ему удалось поддерживать разговор, во всяком случае, ни мать, ни ее собеседница не бросали на него косых взглядов. Наконец, к величайшему облегчению Гарольда, свет в зале погас.

Моцарт и Гайдн помогли ему продержаться до антракта. Гарольд был полон решимости не покидать своего места, но мать попросила:

— Дорогой, тебя не затруднит принести нам чего-нибудь прохладительного? В зале ужасно жарко, а в буфете всегда такая давка.

Выхода не было — Гарольд поплелся за дамами по проходу, смотря прямо вперед, затем, оставив их в фойе, пристроился в хвост очереди в буфет. Не успев передать даме-как там ее

зовут, черт побери? — содовую воду, а матери — ром с кока-колой, Гарольд увидел, что Крис со своим спутником направляются прямо в их сторону. Крис оживленно болтала с мужчиной, и вид у нее был просто цветущий, беременность удивительно шла ей.

Мелани тепло приветствовала ее:

— Крис, милая, а я и не знала, что вы замужем.

Крис обернулась, увидела мать Гарольда, а потом и самого Гарольда, стоявшего позади нее, и румянец медленно сполз с ее щек.

— А я не замужем, — выпалила она. Мелани Смиттер тут же продемонстрировала современное понимание жизни:

— О, как бестактно с моей стороны! В конце концов, что такое клочок бумаги? Я рада видеть вас такой цветущей. Кстати, это Нэнси Уайт, кухня моего покойного мужа и... вы ведь помните моего сына Гарольда?

О да, Крис его отлично помнила.

Правила приличия требовали представить спутника. Хорошенько стукнув его по лодыжке открытой туфелькой на высоком каблуке. Крис произнесла:

— А это Филипп Браунли. Мелани пожала руку Филиппу.

— Поздравляю вас. Крис, когда у вас сроки?

— В декабре, — неохотно отозвалась Крис. — Как вам нравится концерт?

Умница, похвалила Крис сама себя за то, что сумела вывернуться. Только в этой сцене, где все атрибуты фарса налицо, отсутствует занавес, падающий в финале под аплодисменты растроганных зрителей. И что теперь говорить? Объяснять, что Филипп — муж моей лучшей подруги? И что отец моего ребенка стоит в двух шагах от вас, миссис Смиттер, и совершенно случайно доводится вам сыном?

Ее матери такой финал вряд ли бы понравился...

Положение Крис нечаянно спасла Нэнси Уайт, со знанием дела отозвавшаяся о струнных инструментах. Филипп, большой поклонник симфонической музыки, сразу подхватил эту тему, и разговор завязался. Гарольд в нем не участвовал — он стоял рядом, точь-в-точь знаменитый герой великого английского поэта Байрона — угрюмый, недовольный всем на свете Чайльд Гарольд.

Крис с трудом подавила новый приступ истерического смеха. Она изо всех сил старалась не встречаться глазами с Гарольдом, а тот готов был испепелить Филиппа ненавидящим взглядом. Однако Филиппа тоже голыми руками не возьмешь — не тот случай. Не моргнув глазом, без тени удивления он принял на себя роль отца будущего ребенка Крис, а теперь невозмутимо обсуждал тонкости произведений Гайдна. Миссис Смиттер между тем снова обратилась к Крис.

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо. Правда, должна признаться, что первые три месяца мне пришлось

довольно тяжко.

— Теперь я понимаю, почему все это время моим садом занимается ваш ассистент — кстати, у него блестяще получается. Талант и обаяние — замечательное сочетание.

Миссис Смиттер описала Тома поразительно точно, и лестная характеристика, данная ее помощнику, должна была обрадовать Крис. Взяв себя в руки, она стала расспрашивать пожилую женщину про новоанглийские астры и прочие растения. Мелани отвечала, а Крис каждым нервом ощущала близость Гарольда, его тяжелое молчание. Сердце ее уже перестало бешено колотиться, и в какой-то момент она решила, что с нее довольно сердитых взглядов. Обернувшись к нему, она дерзко спросила:

— Мы вас не очень утомляем, мистер Фарбер?

В глазах его зажглись вдруг озорные искорки.

— Нет, мисс Робине, нисколько. Скажите, вы собираетесь замуж за отца своего ребенка или считаете себя выше мелких моральных условностей?

Мелани так и ахнула от неожиданной грубости сына, а Крис спокойно отозвалась:

— Вообще-то он и не предлагал мне выйти за него замуж. Я имею в виду, отец моего ребенка.

— Какое упущение с его стороны, — съязвил Гарольд, — Ну а вы бы согласились, реши он исправить свою ошибку?

Один — ноль в твою пользу, Гарольд, подумала Крис, ругая себя за то, что вообще ввязалась в эту дурацкую перепалку. Но после секундного замешательства, взглянув на него смеющимися глазами, она спросила:

— А как по-вашему, мне следовало бы согласиться?

— Кто-то мне говорил, что в этом сезоне очень моден снежно-белый цвет. Да и семейные ценности возвращаются.

— Я всегда лучше всего смотрелась в бежевом, — парировала Крис. — И потом, я вовсе не думаю о замужестве.

— Жизнь, — философски отозвался Гарольд, — полна неожиданностей.

И не последняя из них — их сегодняшняя встреча.

Тут Крис почувствовала, как Филипп толкнул ее локтем.

— Кажется, нам пора возвращаться на свои места, радость моя, — объявил он и вежливо поклонился дамам:

— Рад был познакомиться.

Он повел Крис ко входу в зал, и, когда Гарольд и Мелани уже не могли их слышать, строго заявил:

— Начать с того, что моя фамилия не Браунли, а Блэкстон, и я никогда в жизни не изменял Вивьен, тем более с ее лучшей подружкой. — Но Филипп быстро сменил гнев на милость:

— Скажи честно, тот высокий парень, смотревший на меня так, словно я червяк или таракан, которого надо давить, и он получит колоссальное удовольствие, проделав это лично, — это и есть отец твоего ребенка?

— Только не говори никому, — взмолилась Крис.

Все следующее утро Гарольд провел на крыше дома матери за чисткой стоков. Физическая нагрузка всегда помогала ему избавиться от дурного настроения. А дурное настроение не оставляло Гарольда с той минуты, как этот пренебрежительный мужчина по-хозяйски положил Крис руку на талию и увел ее. Гарольд был так зол на Крис, что готов был придушить ее.

Как она посмела связаться с этим Филиппом Браунли, когда она носит под сердцем его, Гарольда, дитя? Как посмела? Ну ладно, сейчас он получит ответ на свой вопрос, решил Гарольд, слезая с лестницы.

В два часа он отправился к дому Крис. Знакомого грузовичка рядом с домом не оказалось, но Гарольд все же несколько раз громко постучал в дверь. Убедившись, что Крис действительно нет, Гарольд, несмотря на душную жару, отправился в офис «Робине Бьюти Лэнд». Офис располагался в непримечательном здании на боковой улочке в северной части города, однако дом был заново выкрашен, а сад перед ним восхищал буйством красок. На улице был припаркован грузовик с логотипом компании.

Она здесь, с мрачным удовлетворением отметил про себя Гарольд. Однако в крохотном и безукоризненно чистом помещении он никого не обнаружил. Впрочем, в конторе кто-то был, потому что, когда Гарольд открыл дверь, прожужжал зуммер и мужской голос крикнул:

— Сейчас подойду!

Откуда-то из боковой двери появился Том в мятых джинсах и перепачканной землей рубашке.

— Чем могу быть полезен, сэр?

— Я ищу Крис, — без всяких околичностей объявил Гарольд.

— Ее сейчас нет. А я могу чем-нибудь помочь?

— Где мне ее найти? — Голос Гарольда звучал настойчиво и не допускал возражений. Том задумчиво протянул:

— Если у вас какие-то жалобы, я мог бы...

— Нет, спасибо. Я хочу поговорить лично с Крис.

Голубые глаза Тома сузились.

— Наверное, она еще на Доу-стрит. Я могу объяснить вам, где это...

Но Гарольд уже направлялся к дверям.

— Я знаю, где это.

— А вы случайно не Гарольд Фарбер? — враждебно осведомился Том.

— Да, это я. — Рука Гарольда уже лежала на ручке двери. — А в чем дело?

— Вы случайно не тот тип, что сделал ей ребенка? — воинственно наскაკивал Том, выходя из-за конторки.

Гарольд отпустил дверную ручку. Том явно нарывался на драку — ну так он ее получит.

— Да, — ровным тоном отозвался он, — Но вас это не касается.

— Сделал ей ребенка, а потом смылся в Нью-Йорк. Затащить ее в постель — прежде чем дать подряд в этом чертовом плане реконструкции центра!

У Гарольда потемнело в глазах.

— Нет! — рявкнул он, но сделал глубокий вдох и разжал кулаки. — Я такими методами не действую, ты просто ничего не знаешь.

— Ну уж меня-то ты не обманешь! — Том нахмурился. — Теперь припоминаю... ты был у миссис Смиттер в тот день, когда я завозил ей планы. Это было три месяца назад, и за это время я что-то не видел, чтобы ты рвался помогать Крис.

— А тебе не приходило в голову, что она могла не желать помощи?

— Нет, как-то не приходило, — отрезал Том. — Зато я помню, что в тот день, когда я увидел тебя в первый раз, она здесь рыдала — слез хватило бы на то, чтобы полить все наши чертовы сады. А она, между прочим, мне не только босс, но и друг. В тех местах, откуда я родом, есть название для таких мерзавцев, как ты.

— Знаешь, Том, — сухо остановил его Гарольд, — если ты напрашиваешься на драку, ты ее получишь, дружок. Вот только Крис не обрадуется, если узнает, что мы затеяли свару у нее в офисе.

В ответ Гарольд услышал поток отборной брани, где виртуозно поминались его мужское достоинство и его мать. Одним движением, прежде чем Том успел среагировать, Гарольд приподнял молодого человека в воздух, прижал к конторке и прорычал:

— Твой босс делает все, чтобы я окончательно спятил, и более вздорной женщины я отродясь не встречал. Что до ее пресловутой беременности, то она сама так захотела. Хочешь — верь, хочешь — не верь, мне глубоко начхать!

Потом он без особых церемоний поставил Тома на пол и вышел, прежде чем парень успел сказать хоть слово.

Гарольд помчался на Доу-стрит. Припарковав машину в квартале от участка, он отправился дальше пешком, Подойдя к участку, где рабочие «Бьюти Лэнд» разбивали очередной сад, он невольно замедлил шаг и, несмотря на скверное настроение, улыбнулся.

Вместо заброшенного пустыря его взору предстали аккуратные газоны. Подсолнухи и побеги красной фасоли мирно покачивались на ветерке, между зелеными листьями пристроились веселые круглые декоративные тыквы, а с детской площадки доносился нестройный детский гомон.

Оказывается, не все идеи Крис так уж безумны, она талантлива, очень талантлива, эта

маленькая упряmica, и не зря так уговаривал его рыжий Вилли Тардифф отдать ей все подряды на садовую и парковую зону. Обратившись к ближайшему из работавших на участке людей, Гарольд спросил, не видел ли тот Крис Робине. Пожилой мужчина выпрямился, опираясь на лопату.

— Да она минут пять... нет, десять, как ушла. Ада! Не знаешь, куда поехала Крис?

Женщина, работавшая поодаль, отозвалась, не поднимаясь с газона, где она устраивала клумбу:

— Сказала — вроде домой. Жарковато нынче для нее.

Ничего, сейчас станет еще жарче, мысленно пообещал Гарольд и отправился обратно. В этот раз машина была припаркована у дома, однако на его стук никто не отозвался. Пока Гарольд размышлял, уж не избегает ли его Крис, из-за дома послышался скрежет. Обогнув дом по гравиевой дорожке, обсаженной шпалерными розами, он увидел Крис: она как раз собиралась разгружать тачку, где были сложены три пластиковых мешка с землей.

— Подожди, я помогу, — с ходу крикнул Гарольд. — Тебе нельзя таскать тяжести!

Крис подскочила, словно у нее над ухом выстрелили из ружья, и круто повернулась к нему.

— Кто тебя сюда звал?

— А я уже большой мальчик и явился без приглашения, — отозвался Гарольд. — А где же Филипп — ты его прячешь в доме? — спросил он язвительно, подойдя ближе.

— А у тебя есть орден на обыск? — усмехнулась Крис, наклоняясь к мешку.

— Крис, я сам их отнесу, — мягко повторил Гарольд.

— Ничего, как-нибудь сама справлюсь. Решительно отодвинув ее бедром, он взялся за два верхних мешка.

— Куда?

— К саду камней, — сердито отозвалась она. — Я хочу, посадить там луковицы тюльпанов, а земля за лето просела.

Она молча следила, как Гарольд относит мешки, и ждала, что будет дальше.

Поставив последний мешок, Гарольд любезно осведомился:

— Ты где хочешь ругаться — здесь или в доме?

Крис пожалела, что на ней надеты лишь свободного покроя шорты и мешковатая футболка с легкомысленной картинкой: кот Сильвестр, готовящийся к прыжку за птичкой.

В такой одежде сохранить вид оскорбленного достоинства затруднительно.

— Слишком жарко для того, чтобы ругаться — где бы то ни было, — ответила она.

— К сожалению, до зимы дело не потерпит, — объявил Гарольд, беря ее под локоть.

Волосы Гарольда блестели на солнце, а глаза сделались особенно яркими от мягкого загара, сохранившегося с лета. Он казался еще выше, чем Крис запомнила, а при его прикосновении сердце ее забилось часто-часто.

— Тогда хотя бы отойдем в тень. Если мне вредно таскать тяжести, то могу поспорить, что ругаться — тоже.

— Надо было думать об этом пять месяцев назад. Давно ты знакома с Филиппом?

— Пять лет.

У Гарольда на лице дернулся мускул.

— Тогда почему ты не ему предложила стать отцом своего ребенка?

— Да как-то в голову не пришло, — изумилась Крис. — Что тебя так бесит, Гарольд?

— Ты носишь моего ребенка. По-моему, не самое лучшее время, чтобы заводить романы.

Поучительный тон Гарольда был не более чем лицемерием — ведь не мог же он признаться ей, что мысль о том, что чужой человек будет растить его ребенка, была для него не менее болезненна, чем мысль о потере Ребекки.

Крис отреагировала с невозмутимостью, приведшей Гарольда в бешенство:

— Ты что, ревнуешь?

— И еще как! — Гарольд сам не ожидал от себя такой прямоты.

— Мне тоже было бы неприятно увидеть тебя на концерте с другой женщиной, а не с матерью, — откровенностью за откровенность отплатила Крис.

— Знаешь что? Терпеть не могу женщин, которые, разочаровавшись в одном мужчине, сразу меняют его на другого!

Боясь, что не сможет себя сдержать, Гарольд схватился за ветку яблони, под которой они стояли, и красные яблочки испуганно заколыхались. — Ты собираешься за него замуж?

— Никоим образом.

— Ну да-ты же у нас ярая противница замужества, и как это я забыл? Когда он переезжает сюда.

— Да не собирается он переезжать! Он...

— Ты с ним спала? — Ногти Гарольда впились в кору несчастного дерева.

Крис засмеялась, и кот Сильвестр на ее груди сердито запрыгал.

— Филипп женат. На... — Она не успела сказать, как Гарольд перебил ее, еле сдерживая гнев:

— Ну и что! Что тут смешного? Первым вопросом, который ты задала мне пять месяцев назад, было — женат я или нет. Чем этот парень так уж лучше меня?

— Перестань наконец меня перебивать! — Крис посмотрела ему прямо в глаза. — Филипп — муж моей лучшей подруги Вивьен. У нее вчера вечером разыгралась мигрень, поэтому на концерт с ним пошла я.

Гарольд ошалело помотал головой.

— Вивьен? На той, у которой не так давно родился ребенок?

— Именно.

Так вот почему она так свободно чувствовала себя с Филиппом — не из-за того, что они любовники, просто они старые друзья. Гарольд почувствовал, что с души у него свалился груз, гораздо более тяжелый, чем все мешки с землей, которые он сейчас перетаскал, вместе взятые.

— Ты с кем-нибудь встречаешься?

— Знаешь, я руковожу компанией, которая большую часть своих доходов получает летом, да еще на нас свалилась эта жарница — можно подумать, что мы в Африке. Плюс я на шестом месяце беременности. Имей хоть каплю милосердия!

— Я тоже ни с кем не встречаюсь в Нью-Йорке. Как-то желания не возникает, — тихо признался Гарольд. — И много думаю о тебе, — неловко прибавил он.

Щеки ее медленно залились краской. Она произнесла извиняющимся тоном:

— Если бы я знала пять месяцев назад, что все так осложнится, ни за что не стала бы втравливать тебя в эту авантюру. Но что мне было делать — ведь твоя мать сразу увидела, что я беременна. Оставалось только ткнуть Филиппа под ребро и надеяться, что он не оплошает.

— Если он когда-нибудь лишится работы, советую ему податься в актеры, — едко заметил Гарольд.

— Если тебе станет от этого легче, то сообщу, что он всю обратную дорогу бубнил, что у ребенка должно быть двое родителей.

Крис теребила лоснящийся красный лист дерева, и вид у нее был усталый и совсем несчастный.

— Когда я приехал искать тебя в офис, Том сказал примерно то же самое, только — держу пари — в более красочной форме, чем Филипп.

— Я не хотела, чтобы вы сталкивались с Томом.

— Крис, — неожиданно предложил Гарольд. — Поехали купаться. Прямо сейчас.

— Ты серьезно? — мягко улыбнулась она.

— Я бы даже мог купить тебе вишневое мороженое,

— Ты запомнил?

— Я помню все, что мы с тобой делали и говорили.

Крис слишком долго старалась не вспоминать, что они с Гарольдом делали и говорили. Но она очень хотела поехать с ним на пляж.

На берегу они выбрали уголок подальше от всех купающихся. Гарольд расстелил пляжный матрац и сбросил кроссовки и рубашку.

Крис поставила на песок корзину с едой. Поверх купальника на ней был сарафан с завышенной талией. Неожиданно смутившись, она теребила пуговицы. Гарольд взглянул на нее.

— Ну как, идешь купаться?

Крис отступила на шаг, покусывая губу.

— В купальнике для беременных я выгляжу примерно так же сексапильно, как... как гиппопотам.

— Для меня ты всегда красавица.

Когда он так нежно смотрел на нее, Крис хотелось плакать. Или целовать его до потери сознания.

— Но у меня испортилась фигура, — грустно прошептала она.

— Да мне и не нужно, чтобы ты выглядела как картинка из модного журнала. Просто оставайся самой собой.

Гарольд подошел к ней, расстегнул пуговицы сарафана и снял его через голову Крис. Он нарочно тянул время, чтобы как следует рассмотреть ее. Купальник играл яркими красками — бирюзовой, пурпурной и зеленой. Грудь стала полнее, а выступающий живот вызвал у Гарольда такую бурю эмоций, что на мгновение все поплыло перед глазами.

Не зная, как еще выразить свои чувства, Гарольд привлек ее к себе и поцеловал, с радостью ощутив, как ее руки скользнули по его плечам и вплелись в его волосы, а губы, нежные и теплые, ответили на его поцелуй. В душе его вдруг всплыли простые и единственно правильные слова: «Я люблю тебя, люблю тебя».

Это потрясло его, и он испуганно поднял голову. И тут же услышал шепот Крис:

— Что-то случилось?

Он не мог сказать ей. Пока не мог. У него не хватало мужества произнести эти три коротких слова, которые изменят всю его жизнь. И Гарольд ответил — более или менее правду:

— Один твой поцелуй — и мне уже требуется холодная морская ванна.

Рука об руку они бросились в волны. Крис всегда любила плавать, и в струях прохладной воды просто ожила. Она нырнула под набегавшую волну, вынырнула и задорно крикнула:

— Кто последний, тот трусишка!

Гарольд плеснул в нее водой и ринулся следом. Вынырнув рядом, он засмеялся:

— Скажи, это была хорошая мысль — искупаться.

— Тебе полагается приз! — Крис легко обвила руками его шею и прижалась губами к его губам.

Волна накрыла обоих сверкающей пеной. Почти час они ловили волны, ныряли за ракушками и хохотали как дети.

Когда они наконец вылезли из воды, Крис вытерлась полотенцем и достала из корзинки две бутылки с апельсиновым соком и большой пакет чипсов. Глаза у нее радостно сияли.

— Я чувствую себя на вершине блаженства! — воскликнула она, усевшись на одеяло по-турецки и открывая бутылку.

Гарольд вытянулся рядом, очень близко, и повернулся к ней, опираясь на локоть. Неожиданно он увидел, как вздрогнул живот Крис. Он едва сглотнул комок в горле.

— Господи, Крис!

Выражение его лица в эту минуту заставило Крис позабыть про сделку и про то, что она не хотела даже близко подпускать к себе Гарольда. Она взяла его руку и положила к себе на живот, чтобы он еще раз почувствовал, как шевелится ребенок.

— Ты чувствуешь? Это твой сын.

— Сын? — ошеломленно переспросил он.

— Неделю назад я была у врача... Гарольд закрыл глаза. Энергичные движения младенца, еще не родившегося, но уже рвущегося на свет, разом смели все преграды, которые он так тщательно воздвигал в течение трех лет. Гарольд прижался лбом к ее животу. Слезы жгли ему глаза.

Крис, сама в полном смятении, перебирала влажные темные волосы Гарольда. Дело не просто в ребенке, думала она. Каждый раз, стоит нам встретиться, что-то происходит, и от этого уже не отмахнешься.

Она ведь не собиралась рассказывать ему ни о чем. И вообще не собиралась с ним больше встречаться. Надо же, какая ирония судьбы! — Э-эй, очнись!

Гарольд поднял голову. В его глазах блестели слезы, и Крис поняла — в паутине, опутывавшей ее сердце, прибавилась еще одна нить.

— Спасибо, что сказала мне, Крис.

— Врач говорит, что беременность протекает нормально.

— Ты рада, что это мальчик?

— Мне главное, чтобы малыш родился здоровым, — Крис нахмурилась. — Но, наверное, матери-одиночке воспитывать девочку было бы легче.

Гарольд отодвинулся и хрипло выговорил:

— Твои друзья считают, что нам следует пожениться. Ты с ними не согласна?

— Я поклялась, что после Дэна никогда не выйду замуж, — печально отозвалась Крис.

— А если бы я попытался тебя переубедить? «Если бы» говорит о многом, отметила про себя Крис.

— Ты ведь сам не уверен, что тебе следует это делать.

— Ну давай просто представим...

— Нет, я не хочу экспериментов, — отрезала она. — Мне было слишком больно, когда я поняла, что Дэну нужна не я, а мои деньги.

Впервые она сказала о причинах своего разрыва с мужем.

— Я напоминаю тебе Дэна?

— Я не стала бы иметь с тобой дело, если бы ты мне его напоминал...

— Для начала и это неплохо.

Крис неожиданно и без всякой причины рассердилась. Ей стало очень обидно, что Гарольд не предложил ей прямо сейчас выйти за него замуж, и подавить эту обиду она была не в силах. Чтобы скрыть ее, она раздраженно произнесла:

— Пойду еще искупаюсь.

Гарольд наблюдал, как она решительно направилась к воде. Сын, у него будет сын. Крис — мать его сына, и настроение ее меняется, как ртуть. Любит ли он Крис? И если любит, то что ему с этим делать?

Для начала пригласить ее пообедать — решил Гарольд, доедая чипсы. Когда Крис вернулась после купания, он объявил:

— Позволь мне пригласить тебя сегодня в ресторан. Говорить будем обо всем на свете, кроме беременности и брака, не волнуйся.

Стройное тело Гарольда было позолочено солнцем, а улыбка — совершенно неотразима.

— Только не очень поздно, — согласилась Крис. — Вечером мне надо посидеть над бухгалтерским отчетом.

— Я привезу тебя домой к половине девятого.

— Вот и прекрасно.

Перекинув через руку полотенце Крис, Гарольд велел:

— Стой смирно! — И ленивыми чувственными движениями принялся растирать ее тело, покрытое каплями соленой воды.

— Я сейчас скажу тебе одну вещь, а потом, клянусь, даже не заикнусь об этом, — застенчиво проговорила Крис. — Знаешь, беременность, оказывается, совсем не притупляет желания.

Гарольд рассмеялся и провел полотенцем по ложбинке между ее грудей.

— Ты всегда можешь сказать бухгалтеру, что у тебя неотложная встреча. В постели.

— Он у меня напрочь лишен чувства юмора, — отозвалась она, проводя пальчиком по груди Гарольда.

— Прекрати сейчас же! У нас запрещается заниматься любовью в общественных местах — это противозаконно.

— А у законников чувство юмора тоже отсутствует?

Домой они вернулись в прекрасном настроении. Крис заняла ванную на нижнем этаже, а Гарольда отослала наверх. По пути он заглянул в спальню и невольно улыбнулся, ибо был уверен, что сегодня вечером они непременно там окажутся, что бы ни говорил бухгалтер. Затем бросил взгляд на комнату напротив, и улыбка слетела с его лица.

Крис уже начала оборудовать комнату под детскую. Гарольд вошел внутрь, вдыхая слабый запах свежей краски — нежного светло-желтого цвета. По краям Крис наклеила обои с изображением диснеевских персонажей, и занавески были с таким же рисунком. У Гарольда защемило сердце — колыбелька была точно такой же, как когда-то у Ребекки.

Через четыре месяца у него появится сын. И Гарольд снова станет незащищенным и будет бояться страшного удара, какой нанесла ему три года назад смерть его маленькой дочурки.

Надо лететь отсюда первым же самолетом. Гарольд запер дверь в ванной и встал сначала под обжигающе горячий душ, затем под холодный. Одевшись, он спустился вниз.

В гостиной был включен телевизор. Крис сушила волосы и слушала шестичасовые новости. Ее халатик был тех же тонов, что и купальник, волосы окружали голову пушистым облаком.

Лететь отсюда первым же самолетом? Кому он морочит голову?! И тут Крис, глядевшая на экран телевизора, тихонько вскрикнула. Гарольд машинально повернул голову: на автостраде столкнулись три автомобиля. Камера запечатлела обломки, машины «скорой помощи» и полицию, зевак, с любопытством взиравших на происшедшее. У него перехватило дыхание, и лицо его помертвело.

...В тот роковой февральский день три года назад за рулем его нового голубого «форда» была Лора. Если бы он не был так занят по работе, то вел бы машину сам и, может быть, сумел бы избежать столкновения с огромным трейлером. Лора водила машину не слишком хорошо. Трейлер раздавил машину буквально всмятку — у него отказали тормоза.

— Гарольд, что с тобой? Гарольд, пожалуйста, не смотри так!

Чудовищным усилием Гарольд заставил себя вернуться к действительности, к испуганной женщине, вцепившейся в его руку. Это была Крис. Не Лора. Лора была мертва.

Вздых Крис больше напоминал рыдание.

— Гарольд, в чем дело? Ты должен мне сказать, ну, пожалуйста!

Гарольд скорее почувствовал, чем осознал, что она выключила телевизор. Он отвечал как будто во сне:

— Моя жена и дочь погибли в автокатастрофе. Бекки было четыре года. У трейлера отказали тормоза. Я был в офисе, когда это случилось.

Что еще можно сказать? Все и ничего. Лучше бы он сейчас находился где угодно, только не в этой комнате и не с этой женщиной.

— Ты поэтому не хочешь снова жениться? — Крис сжалась, глаза ее наполнились слезами. Гарольд кивнул, и она осторожно пошла дальше:

— И поэтому ты согласился на мое предложение насчет беременности?

— Не самый умный поступок в моей жизни, — сказал Гарольд, снимая ее руку со своей и отходя к окну. — Я подумал, что мне будет вполне достаточно того, что ты родишь моего ребенка и я буду знать, что он существует и что за ним хороший уход... В эмоциональном смысле я нахожусь на уровне детского сада. Как ты, вероятно, заметила.

— Гарольд, — тихо ответила Крис-Ты просто такой же человек, как и другие. Твоя реакция на происшедшее вполне естественна.

— Ну да, конечно.

Он отвернулся от окна, но лицо его оставалось в тени. Ужаснувшись бесцветности его голоса, Крис бросилась в атаку, теперь уже пытаюсь бороться за него:

— Ни один человек, застрявший в эмоциональном развитии на уровне детского сада, не смог бы заниматься со мной любовью, как это делал ты. Когда мы были вместе, ты заботился обо мне — я чувствовала себя в безопасности. Ты подарил мне свободу. Ты был чувствительным и страстным, ты заставлял меня плакать и смеяться. Не говори мне, что для этого эмоциональная зрелость не нужна.

Гарольд провел ладонью по лбу — мысли его путались, их никак не удавалось привести в порядок. Лоре дары его души и тела были не нужны, и ради нее он подавлял себя. Крис была полной противоположностью, она увлекала его в такие глубины страсти, каких он никогда не знал. Гарольд передернул плечами.

— Нам пора идти, А то ты не успеешь сесть за свои бухгалтерские книги.

Крис топнула ногой.

— К черту бухгалтерские книги!

— Крис, — спросил Гарольд, заранее зная ответ, — ты выйдешь за меня замуж?

Она судорожно прижала руки к груди, глядя на него глазами, огромными и печальными, как у затравленной лани.

— : Ведь я не могу! Ты же знаешь, Гарольд, я не могу!

— Стало быть, нет смысла продолжать разговор. У каждого из нас свои призраки прошлого. Поехали ужинать. Я даже не заикнусь о детях

И замужестве.

Гарольд сдержал слово. Он рассказал ей содержание всех фильмов, какие смотрел за последние три месяца, а в восемь двадцать проводил Крис до ее дома.

— Ты зайдешь?

— Нет, спасибо. Оставляю тебя с твоей бухгалтерией. — Гарольд немного постоял в нерешительности. — Наверное, завтра я вернусь в Нью-Йорк. Береги себя, Крис, хорошо?

Крис тихо улыбнулась. — Ну конечно. И ты тоже,

— Прощай, — произнес он и зашагал к машине.

Он не сделал попытки поцеловать ее и вообще в течение всего ужина, показавшегося Крис бесконечным, вел себя безупречно вежливо, но холодно, словно они были просто случайными знакомыми.

После той жуткой сцены по телевизору Гарольд ушел в себя. Погрузился в такие глубины, где Крис не было места. И ей было от этого очень больно.

Вот и толкуй теперь о логике и последовательности, думала Крис, входя в дом. Она не хочет выйти за него замуж, но желает проникнуть в самые его сокровенные помыслы. Собирается стать матерью-одиночкой и в то же время готова лечь с ним в постель в любую минуту.

Я просто клубок противоречий, призналась она сама себе.

— Ну и возвращайся в свой Нью-Йорк, Гарольд Фарбер, — громко произнесла Крис в пустой гостиной. — Мне наплевать!

Гарольд вернулся в Нью-Йорк и обрел мир в душе впервые с тех пор, как встретил Крис. Он сделал ей предложение, а она отказала. От того, что он сделал ей предложение, ему стало легче, словно прорвался тяжелый нарыв. Что ж, все решилось в полном соответствии с его планами. Жениться Гарольд не должен. Более того, он намеревался держаться от Крис подальше. Всю жизнь.

Через неделю после отъезда из Портленда Гарольд отправился в теннисный клуб играть с Бруно, своим лучшим другом. Это Бруно помогал ему пережить трагедию три года назад. По пути на корт Гарольд весело насвистывал, а войдя, хлопнул Бруно по плечу и залихватским тоном предупредил:

— Ну, держись, старик, у меня сегодня масса нерастроченной энергии.

Бруно, симпатичный гигант, игравший не особенно технично, зато разнообразно, широко улыбнулся в светлую бороду.

— Ого, да ты впервые за много месяцев выглядишь прилично. Погоди-ка-ты, наверное, встретил женщину. Давно пора.

Застигнутый врасплох, Гарольд выпалил:

— Ошибаешься, приятель. Я только что разорвал отношения с одной женщиной.

Перекатывая мячик на руке, Бруно поинтересовался:

— Что случилось? Она стала угрожать твоей свободе?

— Да, я не собираюсь себя с кем-то связывать.

— А когда соберешься?

Легонько постукивая мячиком об пол, Гарольд раздраженно пробурчал:

— Не знаю.

— Хочешь в конце концов стать старым упрямым холостяком с мерзким характером?

— Ради Бога, Бруно!

— А ведь ты уже на этом пути, приятель. — Бруно хлопнул его по плечу. — Ну что, будешь подавать?

Через пять минут после начала игры Бруно поинтересовался:

— А как она выглядит — женщина, с которой ты порвал?

Тяжело дыша, Гарольд отозвался:

— Волосы как темная медь, глаза как бархат, а тело такое, что не жаль и умереть.

— Ну, тогда еще есть надежда, — заметил Бруно, подавая мяч прямо над линией.

Гарольд выиграл подачу. Но Бруно сегодня играл и допрашивал его с одинаковой агрессивностью:

— А как она в постели?

— Потрясающе. Отстань, Бруно.

— А как ее зовут? И где она живет?

— Никак не уймешься, а? — прорычал Гарольд. — Ее зовут Крис, живет в Портленде. И она скоро будет на седьмом месяце беременности.

Бруно уронил ракетку и замер.

— От тебя? — еле выговорил он.

— От меня.

— Ты не можешь так поступать. Это аморально.

— Она сама не хочет выходить за меня замуж, — защищался Гарольд.

— Может, мне стоит съездить в Портленд и немного вразумить ее? — В глазах Бруно появилось недоверие. — Мой лучший друг — и недостаточно хорош для нее? Я ей все объясню.

— Попробуй только съездить, и я больше никогда не выйду с тобой на корт!

— Тогда тебе, приятель, лучше поехать самому, да побыстрее. Время на исходе. У тебя осталось всего три месяца, чтобы заставить эту вздорную бабу передумать.

— Не смей ее так называть! Бруно бросил ему мяч.

— Мальчик или девочка?

Мяч вывалился из пальцев Гарольда.

— Мальчик, — произнес он, с трудом узнавая собственный голос.

Бруно бросил на друга подозрительный взгляд.

— Она что, ненавидит тебя до смерти? Или встречается с другим?

Гарольд покачал головой.

— Она разведена. О муже почти не говорит, но, по-моему, этому парню стоило бы набить морду. — Даже Бруно он никогда не смог бы рассказать, как плакала Крис в его объятиях после того, как они впервые были близки.

— Ты что, хочешь, чтобы твой сын стал незаконнорожденным? — Бруно с силой послал мяч. — Потом всю жизнь будешь раскаиваться.

— Я не хочу, — невесело усмехнулся Гарольд. — Но мне надо подумать.

— Нечего тебе думать, дружок. Ты и так слишком много думаешь. Пора переходить к действиям.

Слова Бруно сделали свое дело. Гарольд вдруг остро осознал, насколько бессмысленна его жизнь. Конечно, у него интересная работа. И все же ему отчаянно недоставало Крис. Никто не умел так спорить, как она, не умел заставить его так весело и открыто смеяться, и ни одна женщина не вызывала у него такого пылкого желания.

Гарольд вдруг с пронзительной ясностью осознал, что хочет быть рядом с Крис, причем вовсе не из-за ребенка. Просто он любит ее, любит по-настоящему.

Он должен немедленно лететь в Портленд и сказать ей об этом. Причем не откладывая.

Однако он сел в самолет только через неделю.

Его первым порывом было отправиться к Крис в тот же день. Однако, поразмыслив, он решил все же не спешить. Самое лучшее в этой ситуации — на несколько недель перевести все дела в офис в Портленде и взять под контроль проект реконструкции. Не спешить самому и не торопить ее. Дать ей время привыкнуть к мысли, что он ее любит. Гарольд мечтал о том, как будет держать Крис в объятиях, как будет стоять с ней рядом в церкви, повторяя перед алтарем древние и вечные клятвы, как будет подле нее, когда родится ребенок. И в этих мечтах Крис всегда улыбалась и любила его.

Она вряд ли сразу упадет в его объятия. Но он надеялся, что со временем, избрав правильную тактику, сумеет ее переубедить.

Вечером, распаковав вещи и перекусив, Гарольд собрался с духом и, чувствуя учащенное биение сердца, набрал номер телефона Крис.

Никто не отвечал, и Гарольд занервничал. Взяв газету, он выяснил, что в кинотеатре неподалеку идет фильм, который он еще не смотрел. Можно сходить на последний сеанс, а Крис позвонить утром.

Выйдя на улицу, где располагались кинотеатры, Гарольд быстро отыскал тот, который был ему нужен, и встал в очередь за билетом. Близилось время начала фильма, и зрители с

предыдущего сеанса повалили наружу. Гарольд предъявил билет, вошел в фойе, лениво разглядывая выходящую из зала публику. Вдруг сердце его подпрыгнуло: из зала вышла Крис под руку с какой-то темноволосой женщиной.

Гарольд на мгновение прирос к месту, а потом опрометью кинулся прочь из фойе.

— Крис! — громко крикнул он, выскочив на улицу.

Крис отчаянно ухватила за запястье Вивьен. Этот голос она узнала бы где угодно. Почти в панике, она обернулась.

Это действительно был Гарольд, неотразимый как всегда. Темные волосы растрепаны, а серые глаза светились солнечной улыбкой. Крис слабым голосом произнесла:

— Привет, Гарольд.

Он уже весь сиял. Окинув ее быстрым взглядом, сказал:

— Ты прекрасно выглядишь. Как себя чувствуешь? — И крепко обхватив ее за плечи, поцеловал в губы.

Крис на мгновение ощутила тепло его щеки и губ. И он тут же отпустил ее — слишком быстро; ей и самой так хотелось схватить его, притянуть к себе и целовать, забыв обо всем на свете. Крис пролепетала:

— Познакомься, это Вивьен, моя лучшая подруга.

Он протянул руку и представился:

— Гарольд Фарбер.

Глаза Вивьен широко распахнулись. Она внимательно оглядела Гарольда и более чем прохладно поздоровалась. Еще бы, ей ведь вся история, наверное, известна от Филиппа. Вивьен, конечно, не стала бы открыто грубить ему, но на свой лад она защищала Крис так же, как Бруно готов был защищать Гарольда. И он сказал:

— Я на некоторое время переехал в Портленд, остановился в «Бронстон Инн».

— Переехал сюда?! — ахнула Крис.

— Да, прилетел сегодня днем. — Улыбаясь обеим женщинам, он предложил:

— Не выпить ли нам кофе? Я заметил тут рядом маленькое симпатичное кафе.

— Вы надолго в наши края? — холодно спросила Вивьен.

— До Нового года и даже дольше.

— Понятно.

То есть он будет здесь, когда родится ребенок, вычислила Крис, начиная злиться. А потом опять услышала голос подруги:

— Я бы с удовольствием выпила чаю с травами. Филипп остался дома с детьми, так что мне

торопиться некуда.

Крис промолчала. Приняв ее молчание за знак согласия, Гарольд взял ее под руку. От его прикосновения она вздрогнула. Пальто уже не застегивалось на талии, и, несмотря на нарядное зеленое платье и изумрудного цвета ленту, перехватывающую волосы, она чувствовала себя толстой и неповоротливой. И к тому же очень злой. Ее бесило поведение лучшей подруги и тем более — Гарольда. Что он себе думает — что можно наезжать в Портленд, когда ему заблагорассудится, бросить ее в сентябре, а в начале ноября заявиться как ни в чем не бывало. Словно прошло не два месяца, а пять минут.

Ничего, при первой же возможности она поставит его на место.

Кафе оказалось очень милым, и в углу нашелся столик на троих. В меню были восхитительные слоеные пирожные и трюфели, однако когда подошла официантка за заказом, Крис заказала только ромашковый чай.

— И больше ничего? — удивился Гарольд.

— Мне разрешили набрать еще только полтора килограмма веса.

— Можешь откусить кусочек моего лимонного пирога, — разрешила Вивьен, — Пойду вымою руки, вернусь через пару минут. Не съешь весь пирог, Крис.

Как только она отошла на достаточное расстояние, Гарольд произнес:

— Я позвонил тебе, как только приехал. Не хочешь завтра со мной поужинать?

Крис отозвалась без улыбки:

— Ты какой-то незнакомый...

— Я изменился, Крис, главное — как ты?

— Мы же договорились, что ты будешь жить в Нью-Йорке.

— Я больше так не могу, — очень спокойно сказал Гарольд.

— Ну а здесь-то ты что делаешь?

— Приглашаю тебя завтра вечером поужинать.

— Я не об этом! Крис, по-моему, я задал тебе вопрос: как ты?

— Устала, но здорова. И уже не могу красить ногти на ногах, потому что не достаю до них. — А еще, мысленно добавила Крис про себя, я просыпаюсь в три утра, и мне очень страшно. И так одиноко. Но тебе я об этом ничего не скажу. Не дожدهшься. — Ты нарушаешь условия сделки.

— Нарушаю, — решительно заявил он. — Для меня она изжила себя.

— Тогда — нет, я не буду завтра с тобой ужинать.

— Боишься?

— Просто намерена блюсти свои интересы. Да, его тактика, похоже, никуда не годится, но

Гарольд не отступал:

— Наши интересы — это ребенок. Кстати, сюда идет официантка с нашим заказом, так что не советую вслух сообщать мне, куда я могу отправиться;

К счастью, вовремя вернулась Вивьен и завела светскую беседу про фильмы.

— Вив, — прервал ее Гарольд, — разрешите задать вам вопрос, а потом я буду говорить обо всех фильмах, какие смотрел за последние восемь месяцев — их набралось немало. Вы знаете, что я отец ребенка Крис?

— Да. Филипп еще в сентябре мне сказал.

— Ты что, собираешься сообщить об этом всему свету? — сквозь зубы прошипела Крис.

— Нет. Только тем, кого это касается.

— А своей матери?

Да уж, бьет без промаха.

— Я еще не решил. — Гарольд сам понимал, насколько неубедительно прозвучали его слова.

— Тогда советую тебе хорошенько подумать. — Крис поковыряла дольку лимона в чашке. — У нас до последнего времени было очень тепло для осени — а как в Нью-Йорке?

— Я не для того прилетел в такую даль, чтобы говорить о погоде!

На выручку Гарольду неожиданно пришла Вив:

— Единственное, что я поняла, Крис, — это то, что ты равнодушна к Гарольду. Впрочем, меня это не удивляет: ты никогда не была ни хладнокровной, ни расчетливой.

— Это у нас привилегия Гарольда, — съязвила Крис.

— Черт побери!.. — вскипел Гарольд. Крис перебила:

— Ты случайно идешь в кино, совершенно случайно натыкаешься на меня и еще имеешь наглость вести себя как ни в чем не бывало. словно ты не бросил меня два месяца назад. По-моему, все ясно как Божий день.

— Поужинай со мной завтра, Крис, и я тебе расскажу, что со мной произошло за эти два месяца. Во всех подробностях.

— Ну конечно. У тебя ведь будет целых двадцать четыре часа, чтобы их придумать.

Вивьен неожиданно расхохоталась, звонко и весело:

— Вы ведете себя, как мы с Филиппом во время ссор.

Крис бросила на подругу сердитый взгляд.

— Двое против одного — это нечестно!

— Двое против двоих, — поддразнила Вив.

— Я не против тебя, я как раз «за», — поддержал Гарольд.

— Ой, да замолчите вы оба! Дай мне немного пирога, Вив. Первое, что я сделаю после того, как родится ребенок, — это съем одна целый шоколадный торт. С толстым слоем крема. И ни с кем не поделюсь.

Вив мудро перевела разговор на фильм, и они придерживались этой темы, пока пили чай. Потом Крис поднялась.

— Я, конечно, совершаю ошибку, оставляя вас вдвоем, но мне надо отлучиться. Одно из многих неудобств, связанных с беременностью.

Гарольд следил за ней со странной смесью нежности и сочувствия — Крис уже утратила обычную легкость походки. Вив четко определила:

— Вы ее любите.

— Да... — подтвердил Гарольд. — Мне понадобилось немало времени, чтобы понять это. Я хочу, чтобы она вышла за меня замуж, Вивьен, за этим я и приехал.

— Я так рада за вас-Вив улыбнулась ясной улыбкой, осветившей ее лицо. — Я с самого начала твердила ей, что детей лучше растить двоим родителям — при условии, конечно, что они этого хотят.

Она замолчала, и Гарольд понял невысказанный вопрос.

— Я хочу жениться на Крис ради нее самой — не только из-за ребенка...

— Я знаю, Крис очень настроена против брака. Но вы на вид не из тех, кто легко сдается.

— Кстати, Вив, каким был этот Дэн?

— Крис не хочет о нем говорить. Даже со мной, хотя я ее лучшая подруга.

Гарольд, нахмурившись, объяснил:

— В первый раз, когда мы с Крис были вместе, я кое-что узнал о Дэне, правда, ничего хорошего.

Вив порывисто положила руку на рукав Гарольда.

— Если мы с Филиппом можем чем-нибудь помочь, дайте мне знать. Я приглашу вас обоих на обед в субботу, хотите?

— Она не придет, если узнает, что я тоже буду.

— Ну так я ей ничего не скажу, — объявила Вив.

Тут появилась Крис, и Вивьен сняла руку с рукава Гарольда.

— Удачи вам.

— Спасибо. — Гарольд с радостью осознал, что приобрел друга и союзника.

Заранее предупредив по телефону о своем приезде, Гарольд отправился к матери. Для человека, создавшего процветающий бизнес и славившегося своей решительностью, он чувствовал себя на редкость неуверенно. Никакого плана действий у него не было. Лгать матери он не мог. Но и сказать правду было не так-то просто.

Даже в ноябре сад Мелани выглядел ухоженным и гармоничным. Работа Крис, подумал Гарольд и позвонил в дверь. Мелани открыла и обняла сына. Проводив его в гостиную, она налила кофе из сверкающего серебряного кофейника в две хрупкие фарфоровые чашки — миссис Смиттер любила, чтобы все было по правилам.

— Рада тебя видеть, дорогой, — сказала она мягко. — Ты приехал-весьма запоздало, должна заметить, — чтобы жениться на этой чудесной Крис, которая спроектировала мой сад? На той, что скоро родит мне внука?

Гарольд поперхнулся кофе и без всякой жалости к тонкому фарфору с силой поставил чашку на блюдце.

— Откуда ты?..

— Гарольд, мне, конечно, уже за семьдесят, но я еще не впала в детство. Я заподозрила неладное еще в тот раз, когда вы встретились у меня в саду. А на концерте убедилась окончательно. Правда, не могу сказать, что очень довольна твоим поведением.

Гарольд, как прекрасный бизнесмен, всегда умел мгновенно справляться с шоком.

— Мне самому оно не нравилось, — признался он. И поведал матери все как было. — Я вел себя так из-за Ребекки, — закончил он. — Но теперь все по-другому, мама. Я хочу на ней жениться.

Мелани плакала редко, но сейчас у нее в глазах стояли слезы.

— Я боялась, что ты так и не оправишься после той аварии. И я буду счастлива, если Крис станет моей невесткой.

— У нас будет мальчик. — Гарольд видел, что мать все больше оживляется от его рассказа. — Он должен родиться в конце декабря. Только вот Крис не хочет за меня замуж. Она вообще больше замуж не хочет. Она разведена и очень болезненно расставалась с мужем.

— Вздор! — фыркнула Мелани. — Оба раза, когда я видела вас вместе, мне показалось, что она к тебе очень равнодушна.

То же самое сказала и Вивьен. Гарольд возразил:

— Обратная сторона равнодушия — не обязательно любовь.

— В женщине, создавшей мой сад, нет ни капли злобы и ожесточенности, — объявила Мелани. — Я уверена, все будет хорошо.

У Гарольда, однако, уверенности становилось все меньше. После обеда он отправился разыскивать Крис. Дома ее не оказалось. Он поехал в контору и, увидев за конторкой Тома, неожиданно для себя развеселился.

При виде Гарольда Том поднялся. — Смотри-ка, кого нам ветром занесло, — съехидничал он. — Крис нет, и я не собираюсь сообщать тебе, где она.

— Вот что я тебе скажу, Том, — решительно объявил Гарольд, — я люблю Крис и хочу на ней жениться. Я знаю, что мне потребовалось слишком много времени, чтобы это понять, но так уж получилось. К сожалению, Крис все время отказывается выходить за меня замуж — она желает воспитывать ребенка одна. Так что не такой уж я и злодей. — И, не справившись с собой, он выпалил:

— Да, черт возьми, она отказывается даже со мной поужинать!

Кулаки Тома невольно разжались:

— Ты ее любишь? Не врешь?

— Спроси ее сам, почему она до сих пор не замужем — за мной или за кем-нибудь другим!

— Пожалуй, я так и сделаю.

— А теперь, может, скажешь, где она? Том капитулировал:

— Поехала на встречу в мэрию, а потом собиралась домой. Целый день в компании бюрократов — не самое любимое времяпрепровождение Крис.

— Спасибо, дружище, — Гарольд на мгновение задержался у двери. — Ты случайно не знаешь, почему твой босс бежит от замужества, как черт от ладана?

— Не-а, — ухмыльнулся Том. — В первую неделю, когда я пришел сюда работать, она в буквальном смысле вылила на меня ушат холодной воды. Куда там холодной — просто-таки ледяной! Но мы все же поладили. Теперь мы друзья. Можешь себе представить — просто друзья, и никакого секса.

По пути к дому Крис Гарольд остановился у цветочного магазина. Бруно советовал ему подарить ей розы, но это было как-то уж слишком банально, и Гарольд выбрал букет тигровых лилий с нежными лепестками на длинных стеблях.

Дверь на его звонок отворилась почти мгновенно. Крис стояла в прихожей, все еще держа в руках сумку. Она несколько не удивилась его появлению и сердито сказала:

— Я только что вошла и устала как собака. Чего тебе надо?

— Хотел подарить тебе вот это. — Гарольд протянул букет.

Лилии ей понравились, это было сразу видно. Однако она постаралась это скрыть:

— Подкупом занимаешься!

— Послушай, зачем же опешлять все, что я делаю! — не выдержал Гарольд. — Просто они напомнили мне тебя — страстные и упрямые до черта.

— Находить слова ты умеешь...

Под глазами у Крис залегли синие тени, она тяжело оперлась о косяк двери. Гарольд вкрадчиво предложил:

— Знаешь, в самолете я читал книжку про беременность. Давай я поставлю цветы в воду, потом

разотру тебе спину так, как там написано.

Растереть спину-это было бы божественно. Крис была совершенно измучена. Гарольд между тем продолжал:

— Я даже могу принести тебе стакан обезжиренного молока.

— А почему не маринованную свеклу или шоколадный торт?

Он бросил взгляд на букет в ее руках.

— Я где-то слышал, что лилии тоже съедобны.

Несмотря на неприветливый прием, Крис, конечно, была счастлива видеть Гарольда и потому сказала нарочито суровым тоном:

— Мое «да» тебе обойдется дороже, чем салат из лилий и молоко.

Пока Крис ходила переодеваться, Гарольд забрал у нее букет и отправился на кухню. Ставя цветы в воду, он заметил, что одна дверца шкафа соскочила с петель. Сбегав в подвал, он принес отвертку и клей, и когда Крис появилась в кухне, уже заканчивал работу. Крис по-прежнему была настроена иронически:

— Спасибо. Между прочим, в ванной течет кран, можешь и его починить. И телевизор сломался. Может, посмотришь, что с ним, раз уж ты здесь.

— После того как разотру тебе спину.

— Пытаешься стать незаменимым?

— А что, неплохая мысль, — заметил он. — В этом костюме ты сама похожа на тигровую лилию.

— Я совершила налет на Янг-авеню и оставила там все мои комиссионные.

Янг-авеню была одной из самых дорогих модных улиц в городе. Теперь на Крис была легкая куртка в ослепительных оранжевых, кирпично-красных и ярко-желтых тонах. Гарольд отломил одну лилию от стебля и прикрепил к ее волосам. Его пальцы скользнули по щеке Крис, и она шепнула:

— И как только у тебя это получается?

— Что именно, Крис?

Ну как ему объяснить? Она подняла глаза и встретила взгляд Гарольда, ласковый и смеющийся. Она ждала ребенка от этого высокого, красивого и на редкость сексапильного мужчины. И то, что, будучи практически на сносях, она все еще находила его сексапильным, только лишний раз подтверждало, насколько он притягателен. А может, она просто сдвинулась на почве секса?

— Ничего. И все сразу. Не знаю, — сердито отозвалась она.

Довольный ее ответом, Гарольд предложил:

— Пойдем-ка в спальню. По-моему, тебе лучше принять горизонтальное положение.

— Я не желаю заниматься с тобой любовью, — выпалила Крис.

— А я здесь не из-за этого, Крис. Все гораздо сложнее.

— Знаешь, я чувствую себя совершенным ребенком, — пожаловалась она и направилась в спальню, стараясь сохранять достоинство, насколько это вообще было возможно в такой ситуации. В спальне она сняла куртку, оставшись в батистовой ночной рубашке персикового цвета, и легла на бок лицом к стене, Гарольд принялся мягко растирать ей спину, пока не почувствовал, как расслабились мышцы. Через десять минут она уже спала.

Гарольд разделся, лег рядом и укрыл их обоих одеялом. Положив руку на живот Крис, он с пронзительной ясностью осознал, что готов сражаться не на жизнь, а на смерть за эту женщину и его будущего ребенка. Это и была жизнь с большой буквы.

Крис проснулась примерно через час с каким-то очень радостным ощущением. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что источник этого ощущения дышит ей в спину. Как хорошо — не страшно и не одиноко. Правда, сейчас и не три часа утра, поспешно напомнила она себе.

И, кроме того, она была голодна, как волк.

— Гарольд, — тихонько позвала Крис, оглядываясь через плечо, — я ничего не ела с одиннадцати утра даже за одного, не говоря уж о двоих. И мне требуется что-нибудь посущественнее, чем снятое молоко.

Улыбаясь, Гарольд осторожно развернул Крис лицом к себе и поцеловал — нежно и страстно. Крис ответила — а что еще ей оставалось делать? Она сжала руками его плечи, затем скользнула пальцами вниз, к мускулистой груди. Как долго она его ждала, думала Крис, слишком долго. Гарольд распустил ее отросшие медные локоны и ласково поднес одну пушистую прядку к губам. Ему хотелось сказать: «Я люблю тебя. Люблю всей душой». Но он понимал, что сейчас не время. Еще рано.

Чмокнув ее в кончик носа, Гарольд предложил:

— Как ты смотришь на то, чтобы заказать на дом ужин из китайского ресторана?

— Это было бы чудесно...

В этот день Гарольд вернулся в отель рано. На следующий день он опять пришел к Крис, починил кран в ванной, отвез телевизор в ремонтную мастерскую, а на ужин приготовил свою фирменное блюдо — курицу с пряностями. В субботу они отправились обедать к Вивьен и Филиппу, а в воскресенье Гарольд посадил в саду Крис луковицы нарциссов и колокольчики.

— Я с ними ужасно запоздала, — сетовала Крис. — Но на Тома и так свалилась куча работы, мне было просто стыдно его просить.

Гарольд выкопал еще три лунки и посадил луковицы.

— Давай сегодня поужинаем в городе, — предложил он. — Сходим в новый ресторан, по которому все с ума сходят. Говорят, там изумительно готовят дары моря.

Луковицы высыпались из мешка. — Тьфу, какая досада, — сказал Крис. — Если ты не против, я

бы лучше поужинала дома.

— А я как раз против. — Гарольд присел на корточки.

— Знаешь, сейчас в любом платье я чувствую себя как бочка, — защищалась Крис.

— Да брось ты, пожалуйста. Дело ведь не в том, что ты не хочешь, чтобы тебя видели. Ты не хочешь, чтобы тебя видели со мной.

— Я знакома со многими в этом городе, Гарольд Фарбер, и отправиться вместе с тобой в самый популярный ресторан — это все равно что влезть на крышу самого высокого небоскреба и прокричать во весь голос, что ты отец моего ребенка, — подтвердила Крис.

— Вот и хорошо — давай прокричим.

— Но я не хочу!

— Я все равно не отступлюсь.

Крис уже давно поняла, что чем спокойнее тон Гарольда, тем серьезнее его слова. Она вскинула голову.

— Для меня наша сделка остается в силе.

— В таком случае мы зашли в тупик, — еще более невозмутимо ответил Гарольд.

Крис с трудом поднялась на ноги. Несмотря на то, что все шло к этому с самого приезда Гарольда, она все же испытывала прежний страх перед полной определенностью.

— Этот тупик ты сам и создал, — повысила голос Крис. — Когда двое людей заключают сделку, чтобы ее разорвать, тоже нужны двое. Не знаю, как мне еще втолковать тебе это.

Но Гарольд внезапно замер — у него словно пелена упала с глаз, и он все понял.

— Сделка, — как в полусне произнес он, потирая лоб. — Теперь я понимаю, почему я заключил ее. Тем самым я выбрал жизнь, Крис, неужели ты не понимаешь? Три года я ходил как зомби, был сам наполовину мертв, а потом появилась ты со своей безумной идеей, и я сразу согласился. Мое подсознание знало, что делает, даже если я этого не осознавал. С самого начала я хотел ребенка. Действительно хотел.

Крис от этих слов не стало легче. Наоборот, что-то сдавило ей грудь, и стало трудно дышать. Она снова почувствовала себя мухой, запутавшейся в паутине.

— Не хочу даже говорить об этом. Для меня сделка остается в силе.

— Но я не могу! Я...

— Просто не выношу такие споры! — задохнулась Крис. — Я возвращаюсь в дом.

Изо всех сил сдерживая гнев, чтобы окончательно все не испортить, Гарольд беспомощно смотрел, как Крис зашагала к дому по булыжной дорожке. В его душе царило полное смятение. Он тоже не мог вынести того, что Крис вычеркивала его из своей жизни.

И тут он услышал ее отчаянный вскрик.

В мгновение ока он вскочил и преодолел дорожку огромными прыжками. Почти у самого дома он увидел Крис. Она споткнулась о булыжник и упала на колени, сильно ударившись о камни.

Гарольд опустился на колени рядом,

— Крис, ты сильно ушиблась?

— Бок, — простонала она. — Ой, как больно! Ох, Гарольд, я же могла что-нибудь повредить ребенку-нет, только не сейчас, ведь мне же скоро рожать!

— Ничего ты не повредила, — решительно возразил Гарольд, моля Бога, чтобы так оно и было. — Подожди, я открою дверцу машины и сразу вернусь.

Спустя несколько секунд он уже стоял рядом.

— Закинь руки мне на шею, — скомандовал он. Подгоняемый отчаянием, он подхватил Крис на руки и понес к машине. — А ты что-то слишком потяжелела, — пробурчал он в надежде вызвать у нее улыбку.

Однако она зарылась в его плечо и ничего не ответила. Осторожно опуская Крис на пассажирское сиденье, Гарольд увидел, что она бледна как мел и сидит, закусив губы. Колени у нее были сильно расцарапаны.

Гарольд достаточно хорошо знал город, чтобы выбрать кратчайший путь к больнице.

В отделении «скорой помощи» Крис уложили на каталку и вызвали гинеколога. Гарольд стоял рядом. Ледяные пальчики Крис сжимали его руку, впиваясь ногтями в ладонь. Его терзал ужас и раскаяние: не заведи он речь об этом дурацком ужине и ничего бы не случилось. Куда запропастился врач, черт бы его побрал?!

Словно прочитав его мысли, Крис прошептала:

— Ты ни в чем не виноват, Гарольд... моя мама всегда говорила, что я должна научиться сдерживать свой норв.

— Я же первый начал ссору.

Крис изо всех сил стиснула его руку. Даже охваченная невероятной паникой, она не могла допустить, чтобы Гарольд во всем винил себя.

— Что бы ни случилось, ты не виноват, — повторила она. — Гарольд, посмотри на меня!

Гарольд неохотно перевел взгляд на ее лицо, и Крис тихонько вскрикнула — такое измученное у него было выражение.

— Ты должен верить мне, Гарольд, — с силой произнесла она. — Я ведь знала, что этот булыжник расшатан — сама сто раз собиралась попросить Тома, чтобы он поправил.

— Никогда не прощу себе, если... — тихо сказал Гарольд.

— Ну, Крис Робинс, что у вас стряслось?

Доктор, осматривавшая Крис, была ворчливой дамой лет шестидесяти и принадлежала к тем редким врачам, что действуют на пациентов лучше всякого лекарства. Крис сразу успокоилась,

представила Гарольда как своего друга и объяснила, что произошло. Все это время она не отпускала руки Гарольда.

— Вы не могли бы на минутку выйти, мистер Фарбер? — Дама-доктор наградила его таким же задумчивым взглядом, как в свое время Вивьен. Объяснение Крис насчет того, кем приходится ей Гарольд, ее явно не убедило.

— Пусть останется, — тихо сказал Крис, — если хочет.

Стало быть, она и впрямь не винит его, тупо думал Гарольд. Мать Лоры на похоронах бросила ему в лицо, что если бы он сам вел машину, а не отпускал жену с ребенком, то и похорон бы не было. Крис, напротив, ни в чем его не винит.

— Я останусь, — неуверенно произнес он. Спустя несколько минут доктор объявила:

— Ну, насколько я могу судить, ничего страшного не произошло и класть в больницу вас незачем. Но я требую, чтобы следующие три-четыре дня вы не ходили на работу и не оставались одна.

— Я побуду с ней, — пообещал Гарольд.

— Вот и хорошо. Сейчас сестра смажет вам колени, и можете отправляться домой. И, пожалуйста, без глупостей — я знаю, что вы не любите бездельничать, но придется потерпеть.

Коротко кивнув в сторону Гарольда, дама удалилась. Крис снова взяла Гарольда за руку и только тут сообразила, что в течение следующих четырех дней они будут жить вместе. А ведь она не жила под одной крышей с мужчиной с тех пор, как рассталась с Дэном.

Гарольд отвез Крис домой. Когда он проводил ее в спальню, Крис неуверенно произнесла, покусывая губу:

— Мне надо прилечь. Ты pomoжешь мне раздеться?

На ней были рабочие брюки и свободного покроя тенниска. Гарольд стащил с нее брюки, затем стал снимать через голову тенниску и услышал, как Крис тихонько охнула, поднимая руки. Сложив руки на груди, она сдавленным голосом произнесла:

— Моя ночная рубашка под подушкой.

Рубашка была все та же — батистовая, абрикосового цвета. Гарольд слегка растерялся, не зная, как вести себя в этой новой для него ситуации. Наконец он расстегнул бюстгальтер Крис и сказал:

— Давай я помогу тебе надеть рубашку. Крис смутилась, как школьница, словно они никогда не занимались любовью в этой самой постели, и тут Гарольд решил:

— Крис, я хочу, чтобы ты знала: я приехал не за тем, чтобы давить на тебя. Я приехал, потому что люблю тебя.

— Любишь? — тупо повторила Крис.

Она стояла перед ним обнаженная с большим животом, с налившейся грудью. И не было для него прекраснее женщины на свете.

— Мне только жаль, что я это так поздно понял.

— Но...

— Не надо ничего говорить. Я лишь хочу, чтобы ты привыкла к этой мысли.

Крис сейчас была не в состоянии ни связно мыслить, ни говорить. Она поежилась и шепнула:

— Мне холодно.

Гарольд осторожно надел на нее ночную рубашку.

— Честное слово, с каждым днем ты становишься все красивее.

— Спасибо, — прошептала она.

Уложив Крис в постель, Гарольд сел рядом, держа ее за руку.

— Как ты смотришь на то, чтобы съесть на ужин спагетти?

И тут Крис вдруг присела в постели и заговорила торопливо, срывающимся голосом:

— Боже, ты так не похож на Дэна. Когда я с ним разошлась, у меня было ощущение полного фиаско — ведь если бы я удовлетворяла мужа, ему не нужны были бы другие женщины, правда? Он постоянно твердил, что в постели я никуда не гожусь и внешне смотреть не на что... И самое печальное заключалось в том, что я в конце концов поверила ему. — Она тяжело вздохнула. — А ты такой... такой чуткий, Гарольд.

Никогда еще она столько не рассказывала о бывшем муже. Гарольд мягко произнес:

— Думаешь, я не понял, что он с тобой сотворил, когда мы в первый раз занимались любовью?

Крис широко раскрыла глаза.

— Неужели было так заметно?

— Было заметно, что ты боишься меня к себе подпускать. А поскольку я явно не вызывал у тебя отвращения, я понял, что все дело в твоём прошлом опыте, а значит, в этом Дэне.

— Мне было так тяжело заниматься с ним любовью, — призналась Крис. — Но я считала, что это мой долг — ведь мы были женаты.

— Он был груб? Оскорблял тебя? Крис отозвалась почти шепотом:

— Он женился на мне ради денег. Мне потребовалось много времени, чтобы это понять — ведь я была влюблена, и в моих глазах он был непогрешим. Он скульптор, причем неплохой, но когда мы познакомились, он был студентом без гроша в кармане, а у меня было богатое наследство, вот он и клюнул. Хотя всегда уверял, что любит меня. Может, и любил по-своему, кто его знает. Но главное для Дэна были деньги.

— Как же ты с ним разошлась? — Гарольд старался говорить как можно более спокойным тоном.

Теребя край простыни, Крис прошептала:

— Я не могла смириться с тем, что у него были другие женщины. Банально, правда? Самая обычная история. Но след оставила на всю жизнь.

— Так давно вы с ним расстались?

— Пять лет назад. После того как я узнала про Тамару — ничего себе имечко, да? Не какая-нибудь там Джоан или Линда... я попыталась выставить Дэна из квартиры. В конце концов, платила-то за нее я. Но он не желал уходить. Тамара, наверное, была хороша в постели, но денег у нее не водилось. Он жил в моей квартире и приводил туда любовницу. Это был какой-то кошмар: куда ни повернешься, везде был Дэн и всю дорогу доказывал, что я сама виновата, мол, довела его до того, что он вынужден искать женщин на стороне... Он присосался ко мне словно пиявка и высасывал все соки,

— А что же ты?

— В конце концов уехала я. Перестала платить по счетам и сбежала. — Крис печально улыбнулась. — И чуть не вогнала себя в гроб работой в туристическом агентстве.

— Тогда вы и развелись?

— Нет, сначала умерла моя тетя. И надо же, какой сюрприз — ко мне тут же явился Дэн, полный раскаяния, с огромным букетом красных роз, с тех пор я их не выношу. Знаешь, такие, на длинных стеблях, без запаха и даже без шипов. В общем, неестественные, как сам Дэн. Я, дура, позволила ему войти — может быть, я еще любила его, не знаю. Знаю только, что замуж я выходила не за тем, чтобы потом разводиться.

Крис снова затеребила простыню:

— Короче говоря, мы страшно поругались. И я выложила, скорее, выкрикнула все, что накопило на душе за эти годы. Тут до Дэна стало

Доходить, что я не собираюсь снова впускать его в свою жизнь и позволять ему сидеть у меня на шее только потому, что ему, видите ли, так заблагорассудилось. — Крис с минуту помолчала, потом продолжила рассказ. — Дэн вышел из себя и стал меня бить. Я закричала. На мой крик прибежала старушка-соседка и давай колотить тростью в дверь. Подняла на ноги студента из квартиры напротив, а тот оказался чемпионом по борьбе. — Крис невольно улыбнулась. — Сцена была еще та!

Гарольд представил эту сцену очень отчетливо.

— Я рад, что у тебя оказались хорошие соседи, — сдержанно заметил он.

— Дэн вскоре женился на богатой вдове из Бостона.

Гарольд вовсе не был уверен, что история на этом закончилась, иначе с какой стати Крис заключать дурацкие сделки — могла бы уже тысячу раз выйти замуж и завести детей, как все люди. Однако сейчас не время было разводить дискуссии по этому поводу — последние два часа и так были слишком насыщены эмоциями. И Гарольд лишь небрежно произнес:

— Ты от него отделалась-и слава Богу. В юности мы все совершаем ошибки.

— Но не все выходят замуж за свои ошибки.

Гарольд вздрогнул. Он сам никогда бы не развелся с Лорой из-за дочери, но в глубине души знал, что холодность Лоры тяжело сказывалась на их отношениях. Потребовалось мужество Крис, чтобы он понял, чего не хватало ему в браке.

Следующие три дня Крис провела совершенно удивительным образом: оказалось, растяжение связок очень сковывает человека, а Крис привыкла вести активный образ жизни, оказалось, она совсем не приспособлена к ничегонеделанию.

В отличие от нее Гарольд развил бурную деятельность. Он перевел все наиболее важные звонки на номер ее телефона, так что, когда раздавался звонок, было совершенно непонятно, кому звонят — ей или ему. В офис он не ходил. Он оккупировал кухню и изобретал всевозможные гастрономические изыски — как правило, вполне съедобные. А, кроме того, Гарольд занимался мелким ремонтом по дому, а ремонт требовался уже давно, ибо поле деятельности Крис в основном распространялось на сад.

Повсюду Крис замечала следы его присутствия: заделанные в стенах трещины, новая ручка на двери ванной, замененный крючок на оконной раме. Крис, однако, убеждала себя, что это ее раздражает. Она постоянно вызывала в памяти самые печальные моменты ее жизни с Дэнном, в том числе его отказ убраться из ее дома и все издевательства, которым он ее подверг.

Гарольд — не Дэн, это Крис уже поняла. И не могла не признать, что отчасти ее раздражение было вызвано чисто физиологическими причинами. По молчаливому соглашению Гарольд спал в комнате для гостей, но все остальное время он постоянно был рядом. Крис не могла оторвать глаз от его мускулистой фигуры, сильных тонких пальцев, постоянно встречала внимательный взгляд его серых глаз. И едва сдерживалась от желания прикоснуться к нему, но близость с мужчиной на нынешней стадии ее беременности была исключена.

Однако дело было не только в физическом воздержании. Гарольд не делал секрета из того, что ему очень нравится жить в ее доме с ней вместе. Он любил ее — во всяком случае, утверждал это — и хотел, чтобы она привыкла к этой мысли. Что значит-привыкла? — спрашивала себя Крис. Привыкнуть можно к чему угодно — даже к туфлям, которые жмут. А что потом? А если любовь его испарится как дым? Нет, она не собиралась менять условия сделки.

Пора ему уходить. Четыре дня — они уже почти истекли. Пора возвращаться к нормальной жизни.

Крис наскоро приняла душ, надела рабочие брюки и рубашку и отправилась в кухню. Кухня была залита солнечным светом — за окном начинался один из немногих погожих дней, однако Крис этого не замечала. Она видела лишь силуэт мужчины, стоявшего к ней спиной у плиты.

Он услышал сдавленный вскрик Крис и обернулся.

— Что с тобой?

Крис ухватила за край стола и произнесла неестественно громким голосом:

— Мне на минуту показалось, что ты Дэн.

— Я не Дэн, — констатировал Гарольд.

— Свет так падал — ты был в точности похож на него.

— Знаешь, Крис, давай лучше без таких сравнений. Твой бывший муж — настоящая скотина.

— Я хочу, чтобы ты сегодня же уехал. Я очень признательна тебе. — Крис вздернула подбородок. — Но теперь я снова хочу остаться одна.

Так сильно Гарольд не злился еще никогда в жизни.

— Чего ты хочешь? — рявкнул он. — Чтобы я послушно вернулся в Нью-Йорк и забыл, что мы с тобой когда-то встречались? Что у нас будет общий ребенок?

— Это было бы самое лучшее.

— Господи, Крис, и когда ты только повзрослеешь?

— Ну конечно, — взвилась Крис, — когда я не хочу делать то, что ты мне велишь, это оттого, что я веду себя как ребенок. Мы заключили соглашение, Гарольд, и это ты еще недостаточно взрослый, раз не научился до сих пор соблюдать условия сделки.

— Жизнь не стоит на месте — ты еще это не поняла? Через месяц родится наш сын. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Хочу, чтобы у ребенка была полная семья.

— Раньше ты об этом не думал!

— Хватит смотреть на меня так, словно я лохнесское чудовище, — возмутился Гарольд. — Ты на девятом месяце беременности — это что, недостаточное основание для предложения выйти замуж?

— Я за тебя не выйду!

Гарольд постарался взять себя в руки.

— Не пора ли уже подумать о том, что твои слова могут иметь определенные последствия? Речь идет не только о тебе — о нас троих. И один из этих троих — наш сын.

— А ты помнишь, что мы заключили двустороннее соглашение? — отрезала Крис. — Мне надо было подписать его на бумаге. А я сдуру поверила тебе на слово. Это была моя большая ошибка.

Только сознание того, что он борется за свое и Крис будущее, заставило Гарольда сдержаться.

— С тех пор я изменился, Крис. Я хочу жить с тобой. До конца моих дней.

— Нет.

Гарольд отвернулся и с силой ударил кулаками по раковине.

— Я все делаю не так!

Он подошел к Крис, сжал ее лицо в ладонях и произнес:

— Я люблю тебя, я тебе это уже сказал. Такой любовью, которая стремится к определенным обязательствам, к созданию семьи. Как же я могу не хотеть жениться на тебе, Крис?

Крис отвела глаза.

— Дэну были нужны мои деньги. Тебе сейчас нужен ребенок. Так что разница невелика.

— Это удар ниже пояса.

— Но ведь это правда, не так ли?

— Нет! Я был дураком, когда согласился весной на твои условия. С моей стороны было глупостью считать, что мой ребенок появится на свет, а мне не будет до него никакого дела. Я хотел оградить себя от новой трагедии, такой, какой была для меня смерть Ребекки, и думал, что твоя сделка поможет мне в этом. Но в жизни так не бывает — я это понял за прошедшую осень. Нельзя любить и одновременно бояться все потерять. Он ведь еще не родился, а я его уже люблю... — Гарольд сделал глубокий вдох. — Но даже если бы мы его не зачали, я все равно хотел бы на тебе жениться.

Она должна его остановить — но почему сделать это ей так трудно? И почему она кажется себе такой бессердечной стервой? И почему ей совсем не хочется возражать?

— Я не создана для брака, Гарольд, это я уяснила твердо. Я хотела, чтобы Дэн ушел, но он не желал. И ты тоже не желаешь уходить. Точно так же, как он. Я боюсь — неужели тебе не понятно?

— Если я останусь, ты будешь отождествлять меня с Дэном, а если уеду — потеряю тебя навсегда. Выбор у меня невелик.

Да, все его усилия ни к чему хорошему не привели: она по-прежнему хочет, чтобы он убрался из ее дома и ее жизни, и не видит разницы между ним и своим бывшим мужем, вызывавшим у нее отвращение. В последней попытке достучаться до Крис Гарольд сказал, уже не скрывая своего отчаяния:

— Пока ты не похоронишь воспоминания о Дэне, ты никогда не сможешь наладить свою жизнь. Почему бы тебе не съездить и не повидаться с ним?

— С какой стати я должна это делать? Просто я тебя не люблю, заруби себе наконец это на носу.

Но сердцем Гарольд отказывался это понимать.

— А как же ребенок? Наш ребенок?! В глазах Крис мелькнул ужас.

— Неужели ты отнимешь его у меня? Гарольд пошатнулся, словно от удара.

— Если ты считаешь, что я на это способен, тогда все действительно безнадежно. Мне надо уходить — больше я этого не вынесу.

Три минуты спустя Гарольд сбежал вниз с сумкой через плечо.

— Не надо меня провожать, я сам закрою дверь. Скорее всего здесь я не останусь, так что дай мне знать в Нью-Йорк, когда родится ребенок.

Крис хотела что-нибудь сказать, но ничего не смогла придумать. Гарольд коротко кивнул, и она услышала, как открылась и закрылась входная дверь. Дверь больше не скрипела: Гарольд смазал петли.

Он ушел. Она, наконец, добилась своего.

Спустя неделю, когда Крис заехала домой во время обеда, зазвонил телефон. Она сняла трубку и деловито произнесла:

— «Робине Бьюти Лэнд».

Всю эту неделю, стоило раздаться звонку, Крис каждый раз думала, что это Гарольд. И каждый раз оказывалось, что это не он. Крис понятия не имела, где он сейчас находится и чем занимается. Ясно было одно: звонить ей он не собирался.

— Крис? Это Мелани Смиттер. Как вы себя чувствуете, дорогая?

— Очень хорошо, спасибо. — Крис надеялась, что голос не выдал охватившего ее смутения. — А вы?

— Я всегда не особенно любила декабрь — на мой взгляд, слишком много искусственного веселья. Но со здоровьем у меня все в порядке. Том прекрасно ухаживает за моим садом, но у меня возникло несколько вопросов, которые, как мне кажется, требуют вашего внимания. Не могли бы

Вы приехать ко мне завтра во второй половине дня? Или послезавтра?

— Завтра меня вполне устроит. — Вот и хорошо. Жду вас в половине четвертого. Заодно выпьете со мной чаю.

На следующий день ровно в половине четвертого Крис стояла перед дверью дома миссис Смиттер. Оттепель закончилась, и декабрь вовсю давал о себе знать холодными ветрами. Крис плотнее запахнула пальто. По крайней мере, сегодня можно не волноваться, что налетишь на Гарольда. Сад показался ей идеально ухоженным. Может быть, дело в финансах?

Дверь отворилась, и Крис вошла. Мелани взяла у нее пальто и проводила в небольшую уютную комнату, где Крис еще не была: с небольшим камином, в котором весело потрескивали дрова, и книжными полками на три стены.

— Присаживайтесь, я сейчас принесу чай, — пригласила Мелани и выплыла из комнаты.

Крис ужасно любила рассматривать книги в чужих домах, поэтому она не стала садиться, а сразу подошла к полкам. И тут увидела фотографии Гарольда в красивых деревянных рамочках. Сердце ее болезненно сжалось.

Вот он: мальчишка, резвящийся в поле со спаниелем; молодой человек в академическом костюме — выпускник университета; жених, а под руку с ним миловидная девушка в воздушном белом платье, не спускающая с него светящихся обожанием глаз. И наконец последняя фотография, которой Крис инстинктивно боялась больше всего: Гарольд с маленькой девочкой на руках.

С Ребеккой...

Сзади неслышно подошла Мелани и взяла с полки фотографию, где были изображены Гарольд, Лора и Ребекка.

— Для него было страшной трагедией, когда его жена и дочь погибли в автомобильной

катастрофе. И хуже всего было то, что Гарольд винил в этом себя. Он был занят каким-то очень срочным контрактом, Лора с Ребеккой одни поехали в гости, а он собирался подъехать позже. Гарольд прекрасно водит машину. Вот он и убедил себя, что, если бы сам сидел за рулем, аварии не было бы. — Пожилая дама вздохнула. — Так это было бы или нет-мы никогда не узнаем. Но факт остается фактом, Лоры и Ребекки уже не вернешь...

Крис приросла к месту, не сводя глаз с милого личика Ребекки. Перед ее глазами встало лицо Гарольда, когда он рассказывал об аварии. Главного — что он чувствовал себя виноватым в смерти жены и дочери — он сказать не смог, это было слишком больно, чтобы с кем-то делиться. Впрочем, Крис ведь и не пыталась до него достучаться. Она вообще не стала ни во что вникать. И единственное, что сделала с тех пор, — это оттолкнула его.

Крис вдруг поняла, почему Гарольд винил себя в том, что она упала. Слава Богу, она постаралась убедить его, что это не так. Хотя в чем-то она поступила правильно.

Мелани снова заговорила, словно не заметив смятенного состояния молодой женщины.

— Впрочем, зачем я вам это рассказываю — наверняка вы и сами все знаете...

— Н-нет, — пораженная, с запинкой отозвалась Крис, — не все.

— Вот как... А мне казалось, что вы с Гарольдом были — как бы поточнее выразиться? — близки. Близки душевно.

Щеки Крис волной затопила краска. Она встретила взгляд пронизательных серых глаз, совсем таких же, как у Гарольда. Глаза смотрели на нее с искренней симпатией, и Крис не смогла солгать:

— Я не знала, что он винил себя за эту аварию.

Мелани мягко спросила:

— А если бы знали, вам это было бы безразлично, ведь правда?

Гарольд уже потерял ребенка и, если Крис откажется выйти за него замуж, построит глухую стену между ними, она лишит его второго. И ведь все было ясно с тех самых пор, когда он рассказал ей о Ребекке, но Крис упорно отказывалась это признавать. Больше всего на свете Крис захотелось положить голову на книжную полку и разрыдаться. Она сдавленно произнесла:

— Да, было бы безразлично.

Мелани кивнула — скорее, в ответ на какие-то свои мысли.

— Давайте присядем и выпьем чаю.

Крис опустилась в кресло, и миссис Смиттер принялась разливать чай в тонкие фарфоровые чашки, потом протянула Крис сахар и изящный кувшинчик со сливками.

— Должна признаться, что сегодня я совершаю непростительный поступок — вмешиваюсь в жизнь своего сына без его ведома и согласия. С первой минуты, когда я увидела вас вместе у себя в доме, я поняла, что между вами что-то происходит. А на концерте убедилась окончательно, что вы близки. Я стала подозревать, что Гарольд — отец вашего ребенка, и в

ноябре выяснилось, что дело обстоит именно так. Я была бы очень рада, если бы вы поженились. Но он сказал, что вы не хотите выходить за него замуж. Это правда?

Что могла ответить Крис?

— Да, это правда.

Мелани кивнула, как бы подтверждая, что учла жестокую правдивость ее ответа.

— На прошлой неделе, перед отъездом из города, Гарольд зашел меня повидать. Вид у него был ужасный — такой же, как в первые дни после той аварии, поэтому я и решила пригласить вас к чаю. Я понимаю, Крис, вы считаете, что я несносная старуха, которая вмешивается не в свое дело, но постарайтесь понять: речь идет о моем внуке. Мне тоже было очень непросто пережить гибель нашей девочки. Я была бы просто счастлива иметь внука. Скажите честно, пожалуйста: вы любите кого-то другого?

— Нет.

— Но и моего сына вы тоже не любите? Крис увидела, как задрожали руки пожилой женщины, и постаралась уйти от прямого ответа.

— Гарольд не сказал мне, что вы все знаете...

— Скорее всего он счел бы, что я использую запрещенный прием, Крис.

— Миссис Смиттер, — неожиданно сказала Крис, — из вас получилась бы замечательная свекровь.

Мелани явно оценила ее непосредственный порыв.

— Я скажу вам еще кое-что. Лора была очень милой девушкой. Но она была кроткой и уступчивой, в ней совершенно отсутствовал дух здорового авантюризма. Гарольд любил ее, когда они поженились. Но время шло, и я постоянно наблюдала, как он старается рядом с ней все время сдерживать свое жизнелюбие, стараясь вписаться в более ограниченный мирок Лоры... Поймите меня правильно: Гарольд никогда не жаловался и всегда был верен жене. А у меня, хоть вы можете этому и не поверить, всегда хватало такта не задавать вопросов о том, что между ними происходит, — будь то в постели или вне ее. Ну и, конечно, Гарольд всем сердцем любил Ребекку.

Крис вспомнила, как они впервые занимались любовью. Гарольд тогда сумел сдержать свой пыл, потому что Крис была зажатой и напуганной, и в конце концов доставил ей такое наслаждение, какое ей и не снилось. Он тогда сказал, что многое узнал о Дэне, занимаясь с ней любовью. Какой же она оказалась эгоисткой! Думала только о себе!

Я хочу снова заниматься с ним любовью, подумала Крис. Без всяких ограничений: ответить страстью на страсть, риском — на риск. Вернуть ему сторицей то, что получила. Освободить его от призраков прошлого.

— Крис, вам нехорошо?

Крис стиснула ручки кресла и торопливо и сбивчиво поведала Мелани историю своего замужества.

— Гарольд считает, что я должна снова увидеться с Дэном, — заключила она. — Но я совершенно не понимаю, что мне это даст?..

— Он скульптор? — негромко спросила Мелани. — Как, вы сказали, его фамилия? Может быть, я о нем слышала.

— Дэн Демпси, — сказала Крис. — Насколько я знаю, он сейчас в Нью-Йорке, — и поспешила добавить:

— На прошлой неделе... все как-то сразу навалилось, миссис Смиттер...

— Зовите меня Мелани, если не трудно.

— У меня было такое ощущение, что меня загнали в угол, а в таком состоянии я просто ничего не понимала. Я не могла думать о замужестве. Второй ошибки я бы просто не пережила.

Мелани снова с грустью повторила:

— Вы не любите Гарольда.

— Не люблю? — с отчаянием в голосе произнесла Крис. — Я любила Дэна, и он говорил, что любит меня, и вот что из этого получилось. Гарольд тоже говорит, что любит меня, но как я могу ему верить?

— В первую очередь вы должны верить себе. Крис вдруг поняла — вот она, истина.

— Буду с вами откровенна, Крис: одна из причин, почему я вас пригласила, — мне хотелось увидеть своими глазами, что происходит. Вы мне очень симпатичны. Вы мне понравились сразу, как только я вас увидела. Вы способная, жизнелюбивая. Мне бы очень хотелось, чтобы вы стали моей невесткой. Но если этому не суждено сбыться, я все же очень надеюсь, что вы позволите мне играть хотя бы небольшую роль в жизни вашего сына, моего внука...

В глазах Крис стояли слезы.

— Конечно, я буду рада. — Она решительно вздернула подбородок. — Я буду тоже откровенна, Мелани. При мысли о том, что я больше никогда не увижу Гарольда, мне становится по-настоящему больно. Но я пока не знаю... не знаю, как поступить. Звучит, конечно, бессмысленно, но более вразумительного объяснения я дать не могу.

— Ничего, я все поняла. Но если Гарольд вас любит по-настоящему, то вряд ли сам прислушается к голосу разума.

— Боюсь, что я ничуть не лучше его, сквозь слезы улыбнулась Крис.

Миновала еще неделя. Крис теперь передвигалась очень медленно. Она оставила дела в офисе на Тома, перестирала все собранные распашонки и пеленки и любовно разложила все в детской. От Гарольда по-прежнему не было вестей. Крис тоже не делала попыток с ним связаться, однако постоянно думала о нем, переосмысливая то, что услышала от Мелани. Крис поняла, что загнала их обоих, себя и Гарольда, в тупик, и не находила выхода. Сначала надо родить ребенка, решила она, а потом уже соображать, как жить дальше. Всему свое время.

Вивьен как-то пригласила Крис на обед, воспользовавшись возможностью поболтать в отсутствие Филиппа и убедив Крис выйти из дома, чтобы немного развеяться.

— Не хотела говорить тебе, но все же... — вкрадчиво произнесла Вивьен. — Ты еще не читала сегодняшние газеты? — Крис отрицательно покачала головой, и подруга сказала:

— Загляни в раздел «Досуг и развлечения».

Крис взяла газету и развернула на странице, где печатались объявления о концертах и выставках: в центре полосы была помещена черно-белая фотография мужчины. Это был Дэн.

Крис прочитала статью: в субботу Дэн Демпси открывал выставку своих работ в одном из центральных отелей. Автор лично собирался присутствовать на вернисаже с тринадцати до семнадцати.

Газета задрожала в руках Крис.

— Что ж, — неуверенно сказала она, — наверное, Рождество-самое лучшее время для выставки.

— Это все, что ты можешь сказать? А как насчет того, чтобы сходить туда со мной?

— Я не пойду!

— Пойдешь как миленькая. Ты же сама говорила, что Гарольд считает — тебе надо еще раз увидеть своего бывшего мужа.

— Спасибо, что предупредила, — сердито отозвалась Крис. — Теперь буду знать, от каких мест держаться подальше в субботу.

Вив уперла руки в бока.

— Знаешь, Крис, иногда я смотрю на тебя и просто диву даюсь. Я горячо люблю своего мужа, но я не слепая и вижу, что Гарольд Фарбер — роскошный мужик, красавец, и к тому же — а это большая редкость — хороший человек. Да еще с деньгами. О чем еще можно мечтать? Но нет, ты до скончания века готова сохнуть по какому-то паршивому скульптору, который высосал из тебя все соки, и, в конце концов, превратишься в озлобленную старуху, потому, что, будь уверена, рано или поздно поймешь, что совершила ошибку, отвергнув Гарольда. — Вив хлопнула по столу салатной ложкой. — Я заеду за тобой в субботу в половине второго. И не спорь.

— Вив, я не желаю его видеть!

— Естественно, ты не желаешь. Тем более что в последний раз, когда вы виделись, он поставил тебе синяк под глазом. Но я согласна с Гарольдом. Ты должна еще раз посмотреть на него.

Когда Крис уже садилась в такси, Вив напомнила:

— В половине второго в субботу, Крис, не забудь.

Утром в субботу Вивьен позвонила Крис.

— Ты не поверишь, — простонала она. — Филиппа задержали в Сент-Джоне, и он вернется только вечером. И во всем городе не найти ни одной приходящей няньки-все бегают за подарками к Рождеству. Так что мне не удастся поехать с тобой днем... Но я тебя прошу, я умоляю тебя, поезжай сама.

— Вообще-то сегодня обещали снег.

— Он пойдет только к вечеру — самое время, чтобы Филипп застрял еще и в аэропорту, — мрачно заявила Вивьен, — Пожалуйста, пойдди, Крис.

Крис пробормотала что-то нечленораздельное и стала расспрашивать, прорезался ли новый зуб у Мэта. Повесив трубку, она отправилась в кухню. И так, Вив ехать не может, синоптики обещают снегопад, а сама она сегодня проснулась с тупой болью в пояснице. Все говорило за то, чтобы зажечь камин и спокойно посидеть дома. Что толку встречаться с Дэном после стольких лет? Глупость какая-то.

До часу дня Крис бесцельно слонялась по дому в самом ужасном настроении. Без пяти час она поднялась в спальню, вынула свободного покроя зеленое платье и стала внимательно его рассматривать, словно это могло ей чем-то помочь. Платье было красивым и очень шло ей.

Они все считали, что ей надо встретиться с Дэном-и Гарольд, и Вивьен, и даже Филипп. Ей единственной вовсе не хотелось с ним встречаться. Но ведь Мелани поверила в нее, поверила, что она может что-то делать не только ради себя. Лора была кроткой и уступчивой, никогда не вылезала из своей раковины. И сейчас она, Крис, вела себя точно так же. Как последняя трусиха.

Что, если она никогда больше не увидит Гарольда? Никогда — это слишком долго!

Крис порылась в шкатулке с драгоценностями, отыскала нефритовые серьги под цвет платья и не без труда извлекла из шкафа новые кожаные сапоги. Затем поспешно оделась, стараясь ни о чем не думать, и даже наложила на лицо немного больше макияжа, чем обычно. Раз в жизни ей удалось уложить волосы так, как хотелось: короной вокруг головы, оставив несколько локонов вдоль лица. Наконец Крис посмотрела в зеркало и с удивлением увидела в нем отражение красивой цветущей женщины с огромными карими глазами и гордо посаженной головой.

Дерзай, Крис, велела она себе и спустилась вниз вызвать такси.

Она приехала на вернисаж, когда официальная часть была уже позади. Народу собралось довольно много. Знакомых не было, только в толпе мелькнула рыжая голова Вилли Тардиффа, журналиста, приятеля Гарольда, но он ее не заметил. Когда Крис увидела Дэна, она невольно сжалась от страха. Ей захотелось повернуться и бежать куда глаза глядят. Зачем она вообще сюда притащилась?!

Дэн стоял в дальнем конце зала, беседуя с ректором местного университета. Крис сделала глубокий вдох и вместе с другой публикой двинулась в глубь зала вдоль экспозиции, на ходу, приличия ради, бросая взгляды на скульптуры. Произведения бывшего мужа не произвели на нее никакого впечатления — большей частью они ей не понравились или были непонятны.

Через двадцать минут Крис все же решилась подойти к Дэну.

— Хелло, Дэн! — спокойно поприветствовала она его.

Дэн вздрогнул. Увидев Крис, да еще в «интересном» положении, он растерянно заморгал.

— Крис, — прошептал он. — Боже мой, Крис!

Затем, словно по мановению волшебной палочки, на его лице зажглась знакомая улыбка,

когда-то казавшаяся Крис такой неотразимой. А Крис разглядывала бывшего мужа как самый беспристрастный наблюдатель и регистрировала каждую мелочь. Дэн оказался вовсе не таким высоким, каким она его помнила. И как это она раньше не разглядела, какой у него капризный, пошлый рот? А глаза как осколки стекла — холодные, бесцветные, ничего не выражающие. И, кроме того, Дэн начал лысеть. Надо думать, его это очень смущало — он улыбался как-то суетливо, ничтожно.

— Поздравляю, — спокойно произнесла Крис.

— Ты что, живешь здесь? — спросил Дэн. — Ты снова вышла замуж?

— Нет, до сих пор не знаю, стоит ли идти на этот шаг, — с милой улыбкой, которая заслужила бы похвалу даже у Вив, ответила Крис. — Ты внушил мне отвращение к браку!

— Ты стала очень красивой женщиной. — Он словно не слышал ее. — И кто же этот счастливчик?

— Ты все равно его не знаешь. А ты по-прежнему женат?

— Да, но не на Корали. Ты не можешь себе представить, какой она оказалась собственницей — я просто задыхался. С месяц назад я снова женился. Моя жена теперь Нина, она известная манекенщица. Ты разве не слышала — все газеты о нас писали!

— Я не читаю разделы светской хроники, — небрежным тоном сообщила Крис-К тому же меня сейчас занимает совсем другое.

И с неожиданным звонким смехом, поразившим ее саму, Крис добавила:

— Желаю тебе всего хорошего, Дэн. Я, пожалуй, пойду, чтобы не мешать тебе общаться с нужными людьми.

И она царственно удалилась, оставив Дэна стоять с разинутым ртом.

Вот теперь она наконец распрощалась с ним навсегда, поняла Крис, надевая пальто. Как получилось, что она дала ему такую власть над собой? Он ведь совсем не страшный. Однако ей действительно надо было увидеть Дэна. Гарольд был совершенно прав. Тут Крис заметила, что рыжий Вилли машет ей рукой, и поторопилась выйти на улицу.

Небо стало уже совсем свинцовым, начинался снегопад. Однако Крис ничего не замечала. Она была свободна — от прошлого и от мужчины, который едва не разбил ее жизнь. Крис вспомнила, как Дэн всегда старался унижить ее, заставить чувствовать себя неполноценной. Таким образом он мог легче ее контролировать. А вот с Гарольдом она всегда чувствовала себя умной и красивой, ибо он, наверное, и вправду любил ее такой, какая она есть. Может быть, их брак с Гарольдом стал бы счастливым для них обоих.

Направляясь по дорожке к дому, Крис почувствовала, как на лицо ей упали первые снежинки. Поясница по-прежнему ныла, но она все же чувствовала себя легкой, как бабочка, и, если бы смогла, пустилась бы сейчас вприпрыжку.

Дверь за ней бесшумно затворилась — Гарольд смазал петли. Крис подошла к окну и погладила замененную им защелку. Оглядела гостиную, вспоминая все, что он сделал в ее доме.

И зачем она прогнала Гарольда? Господи, какая дура!

Крис разожгла камин. Задергивая шторы, она обнаружила, что на улице уже вовсю валит снег. Радостное чувство, рожденное сознанием свободы, покинуло ее. Крис поняла, что упустила свой единственный шанс стать по-настоящему счастливой. Упустила, сказав Гарольду, что не любит его.

Но ведь она любит его. Любит с той самой первой ночи, которую они провели вместе.

Крис подбросила полено в камин. Сбросила сапоги и стала расхаживать взад-вперед, держась за спину. Еще несколько часов назад она панически боялась встретиться с Дэном. Но это было ничто по сравнению со страхом, охватившим ее теперь, — страхом, что она никогда больше не увидит Гарольда, что навсегда оттолкнула его от себя.

Ветер раскачивал деревья в саду, кружил снежные вихри по пустой улице. Блеклый серый свет погас, и на город опустилась тьма. Зажглись уличные фонари, тускло мигая среди разыгравшейся вьюги. И тут Крис вдруг осенило: прошло всего две недели, как они расстались, а она уже считает, что Гарольд ее разлюбил. Нет, этого не может быть, он совсем не такой человек, его чувства не могут быть столь легковесны.

Не обращая внимания на болезненную тяжесть в животе, Крис встала и направилась к телефону. Поспешно набрала номер телефона Гарольда в Нью-Йорке, который он оставил ей, чтобы она сообщила ему о рождении ребенка. Длинные гудки. Она несколько раз крутила диск. Никто не отзывался.

Крис уже не сдерживала слез. Она повесила трубку, высморкалась и подбросила еще одно полено в камин.

Звонок Вилли Тардиффа прозвенел неожиданно и застал Крис в слезах. Они с Вилли были добрыми друзьями, но днем, на вернисаже, Крис совсем не хотелось встречаться с ним и отвечать на неизбежные вопросы. Впрочем, сейчас она вспомнила, что именно Вилли познакомил ее с Гарольдом Фарбером.

Вилли проявил невероятную для журналиста деликатность — он порадовался за то, что Крис ждет ребенка, но не стал расспрашивать, вышла ли она замуж, кто отец и тому подобное. Зато он, как всегда, пожаловался на тяжелую жизнь и похвастался, что как раз сегодня заметку о выставке Дэна он продиктовал для «Нью-Йорк тайме».

Невинная болтовня Вилли навела ее на мысль отправить Гарольду срочную телеграмму. Это удалось на удивление быстро. Она смело продиктовала телефонистке: Гарольд, я люблю тебя, ты нужен нам. Приезжай немедленно. Крис.

Близился вечер. В пять вечера Крис позвонила Вивьен, рассказала ей, как прошла встреча с Дэном, и выяснила, что Филипп успел-таки добраться до дому, хотя ехать было страшно тяжело. Крис поужинала и стала смотреть в окно на метель, моля Бога, чтобы Гарольд поскорее получил телеграмму.

А может быть, у него свидание? В конце концов, сегодня суббота.

Повинуясь внезапному импульсу, Крис решила позвонить Мелани. Однако, сняв трубку, не услышала гудков. Телефон в спальне тоже молчал. Обрыв на линии, с беспокойством подумала Крис. Через несколько минут погас и свет. Она ощупью добралась до кухни, отыскала свечи и отнесла их в гостиную. Боль в спине становилась все сильнее. Да еще это ощущение, словно в

животе что-то сжалось, а потом отпустило.

И тут ее словно ударило током. Схватки! Это же схватки!

Крис поспешно записала на клочке бумаги время. Она уже позабыла обо всем на свете — ведь вот-вот должно свершиться чудо. Скоро родится ее ребенок! Ее сын, ее и Гарольда. Первые роды обычно длятся долго, а метель, похоже, не собирается униматься.

И тут словно по команде схватки участились. Всякие сомнения отпали — у нее начинались роды. Крис постаралась справиться с паникой, ведь стоит только поддаться ей — и совсем перестанешь соображать. Надо скорее добраться до соседей, оставаться одной нельзя.

Попробую перейти на другую сторону улицы, решила Крис. Одна я тут не выдержу.

Еле передвигая ноги и держась за стену, Крис с трудом натянула пальто, ухитрилась втиснуть ноги в старые сапоги и, положив ключ от дома в карман, повернула ручку двери.

Порыв ветра распахнул дверь и едва не отбросил ее к стене. Прихожую тут же замело снегом. Одновременно пришла новая схватка, и Крис, вскрикнув от боли и страха, ухватилась за ручку двери, словно от этого зависела ее жизнь.

Наконец ее отпустило. Напрягая зрение, она всматривалась в темноту. Ничего не видно. Ей не дойти даже до ворот, не говоря уж о противоположной стороне улицы. Хуже того, она может просто свалиться, и никто не узнает, что она лежит там, в снегу. Крис изо всех сил налегла на ручку, закрыла дверь и оперлась о нее, тяжело дыша. Выхода не было — ей предстояло со всем справиться самой.

В конце концов, многие женщины рожают детей одни, без всякой помощи, ведь роды — естественный процесс. Крис разделась, вернулась в гостиную и стала внимательно читать справочник, но при этом в душе взывала к Гарольду. Ей хотелось сказать, что она любит его и он нужен ей сейчас как никогда. Что она мечтает, чтобы он сейчас был рядом, и жалеет, что прогнала его прочь.

Всю субботу Гарольд провел на строительной площадке и домой вернулся только под вечер очень уставший. Не успел он открыть дверь — на полу обнаружился белый листок, обклеенный строчками. Срочная телеграмма. Крис просила его приехать, немедленно!

Дрожащими пальцами Гарольд набрал номер ее телефона. Однако на линии раздавались лишь какие-то щелчки. После нескольких неудачных попыток он стал звонить на станцию и выяснил, что телефоны в Портленде отключились из-за снежной бури.

Гарольд позвонил в аэропорт. Последний рейс на Портленд отбывал через сорок пять минут, хотя из-за погодных условий ему грозила посадка по дороге. Гарольд зарезервировал место, вызвал такси и успел в аэропорт как раз к окончанию посадки. В самолете он изнывал от нетерпения, а потом сидел, стиснув кулаки, пока они кружили над Портлендом, не решаясь сесть.

Наконец пилоту все же удалось благополучно посадить самолет, и пассажиры дружно зааплодировали. Гарольд сидел в салоне первого класса, так что ему удалось выйти одним из первых. Было уже девять часов вечера. Он шел по галерее, соображая, не стоит ли еще раз позвонить Крис, но потом решил, что лучше сразу поехать к ней. И только подойдя к выходу из аэровокзала, он увидел, как сильно разыгрался буран.

— Довезу за десять минут! — сквозь завывания ветра крикнул таксист. — Поедем за снегоочистителем.

— Плачу втрое, если как можно скорее доставите меня по этому адресу. — Гарольд назвал адрес Крис.

— Нет проблем, — объявил таксист. — Первая буря в году вечно застаёт всех врасплох. А я вот пару дней назад поставил зимнюю резину. Жена говорит: «Чарли, прошлый год ты дождался, пока было уже поздно, так что в этом году будь умнее». А вот и снегоочиститель. Ну, теперь держитесь, приятель.

К тому времени, когда ни добрались до города, у Гарольда было такое ощущение, словно они с Чарли сто лет знакомы. Главные магистрали были расчищены, и такси без особого труда справлялось со свежими снежными заносами, однако когда они подъехали к жилому кварталу, где находился дом Крис, Чарли остановился у обочины.

— Не знаю, как проедем, — заметил он. — Похоже, здесь снег еще не разгребали.

Гарольд наивно полагал, что по мере приближения к дому Крис его нетерпение уменьшится, однако чем ближе они подъезжали, тем больше его охватывало беспокойство. Ему страстно хотелось сжать ее в своих объятиях и наконец услышать волшебные слова, что она его любит. Гарольд страшно волновался. У нее все в порядке, иначе и не может быть, убеждал он себя. Ребенок ведь должен родиться только через две недели.

— Может, мне здесь лучше выйти и идти пешком, — всматриваясь в ветровое стекло, произнес он. — Отсюда всего минут десять.

— Погодите-ка, — остановил его водитель. ~ Вон, кажется, снегоочиститель и, похоже, идет как раз туда, куда нам надо.

На углу блеснули желтые огоньки снегоочистителя, и такси сразу пристроилось за ним. И тут Гарольд сообразил, что все дома в округе — темные, окна освещались лишь мерцающим пламенем свеч. Крис в ее состоянии ни в коем случае нельзя оставаться одной, без телефона, света и отопления. Какое счастье, что она сообразила послать телеграмму.

Когда они добрались, Гарольд вынул бумажник, заплатил водителю и попросил:

— Послушайте, Чарли, может, это и не понадобится, но не могли бы вы подождать минутку, пока я проверю, как там моя жена. Она ведь почти на сносях.

Увязая в снегу, Гарольд добрался до двери и нажал кнопку звонка. Ответа не последовало. Ну да, все правильно, ведь звонок-то электрический, и стал колотить в дверь кулаком. В окнах Крис мелькнул огонек. Стало быть, она дома. И скорее всего, не спит, иначе бы погасила свечи.

Гарольд снова постучал в дверь и уже собирался идти к черному ходу, но случайно нажал на дверную ручку. Дверь оказалась не заперта. Она подалась, и вместе с порывом ветра Гарольд ввалился в прихожую.

— Крис! — закричал он. — Где ты?

Чтобы снова закрыть дверь, понадобилось большое усилие, и в наступившей тишине Гарольд наконец услышал слабый голос Крис:

— Гарольд, это ты?

Он стряхнул с ботинок снег и вошел в гостиную. Крис лежала на диване, рядом стоял таз с горячей водой, сложенные стопкой полотенца и детские пеленки. Гарольд в который раз восхитился мужеством и силой духа Крис. Да, она действительно та женщина, которая ему нужна — до конца жизни.

— Крис, — с нежностью сказал он, — ты храбрее всех моих знакомых мужчин, вместе взятых. Не волнуйся, у дома стоит такси, и я в пять минут доставлю тебя в больницу.

Волосы молодой женщины были влажными от пота. Она тяжело дышала. Гарольд протянул к ней руки и почувствовал, как ногти Крис впились в его ладони. Она изо всех сил сжимала его руки, пока не миновала схватка.

— Только побыстрее, Гарольд, — слабо улыбнулась Крис-Иначе придется рожать здесь...

Дверь снова распахнулась, и водитель Чарли крикнул:

— Эй, вам там помощь не нужна?

Следующие несколько часов плохо запомнились Гарольду. Они с водителем донесли Крис до такси, ухитрившись пристроить ее на заднем сиденье так, чтобы она могла лежать. Гарольд с трудом добрался до дома, погасил свечи и запер дверь. Чарли, явно испытывавший пристрастие к драматическим эффектам, врубил дальний свет и аварийную сигнализацию и, не снимая руки со звукового сигнала, помчался через перекресток.

В короткий промежуток между схватками Крис прошептала:

— Я люблю тебя, Гарольд, очень люблю. Просто не верится, что ты здесь.

— Я тебя тоже очень люблю, Крис, родная. Держись! И кричи, если тебе будет от этого легче, — велел Гарольд. Он был готов отдать все на свете, чтобы принять ее боль на себя.

Семь недель спустя Крис вышла от своего врача, успокоенная и взволнованная одновременно. Ей подтвердили то, что она знала и сама: она совершенно здорова и может возвращаться к нормальной сексуальной жизни.

У нее родился план — очень озорной...

Крис и Гарольд поженились в конце декабря. Свадьба была скромной. Кроме молодоженов, были только свидетели — Вивьен с Филиппом — и Мелани в ярко-красном костюме, очень довольная собой и всем происходящим. Гарольд пока переехал в коттедж Крис, но весной они собирались купить собственный дом. Свою штаб-квартиру Гарольд перевел в Портленд.

Он оказался необыкновенным отцом. Единственное, что омрачало их семейную идиллию, — Крис и Гарольд не занимались любовью. С тех пор как он переехал в ее дом, вынужденное воздержание доводило Крис до иступления. Гарольд — она знала — испытывал те же чувства. Оба они с большим трудом сдерживали себя.

Но сегодня время воздержания прошло, и Крис почувствовала себя как новобрачная — робкой и неуверенной. Будет ли их близость такой же страстной и пылкой, как несколько месяцев назад? — спрашивала она себя. И будет ли она по-прежнему желанной для Гарольда?

В последнее время они много разговаривали, и Крис больше узнала о Лоре, о ее страхе перед физической близостью и о том, как приходилось Гарольду укрощать свои желания. Гарольду не нужна поникшая фиалка, думала она, выходя на улицу, утопавшую в грязном февральском снегу, он заслуживает тигровой лилии.

Внезапно приняв решение, Крис отправилась в ближайший магазин, где продавали дамское белье. Через полчаса она вышла, застегнув пальто на все пуговицы, с пластиковым пакетом в руках и конвертом, внутри которого лежал цветок.

Гарольд остался дома с Джейсоном. Если повезет, малыш сейчас должен крепко спать.

Припарковав машину возле дома, Крис извлекла из конверта лилию, а потом с сильно бьющимся сердцем побежала к дому.

Почти сразу в прихожую вышел Гарольд. Он был в джинсах и хлопчатобумажной рубашке. Волосы его были еще влажными после душа.

— Джейсон спит? — невинно спросила Крис.

— И еще как крепко.

С сияющими глазами Крис вынула лилию из-за спины и попросила мужа:

— Помоги мне снять пальто, Гарольд.

Гарольд взял цветок и заглянул в его оранжевую сердцевину. Затем поднял глаза на жену: Крис с рассыпавшимися по плечам волосами и раздурманенными щеками была так хороша, что он задрожал от желания. Положив лилию на стул, Гарольд произнес:

— Добро пожаловать домой, миссис Фарбер. — И поцеловал ее со всей страстью, накопившейся в нем за эти несколько месяцев воздержания.

Какое райское блаженство, подумала Крис.

И тут ощутила, как пальцы мужа взяли за верхнюю пуговицу ее пальто. Она поспешно опустила ресницы.

Уверенными движениями он расстегнул пуговицы и распахнул полы пальто. Под пальто на ней был лишь низко вырезанный черный кружевной бюстгальтер, такие же трусики-бикини и длинные черные чулки. Щеки ее уже горели огнем.

Гарольд улыбнулся и провел ладонью по ее обнаженной талии к бедру.

— Ты случайно не собираешься меня соблазнить?

Глаза Крис в ответ заискрились смехом.

— Знаешь, что мне в тебе больше всего нравится? Ты все схватываешь на лету.

— Стараюсь, — усмехнулся Гарольд. Крис обняла его за шею и шепнула:

— Сначала я хотела зажать лилию в зубах, но у нее такой странный горьковатый вкус...

Гарольд наконец расхохотался.

— Крис... Если бы я знал, что ты планируешь такой спектакль, я бы поставил на полную мощность фламенко. И ты еще удивляешься, что я тебя люблю.

— Иногда удивляюсь, — честно призналась Крис.

— Никогда не сомневайся в этом, — прорычал Гарольд, целуя страстно ее шею, ее ладони, губы. — И лучше не снимать пальто, пока я буду нести тебя наверх.

Гарольд подхватил ее на руки.

— А ты стала заметно меньше весить, — шутливо констатировал он.

— И уже больше не стенаю и не хватаюсь за твои руки, — согласилась она.

— К этому мы придем позже, моя радость.

Страсть их была бурной и ненасытной, а нежность делала теплее все щедрые ласки, которыми они стремились одарить друг друга.

Они уснули в объятиях друг друга и проснулись лишь когда заплакал малыш.

— Я сейчас покормлю его и вернусь в постель, — шепнула Крис.

Гарольд погладил ее полную грудь и ощутил, как по телу Крис вновь пробежала дрожь желания.

— Хорошая мысль — нам ведь многое надо наверстывать.

Третий лишний? Да, бывает и так. Но, к счастью, не всегда.